Высший Совет Народного Хозяйства.
Отдел Редакционно-Издательский.

Работы бюро экономических исследований.

ПРИНЦИПЫ и МЕТОДЫ

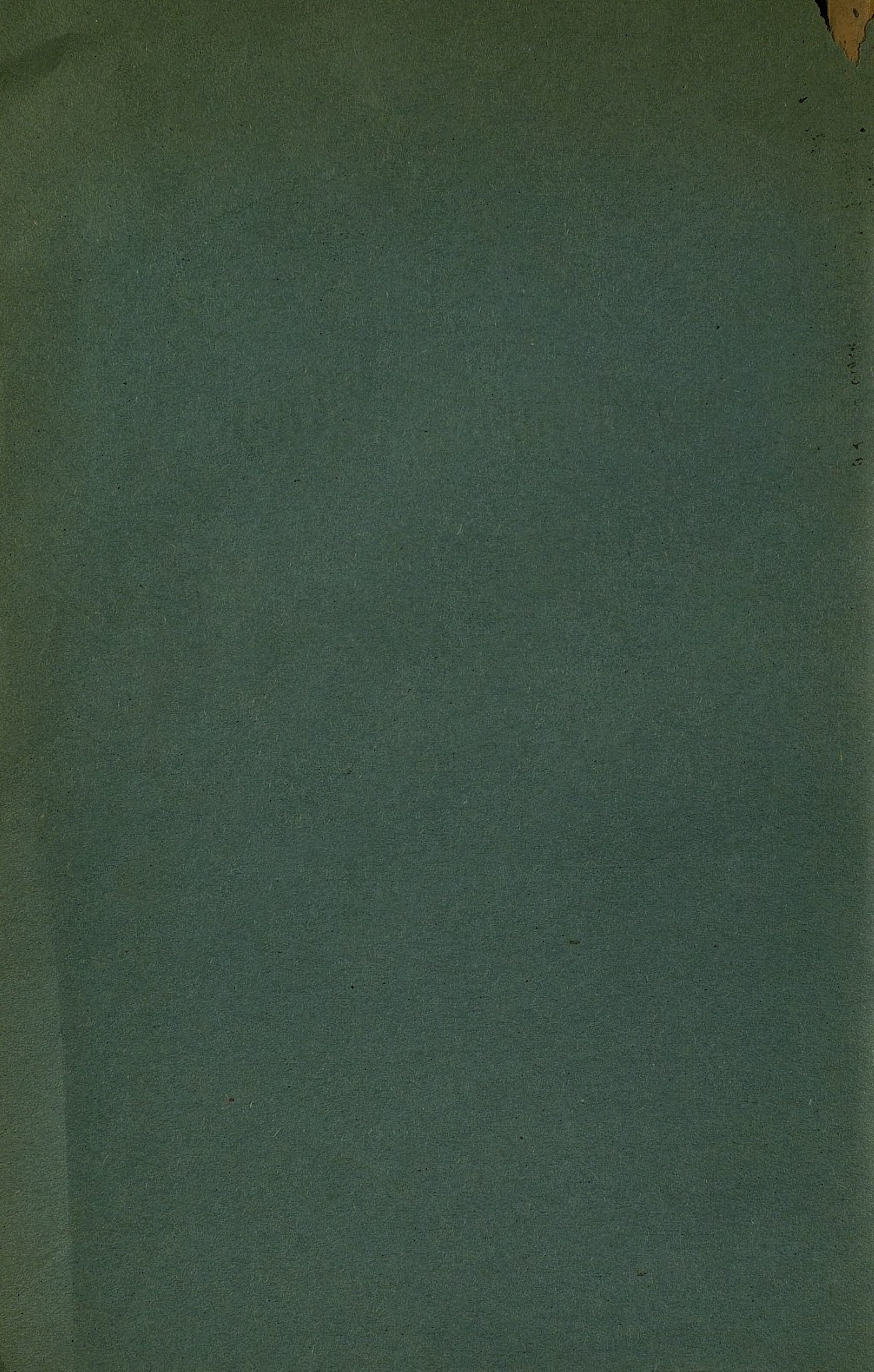
организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости

Н. М. Вишневского.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. Громана.

МОСКВА
1920 г.

Высший Совет Народного Хозяйства.
Отдел Редакционно Издательский.

Работы бюро экономических исследований

ПРИНЦИПЫ и МЕТОДЫ

организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости.

Н. М. Вишневского.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. Громана.

МОСКВА
1920 г.

16-я Государственная типография

ВВЕДЕНИЕ.

Прошло почти два года после революции в феврале 1917 г.

И почти такой же срок отделяет нас от того момента, когда государственная власть, в лице Временного Правительства, издав закон о хлебной монополии. встала на путь проведения *действительных* мер по регулированию народно-хозяйственной жизни страны.

Два года отделяющие нас от издания закона о хлебной монополии, были годами политики, направленной на расширение значения государственной власти в народно - хозяйственной области.

В настоящее время государству принадлежит монополия в деле заготовки и распределения всех важнейших продуктов и предметов питания и широкого потребления, главнейшие виды промышленности и торговли национализированы.

Но несмотря на неизменность политики государственной власти, теперь, так же, как и два года назад, вопрос о целесообразности и необходимости государственного регулирования народно-хозяйственной жизни не потерял характера вопроса. В условиях все обостряющегося общего хозяйственно-экономического кризиса мысль многих, принадлежащих к самым различным социальным слоям общества и исповедующих самые различные политические взгляды, возвращается к основному вопросу – а нужна ли вся эта система регулирования с ее мало удовлетворительными практическими результатами не настал ли момент возвратиться к существовавшему ранее и более или менее удовлетворительно выполнявшему задачу продовольствования населения и снабжения его предметами потребления, режиму свободной торговли.

Мало этого. Для многих лиц, среди которых мы найдем и представителей экономической науки разрешение переживаемого кризиса путем государственного регулирования различных сторон народно хозяйственной жизни, в том числе и распределения продуктов и предметов продовольствия и широкого потребления, предмет нашего дальнейшего изучения, — путь ошибочный, искусственно примененный в условиях русской жизни, являющийся в настоящее время чуть ли не причиной усиления самого кризиса.

Такое положение вопроса о регулирующей деятельности государства заставляет нас, прежде, чем перейти к непосредственно интересующей нас области регулирования и распределения, остановиться на ходе событий в народно-хозяйственной жизни России, *логическим* и исторически неизбежным завершением которых и является ныне существующая система регулирования.

1914—1915 года. Начавшаяся мировая война порвала часть нитей, связывавших хозяйства отдельных стран между собою и вызвала почти полное прекращение экспорта русского хлеба, шедшего до того времени в страны, ставшие враждебными. Еще неопределившаяся действительная потребность армии в продуктах сельского хозяйства вызывает опасения части русских экономистов, что продукты, ранее вывозившиеся за-границу, не будут полностью использованы для продовольствования армии, и предложение их со стороны производителей на внутреннем рынке должно отразиться на ценах этих продуктов, в сторону их падения.

Но, вопреки ожиданиям, фактически цены начинают расти почти с самого начала войны, а в конце 1914 г. в отдельных местностях, благодаря также заминкам в работе транспортного механизма, намечается недостаток в продуктах, в том числе и продуктах сельского хозяйства, сопровождающийся увеличением на них цен. К началу 1915 г. растущая дороговизна продуктов, а также и недостаток в них, принимает более общий характер.

Дороговизна привлекает к себе общественное внимание. При обществе имени А. И. Чупрова в Москве организуется в марте месяце, по докладу В. Г. Громана, специальная „комиссия по изучению причин современной дороговизны“.

В апреле месяце экономический отдел Вс. Союза Городов, констатируя, что „дороговизна жизни сделалась уже общим явлением в городских центрах“ [1]) предпринимает анкету для выяснения вопросов, связанных с причинами наступившей дороговизны и мерами, проводимыми местными органами городского самоуправления для борьбы с нею.

Борьба с повышением цен, начатая в связи с циркуляром министра внутренних дел еще в августе—сентябре 1914 г., путем издания такс, не давшая положительных результатов и не остановившая роста цен, переходит постепенно в борьбу с дороговизною, а вслед за тем—и в борьбу с недостатком продуктов.

Ответы на анкету Союза Городов констатируют „острую нужду в продуктах:

в муке пшеничной	92	города,	принадлежащие	к 48	губерниям
„ муке ржаной	89	„	„	„ 46	„
„ сахаре	75	„	„	„ 44	„
„ крупе	55	„	„	„ 31	„
„ овсе	55	„	„	„ 30	„
„ мясе	46	„	„	„ 30	„
„ каменном угле	43	„	„	„ 23	„
„ соли	36	„	„	„ 25	„
„ дровах	34	„	„	„ 21	„
„ керосине	28	„	„	„ 22	„

и т. д.“ [2]).

---

[1]) См. „Анкета о дороговизне 1915 г.“ Изд. Союза Городов, стр. 1.
[2]) Там же, стр. 31.

В борьбе с дороговизною и с недостатком продуктов и предметов, мерой, имеющей наиболее действительный характер, большинство городов признает организацию городскими самоуправлениями закупочных операций, в результате которых возможно уменьшение недостатка продуктов, с одной стороны, и с другой стороны—продажа заготовляемого по ценам себестоимости должна побуждать частных торговцев к понижению цен на соответствующие продукты.

Анкета указывает на 65 городов, уже приступивших к собственным закупкам, и на 34 города, предполагающих приступить и предпринявших для этого различные первоначальные шаги [1]).

Распределение закупаемых продуктов среди населения по большинству городов, ответивших на анкету, производилось при посредстве собственных складов и лавок. Часть городов передавала распределение в руки частной торговли, обязывая ее продавать продукты по заранее определенной цене, или же кооперативам (в очень немногих случаях), или, наконец, различного рода организациях (мещанскому обществу, еврейскому обществу).

Регулирование распределения применялось в очень немногих случаях и в наиболее примитивной форме—установлением максимума, отпускаемого в одни руки [2]).

Что касается причин дороговизны и недостатков продуктов и предметов, то они в апреле 1915 г., по данным анкеты, в большинстве случаев сводятся к расстройству транспорта (65 показаний) и в значительно меньшем числе случаев к появлению на рынке усиленного спроса со стороны интендантства и отдельных воинских частей (22 показ.), спекуляции (18 показ.), запрещению вывоза из мест производства и закупок (16 показ.), повышению платы за провоз (12 показ.) и т. д. [3]).

Таково положение на местах.

Центральная государственная власть озабочена главным образом и почти исключительно выполнением задач по снабжению армии. Прежде всего несколько раз меняется орган, ведающий делом снабжения. 19 мая руководство делом заготовок для армии передается из главного управления земледелия и землеустройства в специально учреждаемый при министерстве торговли и промышленности Главный Продовольственный Комитет. 17 августа получает силу закона, одобренного Государственною Думою и Советом, проект о поручении заведывания продовольственным делом главноуправляющему земледелием и землеустройством и учреждении особого совещания для обсуждения и об'единения мероприятий по продовольственному делу.

В части обеспечения продуктами и предметами продовольствия и широкого потребления не только армии, но и гражданского населения, со стороны центральной государственной власти не предпринимается за весь 1915 г. никаких мер.

Можно лишь отметить циркуляр министра внутренних дел от 30 апреля, сообщающий о мерах, предпринимаемых для спо-

---

[1]) Там же, стр. 89.
[2]) Там же, стр. 93—95.
[3]) Там же, стр. 50—53.

собствования местным продовольственным органам обезпечивать население продуктами продовольствия и отчасти первой необходимости и сводящихся к установлению по отношению к грузам, идущим в адрес местных органов, права преимущественной внеочередной перевозки по жел. дорогам.

Кроме того 27 ноября делается первая попытка борьбы с сепаратными мерами местных гражданских и военных властей по урегулированию ими хозяйственной жизни в виде предоставления председателю особаго совещания по продовольствию права „устанавливать в пределах империи, или отдельных ее районов, предельные цены на продажу продовольственных продуктов и фуража обязательные для всех“... („Собр. узаконений“, 1915 г. № 356, стр. 1689).

1916 год. Разрозненные меры, проводимые в 1915 г. местными продовольственными органами, не остановили ни роста цен, ни все увеличивающегося недостатка продуктов.

Процесс все возрастающего недостатка продуктов начинает заслонять собою их дороговизну. Россия, а уже не отдельные местности ее, переходит из полосы преимущественно только дороговизны продуктов в полосу также и их недостатка. Создается „продовольственный кризис“. Меняется самое название мероприятий, проводимых государством и обществом. Выражение „борьба с дороговизною“ сходит со сцены и заменяется первоначально выражением „борьба с дороговизною и продовольственным кризисом“, а затем просто—„борьбой с продовольственным кризисом“.

Меняется и психология населения. Цена продукта отступает на второй план—у населения появляется стремление получить продукты хотя бы и по дорогой цене, а опасение, что продукты могут исчезнуть с рынка, влечет за собою желание приобрести их не только для удовлетворения текущих надобностей, но и про запас. Появляются и с каждым днем растут очереди („хвосты“) у лавок, торгующих главнейшими продуктами и предметами продовольствия и первой необходимости. Условия приобретения, недостаток и дороговизна продуктов—дороговизна, несоответствующая материальным рессурсам широких масс городского населения, вызывают в последнем все растущее недовольство, нередко стихийно выливающееся в различного рода эксцессы (разгромы лавок, избиения и убийства торговцев, представителей администрации и т. д.).

Система твердых цен (или, как их именует закон, „предельных цен“), применяемая при закупках для армии, и отсутствие общегосударственных определенных цен для закупок, производимых для удовлетворения нужд гражданского населения, создавая на рынке двойственность цен, в результате затрудняли закупки для обоих категорий.

Возможность продать продукт для гражданского населения по более высоким, вольным ценам сокращала предложение по твердым ценам для армии, а желание повысить цены при продаже гражданскому населению вызывало со стороны производителей и торговцев продуктами стремление не выпускать их на рынок, создавать искусственный недостаток продуктов и тем поднимать цены на них.

Таковы, в кратких словах, были те условия, которыми должна была определяться политика государственных и общественных продовольственных органов.

Из мероприятий государственной власти за первую половину 1916 г. необходимо отметить постановление министра земледелия, как председателя особого совещания по продовольственному делу, от 12 февраля о предоставлении права местным уполномоченным председателя особаго совещания ходатайствовать перед последним *о закупке для гражданского населения местностей* с недостатком продовольственных продуктов *распоряжением правительства по твердым ценам*, установленным при закупках для армии („Собр. узаконений", 1916 г. № 53, стр. 350).

Принципиальная важность приведенного постановления заключается в том, что ровно за год до революции и применения регулирования государственною властью народно хозяйственной жизни страны, в эпоху самодержавного режима, была признана необходимость государственного вмешательства в дело продовольствования гражданского населения, наравне с продовольствованием армии; было признано, что в условиях, вызванных войной, частной и общественной инициативы для обеспечения населения продовольствием недостаточно.

Весь 1916 г. прошел в непрерывной борьбе представителей общественно экономической мысли за изменение государственной народно-хозяйственной политики в сторону более активного вмешательства государства в хозяйственную область.

Борьба, помимо прессы, сосредоточивалась в особом совещании по продовольствию, к участию в работах которого были допущены и представители общественных организаций.

В этой общей борьбе оппозиции особого совещания, возглавляемой представителем Союза Городов В. Г. Громаном, кульминационным моментом за весь 1916 г. является борьба вокруг вопроса о распространении твердых цен на хлебные продукты на все без исключения сделки, а не только на те из них, которые совершаются местными уполномоченными председателя особого совещания для нужд армии, и кроме того—об установлении твердых цен на предметы широкого потребления.

Победа в этой борьбе, хотя и неполная, осталась за оппозиционной частью особого совещания — 9 сентября министром земледелия был издан приказ об установлении твердых цен для всех без исключения сделок на главнейшие хлебные продукты.

Вторая часть вопроса о твердых ценах - распространение их и на предметы широкого потребления—удовлетворительного разрешения в 1916 г. не получила.

Благодаря отсутствию твердой и последовательной политики, среди производителей хлеба создалось настроение борьбы против твердых цен—в ожидании отмены их, хотя бы в части сделок для гражданского населения, предложение хлеба начало в угрожающих размерах сокращаться.

Увольнение, в результате кампании крупных дворян-землевладельцев, министра земледелия графа Бобринского, проведшего твердые цены, и назначение на его место Риттиха, давало

надежды на успешное окончание начатой борьбы с системой твердых цен и в еще большей степени сократило предложение хлеба.

Политика частичных уступок производителям хлеба, проводимая и гр. Бобринским, и Риттихом, окончательно разрушала всякую возможность вести заготовку хлебных продуктов в размерах, сколько-нибудь удовлетворяющих потребность в них. Острый недостаток в продуктах стал общим явлением не только в городах, среди гражданского населения, но и на фронте, среди армии.

В области распределения направление политики центральной государственной власти в 1916 г. может быть разбито на два периода.

Первый период, уходящий своим началом в конец 1915 г., характеризуется отрицательным отношением государственной власти и проведению мер, направленных к регулированию распределения.

Регулирование и его формальное выражение в виде карточной системы распределения признается в конце 1915 г., в связи с проектом введения карточек в г. Петрограде, комиссией по борьбе с дороговизною при особом совещании по продовольствию, а по ее докладу—и самим особым совещанием, ненужным в русских условиях по существу, вредным и *опасным для правительственной власти* (курсив наш. Н. В.).

Ненужность регулирования распределения в русских условиях мотивировалась комиссией тем соображением, что „сложная для выполнения и тягостная для населения система нормировки потребления продовольствия до сих пор применена лишь в тех государствах, которые, обладая ограниченным запасом продуктов, озабочены сохранением их на возможно долгое время путем сокращения потребления. Между тем, в России продовольственные запасы имеются в изобилии... и лишь расстройство перевозок затрудняет прибытие продовольствия и фуража в Петроград“ [1].

Вредность регулирования сводится к тому, что „неизбежным последствием однообразного поголовного расчета продовольствия на всех обывателей явится необходимость повышения ежедневных норм подвоза: лица, вовсе не потреблявшие известных продуктов или пользовавшиеся ими в ограниченном размере, получат по карточке право на одинаковое со всеми количество продуктов“.

Прямым анекдотом отзывает аргументировка комиссии опасности регулирования потребления для правительственной власти:

„До сих пор,—говорит она,—каждый житель Петрограда, чувствуя недостаток продовольствия из-за затруднений в железнодорожных перевозках, не считал себя в праве пред'являть органам правительственной власти требования о снабжении определенным количеством продуктов. С введением нормировки потребления, последствием которой является снабжение населения продовольственными карточками, фактические отношения

---

[1]) Цитируем здесь и в дальнейшем по брошюре „Карточная система“, изд. управления делами особ. сов. по продовольствию, стр. 3—57-я.

между потребителями и торговцами заменяются уже правовыми притязаниями и обязанностями, причем обязанности по доставке в определенный срок и в определенное место данного продукта ложатся на органы власти, а горожанам предоставляется право требовать снабжения их полагающимся для них количеством продуктов".

„На-ряду с этим комиссия выразила серьезные сомнения в технической возможности осуществить в Петрограде систему нормировки. Уже одна раздача карточек свыше чем 500,000 семействам представляется грандиозной задачей; серьезные затруднения вызовут выяснение потребностей каждой отдельной семьи. Понадобится непосильная в наших условиях, сложная и стройная организация закупающих, транспортирующих и распределяющих продукты общественных и правительственных органов".

Такова была официальная аргументация, выдвинутая классовой государственной властью Романовых против нормировки потребления.

Классовая подоплека, с одной стороны, и тупая косность мысли—с другой—ярко сказываются в желании и впредь сохранить лишь „фактические отношения между потребителями и торговцами",—хотя бы эти фактические отношения и выливались в погромы и подчас убийства последних первыми.—и не заменять их „правовыми притязаниями и обязанностями", при которых население получает право притязать, а на правительствующую власть ложится обязанность эти притязания удовлетворять.

Но очень скоро, меньше чем через полгода, наступил второй период в распределительной политике государственной власти, и нормировка потребления, и ее формальное выражение-карточная система—были признаны тем единственным средством, благодаря которому можно „достигнуть равномерности распределения", а иначе... „хвосты будут принимать все более чудовищные размеры" [1]).

Автор, которому пришлось сочетать вышеприведенное мнение комиссии о нормировке, признаваемое им вполне правильным, и собственное заключение о необходимости нормировки, утешает себя и тот с'езд уполномоченных председателя особого совещания по продовольствию, в связи с которым написан его доклад, тем соображением, что „карточная система—результат тяжелой необходимости, и мы должны быть рады, что вопрос об ее введении становится злободневным у нас, в отличие от наших врагов, лишь после двух лет войны; еще более должны мы радоваться тому, что введение карточной системы желательно (только желательно!—Н. В.) у нас не в отношении всех важнейших продуктов, как в Германии, а лишь в отношении сахара" [2]).

Автор в своих рассуждениях о желательности введения карточной системы не указал на одно обстоятельство—желательность ее применения через два года войны и в отношении только сахара появилась лишь у центральной государственной вла

---

[1]) Там же, стр. 5-я.
[2]) Там же, стр. 3-я.

сти, а сознание ее необходимости и фактическое применение ее, как то явствует из второй части той же брошюры, не в центре, а на местах, и не только по отношению к сахару, но и к некоторым другим продуктам, началось задолго до признания центром нормировки желательной.

Но и центральная государственная власть, через месяц после признания карточной системы необходимой при распределении сахара, вынуждена была поставить вопрос о ее распространении в городах и поселениях городского типа, фабрично-заводских и т. п. на муку и мясо [1]).

В местах потребления 1916 год отмечается, на фоне все растущего недостатка продуктов и предметов и дороговизны их, двумя параллельно развивающимися процессами: во первых—расширением и увеличением работы органов местного самоуправления и кооперации в деле собственных заготовок продуктов и предметов, с одновременным умалением значения частно-торгового аппарата и подчинением его в области заготовок руководящим указаниям, или даже непосредственному контролю общественных учреждений, и—во вторых, усиливающимся вмешательством органов местного самоуправления, а в единичных случаях—и административной власти, в область распределения между населением продуктов и предметов, в форме его нормирования, т. е. замены „фактических отношений между потребителями и торговцами правовыми притязаниями и обязанностями", с возложением нести эти обязанности не на государственную власть, считавшую их для себя опасными, а на собственные силы местных самоуправлений.

В нашем распоряжении имеются неопубликованные пока данныя о состоянии продовольственных органов и их работы на 1 июня 1916 года [2]).

Из 184 ответов на вопрос—„кем созданы продовольственные органы"—видно, что в 120 случаях органы были созданы городскими самоуправлениями, в 51 случае, земскими, в 5 случаях—ими совместно, в 7—кооперативными организациями (с поручением им соответствующими органами местного самоуправления выполнять всю работу по заготовке и распределению продуктов) и лишь в 1 случае продовольственный орган был создан администрацией.

О способах заготовок продуктов и предметов имеется 78 ответов от городов и 31 ответ от земств. Из них видно, что из 109 случаев заготовка исключительно собственными силами продовольственных органов производилась в 41 случае, в 16 была комбинация сил собственных и иных и в 52 случаях производилась без участия продовольственных органов. Из всех 68 случаев, где в заготовках участвовали посторонние продоволь-

[1]) См. „Известия Особого Совещания", № 28-й, стр. 12—13.

[2]) Данныя, имеющиеся в нашем распоряжении, являются результатами анкеты, произведенной центральным комитетом общественных организаций по продовольственному делу („Центрок") и в свое время обработанной автором настоящего исследования под руководством В. Г. Громана. Данные эти задержались в процессе печатания и широкой публике неизвестны.

Всего было разработано ответов 184 (из них приблизительно 154 по Евр. России и 30 по Азиат. России), с колебанием числа ответов на отдельные вопросы от 66 до 184.

ственным органам силы, в 23 случаях в заготовках принимали участие уполномоченные председателя особого совещания (причем выполнение всего дела заготовок исключительно уполномоченными, без привлечения других сил, отмечено лишь в 10 ответах), в 12 случаях все дело заготовок передавалось частной торговле и в остальных 33 случаях к заготовкам привлекались кооперативные и различные общественные организации.

Таким образом, несмотря на то, что к моменту производства анкеты институт уполномоченных председателя особого совещания насчитывал почти год своего существования и что с момента предоставления им права ходатайствовать о закупке для гражданского населения продуктов распоряжением правительства по твердым ценам прошло около полугода, местные продовольственные органы, судя по анкете, поручали им заготовки лишь в 20% всех случаев.

К содействию частного торгового аппарата продовольственные органы обращались еще в меньших размерах, всего лишь в 12 случаях из 109, или немногим больше чем в 10% всех случаев

Об организации распределения продуктов и предметов анкета содержит двоякого рода данные: во первых—об организации продажи их (при посредстве каких лавок) и во вторых—о тех способах, при помощи которых производилось наиболее равномерное и правильное, по мнению продовольственных органов, распределение.

По первому вопросу—об организации продажи—имеется 92 ответа, на основании которых рисуется следующая картина организации продажи. В 44 случаях продажа производилась исключительно из собственных лавок продовольственных органов, в 4 случаях продажа производилась не только из собственных лавок, но к ней привлекались и кооперативы, а в 16 случаях помимо кооперации привлекалась и частная торговля и, наконец, в 26 случаях вся продажа поручалась исключительно кооперации и в 2 случаях—исключительно частной торговле. Следовательно, частная торговля участвовала в распределении продуктов и предметов, принадлежавших продовольственным органам, всего в 18 случаях, или в 20% их всех, в 80% случаев продовольственные органы, созданные цензовыми городскими и земскими самоуправлениями, предпочитали обходиться без услуг частной торговли.

О способах распределения имеются ответы из 56 городов. В 5 городах все продукты и предметы, закупаемые продовольственными органами, продаются ими без всяких ограничений, в 25 городах часть продуктов и предметов продается без ограничений и часть с ограничениями [1]) и в 26 городах для всех продуктов и предметов при их продаже установлены те или иные ограничения.

Способы распределения в отношении продуктов и предметов, продажа которых происходит с ограничениями, сводятся к трем: 1) продажа не свыше нормы в одни руки (часто по пред-

---

[1]) С ограничениями продавались, главным образом, основные продукты питания (мука, сахар, соль, крупа); второстепенные же продукты и предметы первой необходимости продавались без ограничений.

явлении паспорта и отметки на нем о количестве отпущенного), 2) распределение по талонам (выдаваемым по пред'явлении паспорта или выписи из домовых книг) и 3) распределение при помощи карточной системы.

Продажа не свыше нормы в одни руки отмечена в ответах из 30 городов, продажа по талонам—3 городов и применение карточной системы—из 32 городов.

Таким образом, половина всех отчетов говорит о применении карточной системы.

Что касается принципов распределения, (а под принципами мы понимаем основания и определения размеров продовольственных рационов различным группам населения), то точных ответов по этому вопросу материалы анкеты не дают, но приблизительно о применявшихся принципах сказать можно следующее:

При распределении продуктов по карточкам и талонам обычно проводится лишь принцип арифметической равномерности, с поправкой в отдельных случаях на возраст—в виде уменьшения размера выдач детям до определенного возраста по сравнению со взрослым населением.

Применение способа ограничения продажи не свыше нормы в одни руки уничтожало и арифметическую равномерность распределения, так как в таких случаях размер выдач совершенно не сообразовался с тем фактическим числом лиц, которые стоят за получающими продукт „руками".

Таковы данные анкеты о положении продовольственного дела на местах к 1 июля 1916 г.

Приблизительно к этому же времени относятся сведения, собранные управлением делами особого совещания по продовольствию, о применении карточной системы распределения. По этим сведениям, охватившим 53 губернии Европейской и Азиатской России, карточная система уже применялась в 34 губерниях, предполагалась к введению в 11 губерниях и признавалась излишней всего 8 губерниями [1]).

Выше, если рассматривая политику государственной власти в области борьбы с продовольственным кризисом, нам пришлось констатировать наростание вмешательства государства в народнохозяйственную жизнь страны, несмотря на все колебания политики и отступления от уже принятых решений, то из приведенных данных о некоторых сторонах работы местных продовольственных органов на 1 июля 1916 г. и из сопоставления их с данными за первую половину 1915 г. ясно видна тенденция работы местных органов.

Эта тенденция—из'ятие главнейших продуктов продовольствия и некоторых предметов массового потребления из сферы свободного обращения и нормировка их распределения.

Во второй половине 1916 г. указанная нами тенденция осталась неизменной и лишь интенсивность ее выражения, с усилением продовольственного кризиса, все более увеличивалась, охватывая новые территории и распределяясь на большее число продуктов и предметов.

---

[1]) Подсчет числа губерний произведен на основании данных, вошедших в брошюру „Карточная система"—стр. 40—47, и дополнительной сводки сведений, помещенных в „Извест. Особ. Совещания", № 28, стр. 48—51.

1917 год. История всех мероприятий в области народно-хозяйственной жизни России, в том числе и продовольственных, на протяжении 1917 г. резко разделяется на два периода—дореволюционный и революционный.

Два первых месяца 1917 г. и последние в жизни самодержавного режима начались в продовольственной области капитуляцией государственной власти перед своекорыстными интересами производителей и держателей хлеба—4 января телеграммой министра Риттиха, в целях усиления хлебных заготовок, установленные твердые цены франко-станция были заменены твердыми ценами с надбавкою к ним стоимости гужевой доставки хлеба от амбара владельца до станции, пристани или ссыпного пункта.

То, что должно было бы быть сделано методом твердой и планомерной государственной политики, попытались сделать ставкой на корыстные инстинкты производящего хлеб населения.

Ставка эта была бита 27 февраля.

Все меры, принимавшиеся правительством для усиления хлебных заготовок, в силу своего характера, давали обратные результаты — хлеба поступало все меньше, продовольственное положение, не только гражданского населения, но и армии, ухудшалось в грозных размерах—в армии от отсутствия фуража вымирали лошади, а для людского состава отдельные участки боевого фронта исчисляли свои продовольственные запасы на дни.

И лишь министр земледелия Риттих, предпринявший поездку по России и по возвращении сделавший доклад в Государственной Думе, основываясь на заведомо преувеличенных цифрах заготовок и уже имеющихся на рельсах запасов, создавая их там, где на них не было и намека, рисовал самые радужные перспективы продовольственного положения.

Но было уже поздно. Обострение продовольственного положения в Петрограде послужило толчком для начала революции, опрокинувшей в своем победоносном развитии старый строй, а вместе с ним и Риттиха с его лживыми цифрами, и Протопопова, с его проектом передачи общего руководства продовольственным делом страны из министерства земледелия в министерство внутренних дел.

Органам государственной власти, выдвинутым революцией во имя спасения страны и армии от ужасов надвигавшегося голода, пришлось вступить на единственно действительный путь, задолго до этого указывавшийся общественной оппозицией особого совещания по продовольствию —путь введения государственных монополий и системы твердых цен на продукты продовольствия и предметы широкого потребления, с применением нормировки их потребления, осуществляемой при посредстве карточной системы распределения.

I.

Принципы распределения.

Общие замечания. В связи с переходом в руки первоначально общественных органов, а впоследствии—государства дела снабжения населения различного рода продуктами и предметами должен был возникнуть вопрос о тех основаниях, руководствуясь которыми возможно было бы определить долю продуктов и предметов, подлежащую выдаче отдельным лицам или группам отдельных лиц как семья рабочая организация, хозяйство и т. п.

Первоначально в большинстве местностей при распределении продуктов по карточной системе применялся лишь один основной принцип распределения—*равномерности*: по каждой карточке, соответствовавшей физическому лицу, выдавалось одно и то же количество распределяемого.

Но уже с момента первоначального применения карточной системы распределения в некоторых местностях, в нарушение равномерности распределения, население разбивалось на те или иные группы и каждой групче назначалась самостоятельная отличная от других груп норма выдачи продуктов или предметов.

Когда в 1916 г. в общегосударственном масштабе проводилась нормировка распределения сахара, то нормы распределения были установлены нескольких размеров для различных групп населения.

Также было поступлено и после революции при установлении норм потребления хлеба и сахара, в связи с об'явлением государственных хлебной и сахарной монополий.

Различием в нормах распределения и потребления, нарушавшим принципы всеобщей равномерности отдельные продовольственные органы и государственная власть стремились или уловить фактические различия в потреблении, существовавшем до его регулировки, или, при недостатке продуктов, различные нормы должны были обезпечивать одни группы населения в большей степени, чем другие, с тем, чтобы увеличение норм потребления одних груп происходило за счет уменьшения потребления других групп.

Подобную неравномерность в нормах потребления именуют *справедливостью* распределения.

Но помимо оснований, определяющих количественную сторону распределения, регулируемого государственною властью и ее местными органами, к принципам распределения должны быть отнесены и некоторые моменты, определяющие ту или иную технику распределительного процесса.

Из таких моментов технического характера необходимо выделить и рассматривать как моменты, имеющие не только техническое, но и принципиальное значение, вопросы о *правильности* и *быстроте*, или *скорости*, распределения, понимая под правильностью гарантии действительного осуществления справедливости и равномерности распределения, под быстротой же или скоростью—такую организацию распределительного процесса, которая освобождала бы население от необходимости „в поте лица добывать хлеб свой", стоя в бесконечных очередях перед распределяющими продукты пунктами.

Вопрос о быстроте распределения мы переносим из области технической в область принципиальную и считаем это в современных условиях, когда даже в крупнейших городах еще не уничтожены „хвосты" на всевозможные продукты, вполне правильным.

Справедливость распределения. Понятие справедливости в деле непосредственного распределения продуктов и предметов между населением не является ни строго определенным, ни общепризнанным.

В разное время и при различных условиях в это понятие вкладывалось и различное внутреннее содержание.

Рассматривая различные системы непосредственного распределения, легко можно выделить следующие четыре основных момента, определявших собою внутреннее содержание понятия справедливости—

1) бытовой
2) физиологический или технический [1]),
3) хозяйственный,
4) социальный.

Определяя количество продуктов и предметов, подлежащих выдаче отдельным лицам, и руководствуясь соображениями о бытовой справедливости, мы должны исходить из норм того привычного потребления различных продуктов и предметов, которое существовало в условиях свободного, нерегулируемого потребления и отличало потребление отдельных более или менее крупных групп населения.

Исходя при определении потребного отдельным лицам количества продуктов из справедливости физиологической, мы руководствуемся, как то явствует из самого названия ее, теми данными, которые дает нам физиология о необходимых количествах питательных веществ для человеческого организма, выполняющего работу той или иной напряженности, поглощающей то или иное количество энергии.

Исходя из справедливости технической по отношению к предметам первой необходимости, мы должны руководствоваться данными технического характера о среднем нормальном сроке службы тех или иных предметов при средне-нормальных, или специальных, условиях пользования ими.

Осуществить практически в чистом виде подобного рода бытовую, физиологическую или техническую справедливость возможно лишь при том обязательном условии, что имеющиеся у

---

[1]) Первый, главным образом, для продуктов продовольствия, второй—для большинства предметов первой необходимости.

нас продукты, или предметы, могут полностью покрыть потребность в них, определенную из упомянутых выше данных.

Но как раз это условие и отсутствует в современном нам регулировании распределения. И сам вопрос о регулировании именно потому и возник и приобрел присущую ему остроту, что наличных продуктов и предметов не могло хватить для полного удовлетворения ни бытовых, ни физиологических и технических потребностей в них. Фактически, однако, государство, взявшее на себя задачу регулирования, могло удовлетворить население в продуктах и предметах в размерах, меньших, чем то было необходимо, исходя из бытовых или нормальных физиологических или технических потребностей.

При таких условиях применить физиологический или технический принцип справедливости распределения в применении к отдельным группам населения, обладающим однородными правами, возможно было бы лишь путем замены норм физиологических и технических строго пропорциональными им нормами, исходящими из действительно имеющихся запасов продуктов и предметов.

Так, например, если мы должны удовлетворить продуктами 300 человек, составляющих по необходимому для них физиологически нормальному пищевому рациону три равновеликие группы: 1 гр. в размере 3 единиц для каждого, 2 гр.—2 единиц и 3 гр.—1 единицы, то всего для выдачи им при соблюдении физиологической нормы потребления необходимо будет:

Для 1 гр. = $3 \times 100 = 300$ единиц продукта
„ 2 гр. = $2 \times 100 = 200$ „ „
„ 3 гр. = $1 \times 100 = 100$ „ „
Итого . . = 600 единиц продукта.

В нашем же распоряжении имеется пищевых запасов, предположим, лишь 300 единиц или 50% необходимого количества их; тогда для соблюдения физиологической справедливости распределения мы должны будем уменьшить норму для каждой группы на 50% и выдать 1 группе 1,5 единицы, 2 группе—1 единицу и 3 группе—0,5 единиц.

Таков теоретически возможный выход.

Практические его следствия выразились бы в применении к распределению продуктов продовольствия, во всеобщем ослаблении организмов, падении трудоспособности, усилении смертности вообще и детской в особенности и т. п.

Но не все население выполняет одинаково важные и необходимые функции, не все население представляет из себя однородную по своей относительной ценности и относительному значению массу. Приходилось, следовательно, дифференцировать население, выделять из него группы, представляющие для государства наибольшую относительную ценность, и эти последние группы обеспечить продуктами и предметами в больших размерах, чем все остальные.

И в этом отношении все государства, вынужденные в условиях войны перейти на регулирование распределения, прежде всего разделили все население на две резко отличные части—армию и гражданское население.

Армия—снабжение ее продуктами продовольствия и всеми предметами потребления — была поставлена в исключительное положение, и недостаток в продуктах и предметах отражался на ней в размерах, неизмеримо меньших, чем на гражданском населении. Последнему пришлось и приходится нести всю тяжесть переживаемого нами кризиса в народно-хозяйственной области.

И именно по отношению к гражданскому населению возникали все вопросы, связанные с применением справедливости распределения, опирающейся на то или иное принципиальное основание.

Когда выяснилась невозможность обеспечить население необходимым физиологическим минимумом питания и государство стало перед задачей обеспечить одни группы населения, за счет других групп, то первым по времени применения признаком выделения таких привилегированных групп было соображение о той *хозяйственной пользе*, которую получает государство от затраты трудовой энергии различными группами населения, и той *степени необходимости* этого труда, которая диктовалась современными условиями государственного существования.

Исходя из этих соображений, в первую очередь обеспечивались продовольствием, или получали его в больших размерах, группы населения, связанные с обслуживанием потребностей армии, т. е. служащие и рабочие, занятые в военной промышленности, в транспорте и т. п., затем служащие и рабочие других общественно необходимых предприятий и учреждений и в последнюю очередь, или в меньших размерах, обеспечивалось остальное население

Но с дальнейшим обострением кризиса и уменьшением количеств продуктов, поступавших в распоряжение государства начали сказываться отрицательные стороны хозяйственной справедливости распределения. И отрицательное влияние подобного основания справедливости распределения сказывалось прежде всего в сильнейшей степени на детях, никакого труда вообще, и общественно необходимого в частности, в своей массе не выполняющих и благодаря этому вынужденных довольствоваться минимальным продовольственным рационом.

В особо неблагоприятные условия при применении хозяйственной справедливости должны были и фактически попали и те широкие круги малоимущего населения, которые, с одной стороны, не были заняты трудом, дающим право на привилегированное питание, а с другой стороны—не располагали средствами, чтобы иметь возможность восполнить недостаток в нормированных продуктах продуктами ненормированными и дорого стоющими.

Эти следствия хозяйственной справедливости распределения выдвинули тот новый принцип справедливости распределения, который мы называли *социальным*. Проведение социальной справедливости в жизнь требовало сообразования размера рациона, выдаваемого отдельным лицам, не только с характером полезности и необходимости их труда в современных условиях государственного существования, но и с их значением для общества, и не только в настоящем, но и в будущем, и с их материальным положением, позволяющим в той или иной степени восполнить недостаток в продуктах нормированных, распределяемых по карточ-

кам, продуктами ненормированными, имеющимися в продаже на свободном рынке, с его также свободными и благодаря этому высокими ценами.

В дореволюционное время единственным продуктом, распределение которого было регулировано в общегосударственном масштабе, являлся сахар. По отношению к нему государственной властью был установлен принцип распределения лишь между отдельными губерниями, а определение принципов непосредственного распределения сахара между населением предоставлялось усмотрению местных продовольственных органов. Были установлены лишь предельные нормы для выдач сахара населению столичному, городскому (с подразделением его на две категории—в городах с населением до 150 тыс. и в городах с населением свыше 150 тыс. человек и с назначением для них различных норм потребления) и сельскому. Никаких иных признаков разделения населения на категории в связи с различными нормами выдачи сахара в общегосударственном масштабе установлено не было.

Ряд местных продовольственных органов, применяя указанное разделение населения на сельское и городское, никаких дальнейших подразделений также не проводил.

Если подобное разделение населения на категории и установление для них различных норм потребления сахара и можно рассматривать, как намерение осуществить до известной степени справедливость распределения, то по своему существу она может быть названа справедливостью *бытовой*, грубо учитывающей разницу в потреблении сахара населением городским и сельским в их общей массе.

В пределах же городских и сельских территорий для непосредственного распределения нормы выдачи сахара применялись одного размера для всего населения. Таким образом осуществлялась лишь равномерность распределения и совершенно отсутствовало применение принципа справедливости его.

В некоторых губерниях продовольственные органы, при однообразном сахарном пайке для всего городского или сельского населения, выделяли из него привилегированные группы с назначением им усиленных сахарных рационов.

Например, в Московской губернии (за исключением г. Москвы), при норме для всего населения в 1 ф., были выделены в привилегированную группу некоторые категории рабочих, больные в лазаретах и больницах и проживающие в детских приютах и колониях с увеличением для них нормы до 2 х фунтов. В Екатеринославской губернии в привилегированную группу были выделены рабочие предприятий, работающие на оборону, и больные в лазаретах и больницах. Выделялись подобные группы населения, с увеличением им сахарного рациона, и в некоторых других губерниях. Здесь мы имеем дело с уже ясно выраженной тенденцией провести, помимо равномерности, и некоторую справедливость распределения.

При чем в отношении рабочих эта справедливость носит совершенно определенный хозяйственный характер, в особенности в тех случаях, когда выделение в привилегированную группу прямо обусловливается работой на оборону.

Признание же прав на увеличенный рацион за больными, находящимися только в лазаретах и больницах, и за проживающими в детских приютах и колониях есть также результат признания необходимости применения справедливости распределения, по своему характеру являющийся некоторым переходом от бытовой справедливости к физиологической в отношении к больным и к социальной—в отношении детей, проживающих в приютах и колониях.

Но помимо сахара, распределявшегося по карточкам, почти по всей России практиковалась система дополнительных выдач его без карточек служащим и рабочим различного рода учреждений и предприятий, что также можно рассматривать как проявление хозяйственной справедливости распределения [1].

По отношению ко всем остальным продуктам, распределявшимся местными продовольственными органами между населением, насколько позволяют судить имеющиеся в литературе указания, применение принципа справедливости отсутствовало совершенно и в лучшем случае соблюдался лишь принцип равномерности распределения. В лучшем случае потому, что в целом ряде местностей за единицу распределения брались не лица, а паспорта или документы их заменяющие, и нормы выдачи расчитывались на такой документ без учета числа лиц им представляемых.

Впервые в общегосударственном масштабе признание необходимости применения принципа справедливости распределения последовало в послереволюционное время, в связи с изданием закона 25 марта 1917 г. о государственной хлебной монополии и вытекшей из этого карточной системы распределения хлеба.

Приказом от 29 апреля министром земледелия устанавливается, статьей 2, положение, по которому „лица, занятые тяжелым физическим трудом, получают повышенную норму хлеба“ [2], причем в примечании к статье право определения категорий лиц тяжелого физического труда, пользующихся правом на дополнительный паек предоставляется местным продовольственным органам.

В развитие указанного положения о разделении населения на категории в „инструкции министра продовольствия от 26 июня 1917 г. о нормировке потребления хлебных продуктов“ подтверждается во вводной части необходимость „...з) равномерного и справедливого распределения хлеба между различными группами

---

[1]) Циркуляр председателя особого совещания по продовольствию от 17 июня 1916 г. за № 13594, устанавливающий нормы снабжения сахаром отдельных губерний, проводил в известной степени хозяйственную справедливость распределения сахара между населением Это видно, во-первых, из того, что для фабричных губерний сахар отпускался не только исходя из норм, но и с некоторой надбавкой сверх того и, во вторых, из указания, что.. „з) особое внимание должно быть обращено на снабжение рабочих, занятых в предприятиях, связанных с обороною“.

[2]) В статье 6 приказа увеличенная норма выдачи для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, устанавливается не только по отношению к хлебу, но и по отношению к крупе, но приказом от 26 июня, отменившим действие приказа от 29 апреля, увеличенная норма оставлена для хлеба и уничтожена для крупы.

населения", а далее в § 3 делаются очень краткие указания о категориях лиц, имеющих право на получение усиленного хлебного довольствия, как занятых тяжелым физическим трудом.

Вот это указание полностью:

„В категорию лиц, занятых тяжелым физическим трудом, подлежат включению нижеследующие лица, независимо от пола и возраста (но не их семьи): все фабрично-заводские и горнозаводские рабочие, все строительные рабочие (каменщики, плотники, столяры, маляры, кровельщики, стекольщики и т. д.), рабочие и линейные служащие на железных дорогах и судоходных предприятиях, трамвайные рабочие, чернорабочие, ремесленники, дворники, прачки, почтальоны, рассыльные и т. п. лица, занятые тяжелым физическим трудом" („Собр. Узак.", № 186, стр. 1081).

При рассмотрении этого списка резко бросается в глаза прежде всего несоответствие между названием категории лиц, пользующихся правом на дополнительный хлебный паек—„лица занятые тяжелым физическим трудом"—и теми группами рабочих, которые в эту категорию включаются той же инструкцией.

За одно целое приняты „фабрично-заводские рабочие", хотя под этим общим названием скрываются лица, занятые физическим трудом от самого легкого и до самого тяжелого: высшей квалификации токарь механического производства и молотобоец в ручную, слесарь и кочегар—все они признаны несущими тяжелый физический труд, имеющими право на одного размера усиленный рацион.

Даже там, где „Инструкция" называет конкретные занятия наблюдается то же смешение: поясняя, что надо понимать под строительными рабочими, рядом ставятся—каменщик и маляр, плотник и стекольщик.

Помимо невыдержанности, инструкция страдает и еще одним крупным недостатком. Не давая обоснования выделения из общей массы населения лиц, имеющих право на дополнительный паек, а указывая лишь признак выделения и своими конкретными примерами нарушая этот признак, инструкция, вместо внесени ясности в работу местных продовольственных органов, внесля ту путаницу понятий о лицах, имеющих право на дополнительный паек, которая вызвала со стороны населения столько вполне справедливых нареканий.

Основываясь по своей сущности на справедливости физиологического характера, ни сама инструкция, ни вводно-пояснительная часть к ней ни одним словом не оговаривают такого ее характера. Никаких последующих раз'яснений от центральной государственной власти также не было.

Таким образом местные органы, если не считать упомянутых нами указаний общего и далекого от ясности характера, были предоставлены в деле исчерпывающего установления категорий лиц, обладающих правом на усиленный рацион, собственному усмотрению.

Право собственного усмотрения было признано за ними и формально примечанием к пункту 2 приказа 29 апреля.

Типичная же практика местных продовольственных органов сводилась к тому, что они признавали право на усиленный паек главным образом за лицами, работающими в предприятиях. Лица

занятые тем же трудом, но работающие дома или как поденщики, не имеющие постоянного места работы права на усиленный рацион лишались.

Не признавалось право на получение усиленного рациона и за такими видами труда, как домашнее хозяйство.

Надо отметить и еще одно существенное обстоятельство в деле установления местными продовольственными органами категорий труда, дающих право на усиленный рацион. Выработка принципиально обоснованного и исчерпывающего списка профессий или занятий, с определением для каждого вида их прав на тот или иной размер хлебного рациона, почти для всех без исключения местных органов, даже столичных, оказалось не под силу. В повседневной практике приходилось руководствоваться решениями от случая к случаю, причем часто бывало, что решение, принятое сегодня, противоречило решению, принятому накануне, и т. д.

Неясность и неопределенность основания разделения населения на категории и, с одной стороны, огульность, а с другой стороны—произвольность в определении прав отдельных лиц на усиленный рацион, и сверх того установление рационов лишь двух размеров, при наличии большего числа крупных групп населения, различных по тяжести выполняемого ими труда, вызвало с первых же дней регулирования распределения хлеба нарекания с самых различных сторон на его несправедливость.

Нарекания шли прежде всего из рабочей среды.

На фабриках и заводах, как мы указывали выше, за всеми рабочими было признано право на получение усиленного рациона одного и того же размера, не считаясь ни с характером труда, ни с его санитарно-гигиеническими условиями, ни с размерами заработка. Рабочие, несущие особо тяжелый физический труд (молотобойцы в ручную, носильщики тяжестей, катальщики вагонеток, кочегары, подающие к топкам уголь, и т. п,) или получающие наименьшую заработную плату (чернорабочие), указывали, что выдача им хлеба в таком же размере, как и другим рабочим, несущим более легкий физический труд и получающим более высокую заработную плату, является явно непропорциональной труду и заработку тех и других, а отсюда и несправедливой. Их требование сводилось к выделению лиц, выполняющих особо тяжелую физическую работу, или получающих заработную плату не выше определенного размера, в особую третью категорию, с назначением ей максимального хлебного рациона.

Шли нарекания от лиц, несущих одинаковый труд с фабрично-заводскими рабочими, но работающих вне фабрик и заводов и на этом основании лишенных права на усиленный рацион.

Пред‘являли требование на выдачу им усиленного рациона и лица, занятые трудом не чисто физического характера—курьеры, сторожа, швейцары, домашняя прислуга, хозяйки в семьях, не имеющих прислуги, и т. п.

Недовольство существующей системой распределения в части разделения населения на категории высказывала и трудовая интеллигенция. Несмотря на наличие самой существенной разницы и в характере труда, и в его продолжительности и разме-

рах оплаты, вся трудовая интеллигенция огульно была отнесена к категории населения, получающего обычный хлебный паек.

Отрицательное отношение к существующим основаниям распределения возрастало по мере включения в число нормированных продуктов все новых видов их.

В общегосударственном масштабе основания распределения были проведены, кроме хлеба, лишь по отношению к крупе, для остальных же продуктов никаких указаний сделано не было.

Для крупы же в конечном счете приказом министра продовольствия от 26 июня была отвергнута справедливость распределения, установленная приказом 29 апреля, и проведена лишь равномерность его.

По отношению к сахару приказом от 14 июня были установлены основания лишь распределения межгубернского, а в отношении определения оснований непосредственного распределения сахара между населением была предоставлена полная свобода действий местным продовольственным органам, с одним лишь ограничением — „чтобы нормы выдачи ни в коем случае не превышали высшей нормы снабжения для данного района“ и чтобы была соблюдена та справедливость хозяйственного характера, которая проводится приказом, выделяющим в особую привилегированную группу рабочих, занятых в предприятиях, связанных с обороною, и некоторые категории железнодорожных служащих и рабочих (линейных и занятых в мастерских), с назначением им высшей нормы выдачи сахара.

Устанавливая нормы потребления для мяса, общегосударственный продовольственный комитет выделяет из общей массы населения лишь армию, а для всех остальных категорий населения принимается одна и та же максимальная норма, причем опять-таки „определение норм выдачи населению мяса... в пределах указанной нормы снабжения предоставляется губернским и равным им продовольственным комитетам, с тем, однако, чтобы в среднем на душу населения за каждые 2 месяца не приходилось более того, что положено по этой норме“ [1].

Практика же местных органов в определении оснований распределения сводилась к тому, что все нехлебные продукты выдавались населению с соблюдением лишь принципа равномерности. Никакой дифференциации населения и установления для отдельных групп его различных норм выдачи, т. е. проведения того или иного вида справедливости распределения, местными органами не производилось. По отношению даже к распределению хлеба, о котором центральною государственною властью была сделана специальная оговорка об обязательности выделения лиц, занятых тяжелым физическим трудом, и выдаче им повышенной нормы, в целом ряде городов все же применялось лишь равномерное распределение. Например, в таком сравнительно крупном городе, как Рыбинск, отсутствие разделения населения на категории сохранилось до начала 1919 г. В Москве же вплоть до введения „классового пайка“—с 1-го сентября 1918 г.—справедливость распределения применялась к одному хлебу, для прочих

---

[1]) См. „Известия по продовольственному делу“ за 1917 г., № 2 (33), стр. 67.

же продуктов была установлена единая для всего населения норма выдачи.

Исключением—и, насколько нам известно, единственным—являлся Петроград. В нем по отношению ко всем продуктам, кроме сахара, были установлены с самого начала распределения две нормы выдачи—одна для всего населения и другая, увеличенная—для лиц, занятых физическим трудом. И самая норма для последней категории в Петрограде была относительно основной нормы увеличена в два раза, тогда как в прочих городах усиленная норма для хлеба превышала обычную только в полтора раза.

С дальнейшим усилением продовольственного кризиса, уменьшением количеств всех продуктов, поступавших в распоряжение и государства, и отдельных местных продовольственных органов, а отсюда и с уменьшением норм выдачи продуктов населению, несовершенство принятых оснований распределения чувствовалось со все возрастающей остротой. Острота эта увеличивалась еще и тем обстоятельством, что наряду с уменьшением снабжения потребляющих местностей нормированными продуктами шло параллельно и уменьшение поступления на рынок продуктов ненормированных. Получая все меньшее количество продуктов по карточкам, население постепенно теряло возможность пополнять их недостаток ненормированными продуктами, как в силу их недостатка, так и по причине роста цен на них, не соответствовавшего своими размерами более медленному возрастанию заработной платы широких слоев городского населения.

Помимо того недовольства существующей системой распределения, высказывавшегося населением, о котором мы говорили выше, с каждым новым днем росли и об'ективные отрицательные следствия общего недостатка продуктов питания.

Из них мы остановимся на двух главнейших.

Во-первых—недостаток питания сильнейшим образом стал отражаться на производительности труда рабочих и служащих, не исключая и занятых в жизненно необходимых обществу и государству отраслях труда. Разруха в транспорте и промышленности, помимо ряда других причин, в огромной степени обусловливалась необеспеченностью работающих в этих отраслях труда достаточным количеством продовольствия.

Во вторых—медицинская статистика своими бесстрастными цифрами свидетельствовала о том, что заболеваемость и смертность под влиянием недоедания увеличиваются в ужасающей прогрессии вообще и среди детей в особенности, что несло за собою самые грозные для всего будущего общества последствия.

Для борьбы с этими явлениями, в условиях все растущего недостатка как нормированных, так и ненормированных продуктов питания, оставался лишь один путь—в нарушение равномерности и физиологической справедливости распределения, обеспечить питанием в возможно большем размере лишь некоторые группы населения, имеющие наибольшую общественно государственную ценность, с соответственным сокращением выдач продуктов прочему населению.

Подобное выделение могло быть совершено путем применения одного из двух, или в определенной комбинации и того, и другого, видов справедливости—хозяйственной и социальной.

Государственная власть могла применить справедливость распределения хозяйственного порядка и решить, что при данных условиях общественно-государственного существования за счет всего населения должны быть обеспечены лица, занятые производительным трудом в наиболее важных отраслях народного хозяйства, или же применить социальную справедливость и в первую очередь обеспечить продовольствием беднейшие слои населения, вне зависимости от выполняемого ими труда, и в заботах о будущем поставить в привилегированное положение детей и женщин, в период их беременности и кормления детей.

Обратимся теперь к тем практическим мероприятиям, которые были проведены для осуществления назревшей реформы применявшейся системы распределения.

Почин в этом отношении принадлежит петроградской городской продовольственной организации, занимающей вообще исключительное среди местных органов место в проведении различных новшеств в области организации распределения.

Отличие оснований распределения продовольственных продуктов, применявшихся в Петрограде, по сравнению со всей остальной Россией, кроме указанного нами выше (проведение принципа справедливости ко всем продуктам, кроме сахара, а не только к хлебу), заключалось и в том еще, что для детей до трех лет и больных были выпущены еще в первой половине 1917 г. специально молочные карточки „преимущественного", по аналогии с Германией, типа.

Затем, с дальнейшим обострением продовольственного положения, больше всего отзывавшегося на малолетнем населении, по инициативе М. Н. Фалькнер-Смит, впервые в практике русских продовольственных органов был поставлен вопрос о необходимости усиления детского питания. Первой реальной мерой в этом направлении была организация снабжения всех детских учреждений, имеющих дело с приходящими детьми (школа, детские сады и т. д.), продуктами для приготовления горячих завтраков. Но эта мера оставляла в стороне от помощи наиболее обездоленных детей—детей улицы и беднейших слоев населения, не посещающих подобных учреждений, почему вслед за указанной мерой были выпущены в конце 1917 г. в обращение особые детские дополнительные карточки, по которым выдавались продукты сверх выдач по карточкам обычного пайка [1]). Выделение дете в особую категорию, с обеспечением ее усиленным продовольственным рационом, явилось началом применения в распределении справедливости ясно выраженного социального характера.

Одновременно с выделением детей был поднят вопрос об образовании привилегированной группы из женщин, беременных и кормящих детей.

Но по техническим соображениям положительное разрешение этого вопроса было отложено до общего пересмотра основ распределения, тем более, что женщины—кормилицы фактически

---

[1]) Выдача усиленного рациона детям в отдельных районах Петрограда, преимущественно рабочих, фактически применялась значительно ранее выделения их в особую категорию, путем распределения между ними дополнительных количеств крупы.

в большинстве своем получали продукты по основной и дополнительной карточкам на своих новорожденных детей, не потребляющих продуктов, выдаваемых по этим карточкам.

Пересмотр оснований разделения населения на категории закончился в Петрограде ко второй половине 1918 г. и вылился во введенный с 1-го июля так называемый „классовый паек".

Первым признаком разделения населения на категории был признан возраст: все население было разделено на две части— дети и взрослые.

В свою очередь каждая из этих частей подразделялась на четыре категории.

Дети делились следующим образом:

1) Дети до 1-го года получают: продуктовую карточку для взрослых 3 категории, молочную детскую карточку, продуктовую карточку для детей младшего возраста.

2) Дети от 1—3 лет получают: хлебную и продуктовую карточки для взрослых 3 категории, молочную детскую карточку, продуктовую карточку для детей младшего возраста.

3) Дети от 3—12 лет получают: хлебно-продуктовую карточку для взрослых 2 категории, продуктовую карточку для детей среднего возраста.

4) Дети от 12 лет и старше—получают хлебно-продуктовую карточку для взрослых 3 категории.

Примечание. Все учащиеся в низших, средних и высших ремесленных и технических учебных заведениях, выполняющие, помимо обычных занятий, практические работы, получают карточки для взрослых 2 категории.

Деление взрослого населения на категории видно из следующего списка:

I-я категория:

А. Рабочие физического труда следующих специальностей:

1. Кочегары, котлочисты, кессонные рабочие, водопроводчики, ассенизаторы, пожарные, каменотесы, мостовщики, дровоколы, трубочисты, рыболовы, дворники—подручные, почтальоны, землекопы, грузчики, машинисты при двигателях разного рода, смазчики, чернорабочие, ремонтные рабочие всех родов, электромонтеры.

Б. Все рабочие, занятые:

1. в авто-гужевом и трамвайном транспортах,
2. в обработке металлов,
3. в кожевенно-сапожном производстве,
4. „ архитектурно-строительном деле,
5. „ садоводстве и огородничестве,
6. „ производстве пищевых продуктов,
7. „ деревообделочном производстве,
8. „ текстильном,
9. „ писчебумажном,

10. в картонажном,
11. „ стекольном,
12. „ химическом, резиновом и спичечном производстве,
13. „ табачном производстве,
14. „ печатном деле,
15. „ прачечном деле,
16. санитары, сиделки при заразных больницах.

2-я категория.

Служащие по найму и рабочие, занятые менее тяжелым физическим трудом:

1. Торгово промышленные служащие.
2. Служащие трактирного промысла.
3. Канцелярско-конторские служащие, чертежники-цы, машинисты-ки, переписчики-цы.
4. Почтово-телеграфные служащие.
5. Домовые служащие, домашняя прислуга.
6. Сторожа, швейцары, курьеры, посыльные.
7. Фельдшера, фармацевты, санитары, сестры милосердия, сиделки, акушерки, массажистки, врачи при городских больницах.
8. Учителя низших и средних учебных заведений.
9. Кустари-ремесленники.
10. Мастера, техники, метранпажи, корректора.
11. Весовщики, модельщики, парикмахеры, легковые извозчики, кучера.
12. Портные, портнихи.
13. Осмотрщики вагонов, чистильщики сапог, уборщики, газетчики-разносчики, контролеры всякого рода.
14. Банщики.
15. Пенсионеры, увечные воины и инвалиды, нетрудоспособные и не находящиеся в убежищах и приютах.

3-я категория.

Лица интеллигентных и свободных профессий:

1. Управляющие всякого рода заведениями и конторами.
2. Инженеры, директора предприятий, учреждений, учебных заведений, юристы, врачи.
3. Артисты, художники всех родов искусств, литераторы, музыканты, журналисты.
4. Служащие всех религиозных культов (священники, певчие и т. п.).
5. Прочие граждане, не вошедшие в 1 и 2 категории и не принадлежащие к 4-й.

4-я категория.

Лица, живущие с доходов на капитал и разного рода предприятий и пользующиеся наемным трудом:

1. Лица, живущие процентами от денежных капиталов.
2. Домовладельцы.

3. Владельцы всякого рода увеселительных заведений, ресторанов и т. п.

4. Владельцы театров, кинематографов и т. п.

5. Владельцы гостинниц и меблированных комнат.

6. Владельцы торгово-промышленных предприятий и разного рода контор.

7. Лавочники и торговцы в разнос.

Общие примечания.

1. Безработные.

Безработные пользуются одинаковым с работающими правом на получение соответствующих карточек всех перечисленных категорий, но лишь при условии представления ими соответствующих удостоверений от профессиональных организаций. Не состоящие же в профессиональных организациях должны представить удостоверение от заводских комитетов или учреждений, где они были заняты до потери работы, и обязательно удостоверение от биржи труда.

2. Женщины.

а) Все женщины, кормящие грудью детей до годовалого возраста, и все беременные женщины с 5-го месяца получают карточки 1-ой категории.

б) Женщины-хозяйки в семьях без прислуги, состоящих не менее чем из 4-х человек, при наличии не менее 2-х неработоспособных членов семьи, получают карточки 1-ой категории.

Относительная величина рационов для отдельных категорий определялась так—

1-я	кат.	—	200	единиц.
2-я	„	—	100	„
3-я	„	—	50	„
4-я	„	—	25	„

Как видно из приведенных данных, признаками отнесения отдельных лиц к различным категориям по размерам продовольственного рациона являются два момента—социальный и физиологический.

Социальный момент нашел свое выражение в отношении следующих категорий населения. Детям, помимо отнесения их к средним категориям, установленным для взрослого населения, выдача продуктов, а для младшего возраста—и молока, обеспечивается специальными детскими карточками.

Беременные (с 5 месяца) и женщины, кормящие грудью детей до годовалого возраста, отнесены к высшей категории.

Пенсионеры, увечные воины и инвалиды отнесены все ко 2-ой категории.

За безработными сохранена принадлежность к категории, определяемая характером обычного их труда.

Что касается физиологического момента, то он, так же, как и в рассмотренном выше приказе министра продовольствия, выражен очень грубо и с теми же несовершенствами.

Как в приказе, так и при разделении населения на категории по „классовому пайку“, в одну категорию соединены все лица, занятые физическим трудом, безотносительно к его тяжести и санитарно-гигиеническим условиям работы [1]).

Петроградский список лишь устраняет по сравнению с приказом министра продовольствия, многие неясности последнего и в категорической форме признает право на высшего размера рацион за отраслями труда, ранее такого права лишенные (например, женщины хозяйки в семьях без прислуги).

Разделение по различным категориям проведено лишь по отношению к интеллигентному труду, и то в самых примитивных формах.

Все служащие по найму, в соединении с лицами, занятыми трудом переходного от физического к интеллигентному характера, отнесены ко 2-ой категории.

Исключение сделано для некоторых видов наемного интеллигентного труда (управляющие и директора всякого рода частных заведений, контор, предприятий, учреждений и почему-то и учебных заведений, без различия их характера—частные, казенные и общественные), представители которого отнесены к 3-й категории.

Наконец, из лиц, живущих на доходы от капиталов и разного рода предприятий и пользующихся наемным трудом, образована 4-я категория.

Таким образом момент обеспеченности отдельных лиц тем или иным размером средств существования учтен, да и то косвенным образом, лишь в отношении лиц, входящих в 4-ю категорию.

Совершенно не затронул „классовый паек“ вопроса о справедливости распределения хозяйственного характера, почему в целях более высокого обеспечения продовольствием рабочих, занятых в важнейших отраслях народного хозяйства, распределение, основанное на применении „классового пайка“, по сравнению с распределением, основанном на приказе министра продовольствия, не дает ничего нового и не разрешает этого больного вопроса, так же, как, не разрешен он был и до его применения.

В заседании 27 июля 1918 г. коллегия Народного Комиссара по Продовольствию вынесла постановление о необходимости применения „классового пайка“ во всех населенных пунктах городского типа. Этим постановлением в общегосударственном масштабе намечались, впервые после рассмотренного нами выше приказа министра продовольствия от 26 июня 1917 г., новые основания распределения населения на категории и определения прав каждой категории на рацион того или иного размера (относительного, а не абсолютного).

Намечались, но не устанавливались.

Государственный продовольственный орган почти не занимается областью распределения. Помимо приказов министра продовольствия распределении хлебных продуктов и сахара, мы

---

[1]) Исключение сделано лишь для санитаров, сиделок при заразных больницах, включенных вместо 2 в 1-ю категорию.

за двухгодовой период революционного времени найдем лишь два постановления центральной государственной власти по интересующему нас вопросу.

Одно из этих постановлений—о необходимости применения „классового пайка" в населениях городского типа—нами указано выше, другое постановление касается выделения детей в специальные категории, с назначением им усиленных пищевых рационов.

Никаких конкретных указаний оба названные постановления, однако, в себе не содержат.

Местные органы были, как и до этого времени, предоставлены собственным силам.

Городом, вслед за Петроградом введшим у себя „классовый паек" и внесшим в его содержание по сравнению с Петроградом много нового, является Москва, в которой „классовый паек" начал применяться с 1-го сентября 1918 г.

Сохраняя, по аналогии с Петроградом, разделение населения на 2 части по возрастному признаку—дети и взрослые, а затем деля их на категории, Москва в отношении установления групп населения, входящих в различные категории, резко разошлась с Петроградом.

Для детей было установлено только три категории взамен четырех, примененных в Петрограде:

1. Дети до 3 лет получают карточки по 3 категории для взрослых.

2. Дети от 3 до 14 лет получают карточки по 2 категории для взрослых.

3. Дети от 14—17 лет получают карточки по 3 категории для взрослых.

Кроме того для детей до 12 лет дополнительные детские карточки.

Взрослое же население подразделялось по 4-м категориям следующим образом:

I категория (200%).

А. Все рабочие, работающие в особо тяжелых условиях труда: „горячие" работы, удушливая атмосфера, употребление или выделение кислот и вредных газов, большое физическое напряжение и проч., условия, губительным образом влияющие на здоровье и требующие громадной затраты физической энергии. Сюда относятся: рабочие металлообрабатывающей промышленности, рабочие, непосредственно занятые в резиновом, стеклянном, текстильном, спичечном, химическом, табачном, меховом и кожевенном производствах, рабочие при пудлинговых, мартеновских и др. плавильных печах, рабочие при паровых котлах высокого давления и паровозах (кочегары) рабочие, непосредственно занятые в земляных, подземных и подводных работах и работах по водо-газо-электроснабжению, рабочие грубой разработки камня и дерева ручным способом (обтеска, рубка, распиловка и пр.), рабочие по обработке полей и огородов (по найму), рабочие по добыче торфа, молотобойцы, кузнецы, рабочие по

переноске и перевозке тяжестей, мостовщики, прачки, котлочисты, ассенизаторы, скорняки - сырьевщики, рабочие на прокатных станках и при паровых молотах и проч., рабочие, занятые особо тяжелым физическим трудом, служителя, санитары, сиделки и прочие рабочие заразных отделений больниц.

Б. Матери, кормящие грудью детей до годовалого возраста, кормилицы, женщины беременные—с 5-го месяца беременности.

II категория (150%).

А. Все рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, но работающие в нормальной атмосфере и условиях, не связанных с употреблением кислот и вредных газов, или требующих крайнего физического напряжения. Сюда относятся: квалифицированные обученные и простые рабочие физического труда, занятые в авто-гужевом, железнодорожном и водном транспорте, металлообрабатывающей промышленности, кожевенно-сапожном, пищевом, деревообделочном, текстильном, картонажном и др. производствах, архитектурно-строительные и сельско-хозяйственные рабочие, рабочие городских и общественных служб и предприятий, вообще все проч. рабочие, работающие в более благоприятных условиях, нежели рабочие I категории, инструкторский персонал (техники, мастера, машинисты и проч.), работающий в удушливой атмосфере или в условиях, связанных с применением в производстве (или выделением) кислот и вредных газов и вообще влияющих на здоровье изнуряющим образом, врачи, фельдшера и сестры милосердия заразных отделений и больниц, служители, санитары, сиделки отделений для душевнобольных, продавцы, телеграфисты и телефонисты, рабочие по охране общественной безопасности и порядка (милиция), пожарные, трубочисты, младшие дворники, метельщики, банщики и проч.).

Все ответственные работники советских учреждений и рабочих организаций, работа которых временем не ограничена.

Б. Женщины-хозяйки (без прислуги) с семьей не менее 4-х человек.

Нетрудоспособные I категории, находящиеся на иждивении своей семьи.

III категория (100%).

А. Все рабочие, квалифицированные и неквалифицированные, занятые легким физическим трудом и работающие в благоприятных для здоровья условиях, все работники конторского умственного, интеллигентного труда, работающие в различных учреждениях, предприятиях и проч., торгово-промышленные и трактирного промысла служащие, технический, сценический, учительский и медицинский персонал, домашняя семейная прислуга, равно и прислуга больниц и проч. общественных предприятий и учреждений, исправительные и карательные учреждения, почтово-телеграфные служащие, кустари ремесленники,

парикмахеры, извозчики, портные и портнихи, газетчики, музыканты и все прочее население, занимающееся определенным трудом, имеющим общественно полезное значение.

Б. Женщины-хозяйки с семьей до 3-х человек (без прислуги).

В. Все учащиеся различных учебных заведений (старше 14-ти лет).

Г. Безработные всех категорий, состоящие на учете биржи труда.

Д. Пенсионеры, увечные воины, инвалиды и прочие нетрудоспособные II и III категорий, состоящие на иждивении своей семьи.

IV категория (50%).

А. Все лица мужского и женского пола и их семьи, живущие доходами с капиталов, домов и предприятий или эксплоатацией наемного чужого труда. Сюда относятся лица, живущие на собственный капитал или процентами с него, домовладельцы, владельцы всякого рода увеселительных, лечебных, учебных заведений, всякого рода контор и прочих торгово промышленных предприятий (садов, огородов, ресторанов, гостиниц, магазинов, складов и проч.), лавочники и торговцы в разнос, духовенство, управляющие и директоры различных частных заведений и предприятий, имеющих коммерческий характер, подрядчики и поставщики.

Б. Инженеры, юристы, художники всех родов искусства, литераторы, журналисты, архитекторы, врачи, акушерки и проч. лица свободных профессий и их семьи, не состоящие на общественной службе (вольнопрактикующие).

В. Лица без определенных занятий (сюда же относятся и безработные, не зарегистрированные биржей труда) и все прочее нетрудовое население.

В основу разделения населения на категории и в московском „классовом пайке“ положены тоже два признака, что и в Петрограде,— физиологический и социальный, также отсутствует признак хозяйственный. Материальное обеспечение отдельных лиц косвенно учтено в одинаковых с Петроградом размерах.

При определении прав взрослого населения на принадлежность к той или иной категории московский „классовый паек“ впервые в России взамен огульного признака „тяжелый физический“ или „физический“ и „нефизический“ труд бравшегося в основу разделения населения на категории приказом министра продовольствия и петроградским „классовым пайком“, применил признак комбинационный—тяжесть труда и степень влияния на здоровье работающего санитарно гигиенических условий этого труда.

Практически это вылилось в отнесении лиц, занятых физическим трудом, не в одну категорию, подобно Петрограду, а в три категории, первая из которых охватывает лиц, „работающих в особо тяжелых условиях труда... губительным образом

влияющих на здоровье... и выполняющих работу, требующую громадной затраты трудовой энергии", вторая—включает лиц, „занятых тяжелым физическим трудом, но работающих в нормальной атмосфере и условиях, не связанных с употреблением кислот и вредных газов или требующих крайнего физического напряжения" и, наконец, третья категория обнимает „рабочих квалифицированных и неквалифицированных, занятых легким физическим трудом и работающих в благоприятных для здоровья условиях".

Проведена в московском „классовом пайке" дифференциация в большей степени, чем в петроградском, и по отношению к трудовой интеллигенции. Главная масса ее отнесена к 3-й категории (в Петрограде—ко 2-й), но „все ответственные работники советских учреждений и рабочих организаций, работа которых временем не ограничена", медицинский персонал заразных отделений и больниц, телеграфисты и телефонисты выделены из общей массы и зачислены во 2-ю категорию. К ней же в детальном списке „распределения отдельных профессий по категориям классового пайка" отнесены и ответственные работники не только рабочих, но и общественных организаций.

Ухудшает московский „классовый паек", по сравнению с петроградским, положение безработных. В Петрограде безработным предоставлялось право получать карточки той категории, которая определяется характером их последней работы, т. е. фактически для большинства рабочих карточки I категории и трудовой интеллигенции—2-й категории. В Москве же безработные, вне зависимости от исполнявшейся ими работы, зачислены, при условии регистрации на бирже труда, к 3-й категории, а незарегистрированные на бирже, наряду с лицами без определенных занятий, относятся к последней—4-й категории. Таким образом, справедливость социального характера, примененная к безработным в Петрограде, заменена в Москве справедливостью физиологической.

Соотношение между рационами отдельных категорий в Москве установлено несколько иное, менее выгодное для высших категорий и более выгодное для низшей категории, а именно:

1 категория	200
2 „	150
3 „	100
4 „	50

Первая категория получает, по сравнению с четвертой, больше в 4 раза, тогда как в Петрограде—в 8 раз (200:25).

Благодаря отмеченным нами различиям в отнесении отдельных групп населения к категориям „классового пайка", относительная величина каждой категории в Москве и Петрограде, как видно из помещаемой ниже таблички, расходятся между собою в очень значительных размерах.

Распределение населения по категориям:

Категории.	Число лиц каждой категории.		Тоже в % к общему числу	
	Петроград. (Июнь).	Москва. (Сентябрь).	Петроград.	Москва
I	657.517	52.900	43,0	3,63
II	659.437	549.317	43,13	38,26
III	194.462	599.665	12,71	41,76
IV	17.732	233.958	1,16	16,30
Итого . .	1.529.148	1.435.879	100,0	100,0

В Петрограде, благодаря огульному отнесению лиц, занятых физическим трудом, к 1 категории, а лиц, занятых трудом переходного от физического к интеллигентному характера, и трудовой интеллигенции—ко 2 категории, эти две категории включают почти 7/8 всего петроградского населения (86, 13%), невелика 3 категория (12,71%) и совсем незначительна 4 категория—всего лишь один процент с небольшим общего числа населения.

В Москве самой незначительной по своим относительным размерам категорией является 1, включающая лиц, занятых особо тяжелым трудом и работающих в исключительно неблагоприятных для здоровья условиях, составляющих от всего населения 3,68%.

Главная масса населения Москвы—рабочие, кроме группы названной выше, и трудовая интеллигенция—входит во 2 и 3 категорию, обнимающих собою ровно 4/5 или 80% всего населения.

В 4-ю категорию входят почти 1/6 московского населения: или в 14 раз более, чем в Петрограде (16,30% и 1,16%).

Такая большая разница главным образом об'ясняется не различиями в социальной группировке московского и петроградского населения (хотя имеют значение и эти различия), а в самом способе отнесения населения к 4-й наиболее голодной категории.

В Петрограде в 4 категорию включались заведомо нетрудовые элементы, в Москве же, помимо нетрудовых элементов, в ту же категорию относились все лица, не представившие документальных доказательств своей принадлежности к трудовым элементам, вплоть до безработных рабочих, не успевших по тем или иным причинам зарегистрироватся на бирже труда.

Обратимся к рассмотрению дальнейшей истории применения „классового пайка“.

Вслед за Петроградом, а затем и Москвой, „классовый паек“ получил широкое распространение в провинции — преимущественно в губернских городах, а отчасти и в уездных и прочих поселениях городского типа.

В виду отсутствия или незначительной величины во многих городах фабрично-заводских рабочих и лиц свободных профессий и живущих на нетрудовые доходы, многие города сокращали число категорий „классового пайка“ с 4-х до 3-х, относя лиц

занятых физическим трудом, к 1 высшей категории, трудовую интеллигенцию—ко 2 и представителей свободных профессий и нетрудовые элементы—к последней 3 категории.

К концу 1918 г., по нашим сведениям, трехкатегорный „классовый паек“ применялся в Петрозаводске, Новгороде, Вятке, Рязани, Курске, Туле, Казани, Брянске и т. д., а четырехкатегорный—в Вологде В.-Устюге, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Тамбове, Пензе, Саратове, и т. д.

Разделение населения на 4 категории, с той резкой дифференциацией в относительных размерах рациона, присвоенного каждой категории, а в Москве и городах, взявших за образец московский „классовый паек“,—и сильная дифференциация населения, занятого физическим трудом (с разделением его на три категории), проведенные в условиях явного недостатка продуктов, давая в конечном счете лицам, зачисленным даже в высшую категорию, продукты в несколько раз меньших размерах, чем то физиологически необходимо, не устраняло в населении того недовольства и нареканий на систему распределения (помимо нареканий на недостаток продуктов вообще), которые наблюдались и до введения „классового пайка“.

Особенно сильное недовольство вызывал „классовый паек“ московского образца (теоретически более совершенный, чем петроградский) с его разделением рабочих одного и того же предприятия, в связи с условиями и тяжестью работы, на две и три категории.

Под влиянием неудовлетворенности новой системой распределения было стремление населения перейти в высшие категории, что с их количественным ростом обесценивало те преимущества, которые при посредстве „классового пайка“ хотели дать этим высшим категориям.

Например, по Петрограду изменения в распределении населения по категориям по месяцам таковы:

Категории.	Распределение населения по категориям „классового пайка“ в %%			
	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
I	43,0	46,25	52,56	54,21
II	43,13	41,0	39,08	38,92
III	12,71	12,0	8,16	6,75
IV	1,16	0,75	0,20	0,12
Все. .	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные таблицы свидетельствуют, что из месяца в месяц три низших категории количественно уменьшались и за их счет беспрерывно увеличивалось количество лиц, входящих в высшую категорию.

По Москве аналогичные данные следующие:

Категории.	Распределение населения по категориям „классового пайка" в $^0/_0$%			
	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
I и II	41,94	45,57	47,70	48,05
III	41,77	40,50	39,80	39,66
IV	17,29	13,93	12,50	12,29
Все. .	100,0	100,0	100,0	100,0

Тенденция, наблюдаемая по Петрограду, присуща также и Москве, разница лишь в интенсивности ее выражения.

В Петрограде за 4 месяца высшая категория возросла с 43% до 54% или приблизительно на 25%, а в Москве—с 42% до 48%, или на 15$^0/_0$.

Непосредственным результатом недовольства „классовым пайком" было соединение в Москве первых двух категорий, состоящих в подавляющей своей массе из рабочих, в одну категорию и увеличение для третьей категории относительного размера рациона в полтора раза (с 100 до 150. после чего получилось соотношение: 1 и 2 катег.—200, 3-я категория—150 и 4-я категория—50).

Затем в конце 1918 г. московская и петроградская продовольственные организации выработали единообразные основания разделения населения на категории в числе трех, вместо прежних четырех категорий, со следующим составом каждой категории:

I-я категория.

1. Рабочие физического труда, удостоверенные фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами.

2. Женщины, кормящие грудью детей, беременные с 5-го месяца, по удостоверениям общественных врачей, женщины хозяйки без прислуги в семьях, состоящих не менее чем из 4 человек, при наличии не менее двух нетрудоспособных членов семьи.

3. Дети от 1 до 12 лет.

4. Все чины вооруженной охраны, как общественных, так и правительственных учреждений и зданий, при условии, если они по роду службы не пользуются никакими видами довольствия.

5. Увечные воины и инвалиды, не находящиеся в убежищах и приютах.

6. Все лица, обслуживающие заразные и противоэпидемические больницы и лазареты.

II-я категория.

1. Все виды служащих по найму.
2. Учащиеся.

3. Несовершеннолетние от 12 до 16 лет.

4. Женщины, ведущие хозяйство без прислуги не менее чем на три человека.

III-я категория.

1. Лица, пользующиеся наемным трудом (под лицами, пользующимися наемным трудом, следует понимать только лиц, эксплоатирующих чужой труд с целью извлечения прибыли).

2. Лица, живущие на доход с капиталом и разного рода предприятий.

3. Лица свободных профессий (юристы, вольнопрактикующие врачи, литераторы и т. п.) и все остальные граждане, неподходящие под признаки первых двух категорий.

Разделение населения по категориям „классового пайка" „2 издания" стремится, подобно „классовому пайку" „1 издания" (будем таким образом называть „классовые пайки" для отличия их между собою), провести справедливость социальную и грубо физиологическую.

По сравнению с первым изданием, „классовый паек" 2 издания наиболее улучшает положение детей до 12 лет, относя их всех в I категорию, и, по сравнению с московским „классовым пайком" первоначального вида, улучшает положение рабочих физического труда и трудовой интеллигенции, включая первых в 1 категорию (вместо разделения по трем категориям) и вторую— во 2 категорию (взамен 3) и, кроме того, относя ответственных работников (в порядке инструкционном) к 1 категории (вместо 2).

Относительные размеры рационов по отдельным категориям при применении „классового пайка" 2 издания установлены в такой пропорции:

1	кат.	200
2	„	150
3	„	50

Перейдем теперь к вопросу о том значении, которое имело применение „классового пайка" для различных групп населения.

Какова прежде всего оценка значения „классового пайка" со стороны организаций, его применивших.

Применением „классового пайка" стремились разрешить две задачи: во первых—путем перераспределения продуктов между группами населения обеспечить в больших размерах группы, наиболее нуждающиеся, отсюда — различия в относительной величине рационов, установленных для отдельных категорий, и во-вторых—получить возможность наиболее безболезненно, с социальной точки зрения, в случае необходимости лишать одну часть населения продуктов для предоставления их другим группам, имеющим большее социальное право на получение продуктов в первую очередь [1]).

---

[1]) См., например, „Декрет о реорганизации распределения продуктов питания среди населения Петрограда" и комментарии к нему, помещенные в № 10—11 „Изв. Нар. Ком по Прод.", стр. 21—23, или обязательное постановление о введении классового пайка в Москве—„Продовольств. Дело", № 30—32, стр. 23.

Остановимся на рассмотрении значения „классового пайка“ примененного в Петрограде [1]).

В Петрограде за 4 месяца — июль—октябрь 1918 г. полными сведениями за которые мы располагаем, — распределение продовольственных продуктов происходило в таких размерах.

Всего было распределено продуктов (в больших калориях):

Июль	18.193.735.000
Август	28.435.592.000
Сентябрь	14.764.829.000
Октябрь	39.133.000
Итого	95.527.556.000

Это количество между отдельными категориями было распределено так, что на каждое лицо было выдапо (больших калорий):

Категории	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	В среднем за месяц
I	13.668	24.124	12.958	37.708	22.224
II	5.233	16.417	10.525	24.532	13.590
III	3.666	19.820	6.588	11.706	10.374
IV	1.150	12.690	2.222	5.899	5.018

При беглом просмотре таблички видно, что ни в один месяц не была соблюдена установленная пропорция между рационами отдельных категорий (100—50—25—12½). Если бы эта пропорция была соблюдена, то выдача изменилась бы так:

Категории	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	В среднем за месяц.
I	12 710	28.550	15.445	40.800	24 318
II	6.355	14.275	7.723	20.400	12.159
III	3.178	7.138	3.861	10.200	6.080
IV	1.589	3.569	1.930	5 100	3.040

Для сравнения вычислим количество калорий, которые при распределении указанного выше фактического числа калорий пришлись бы на долю отдельных лиц при действии „классового пайка“ 2 издания и системы распределения, действовавшей до введения „классового пайка“.

[1]) Цифровые данные, которые легли в основание всех дальнейших таблиц даются нами в конце настоящего раздела главы.

Распределение согласно „классовому пайку" 2 издания:

Категории	Июль.	Август.	Сентябрь	Октябрь.	В среднем за месяц.
I	9.188	21.690	12.202	32.775	18.545
II	6.891	16.267	9 152	24.579	13.908
III	2.297	5 422	3.051	8.193	4.636

Распределение согласно системе, действовавшей до введения „классового пайка":

Типы пайка.	Июль.	Август.	Сентябрь	Октябрь.	В среднем за месяц.
Усиленный	11.982	28.294	15.940	42.760	24.182
Обычный	5.991	14.147	7.970	21.380	12 091

Для лучшего уяснения изменений, внесенных в рацион отдельных лиц „классовым пайком", в сравнении их в разных изданиях между собою и с системой действовавшей прежде, нами дается такое сопоставление для различных типичных лиц и типичных семей в ниже помещаемых табличках. (См. табл.)

Данные помещенной ниже таблички являются об'ективной оценкой оснований справедливости различных распределительных систем, применявшихся в Петрограде.

Сравнивая материальное значение оснований справедливости, положенных в „классовые пайки", с основаниями системы распределения, установленной прежде петроградскою Центральною Продовольственною Управою, данные таблички позволяют сделать такого рода заключения.

О „классовом пайке" 1 издания. Если сопоставить с рационами отдельных лиц по системе Центральной Прод. Управы рационы по „классовому пайку"—не фактические, а вычисленные, с соблюдением установленной пропорции между рационами отдельных категорий, то, как видно, из 2-й с правой стороны таблички графы, все типичные лица, взятые нами для сравнений, легко делятся на три группы: а) получающие, при строгом соблюдении пропорции при „классовом пайке" 1 издания, больше, чем при системе Центр. Прод. Упр., б) получающие при „классовом пайке" 1 изд. почти столько же, сколько и при системе Ц. П. У. и в) получающие при „классовом пайке" 1 изд. меньше, чем при системе Ц. П. У.

Типы лиц.	Размер прав.			Выдачи (в бол. калориях)				Размер выдач по „кл. п.“, если принять за 100 прежнюю систему		
	По прежде действовавшей системе.	По „кл. п.“ 1 изд	По „кл. п.“ 2 изд	По прежде действовавшей системе	По „клас. п.“ 1 изд.		По „клас. пайку“ 2 изд.	„Клас. п.“ 1 изд.		„Клас. п.“ 2 изд
					Фактич. средняя за 4 мес.	Вычисленная за 4 месяца.		Фактич. выдачи.	Вычисл. выдачи.	
Лица занятые физическ трудом	Усилен. рац.	1 кат.	1 кат.	24.182	22.224	24.318	18.545	92	100,5	76
Лица, занятые службой, не связанной с физическ. трудом (низшие служащие и трудов. интеллигенция)	Обычн. рац.	2 „	2 „	12.091	13.590	12.159	13 908	112	100,5	114
Лица, занятые ответственной работой	„	2 „	1 „	12.091	13.590	12 159	18 545	112	100,5	152
Лица свободных профессий. .	„	3 „	3 „	12.091	10.374	6.080	4.636	86	50	38
Лица живущие на нетрудовые доходы	„	4 „	3 „	12 091	5.018	3.040	4.636	41	25	38
Женщины — кормилицы, беременные и хозяйки больших семей	„	1 „	1 „	12.091	22.221	24 318	18.545	184	201	152
Женщины-хозяйки в средних семьях	„	3 „	2 „	12.091	10.374	6.080	13 908	86	50	114
Дети до 1 года	„	3 „ одни прод.	2 „ одн. прод.	12 091	8.721	5.111	10.548	72	42	67
„ от 1 до 3 лет	„	3 „	1 „	12.091	10.374	6.080	18.545	86	50	152
„ от 3 до 12 лет. . . .	„	2 „	1 „	12.091	13.590	12.159	18.545	112	100,5	152

В первую группу лиц—выигрывающих от введения „классового пайка" (с соблюдением пропорции между рационами категорий) — входят только привилегированные категории женщин—беременные, кормилицы и хозяйки в больших, неимеющих прислуги семьях. Их рацион при „классовом пайке" должен ровно в два раза превышать рацион по системе Центр. Прод. Упр.

Вторая группа лиц—не приобретающих и не теряющих от введения „классового пайка" 1 издания—фактически обнимает подавляющую массу всего взрослого петроградского населения и значительную часть населения детского. В нее входят все лица, занятые физическим трудом, и всякого рода службой (низшие служащие и вся трудовая интеллигенция) из взрослого населения и из детского—дети среднего и старшего возраста (от 3 до 12 лет).

Третья группа—лица теряющие от введения „классового пайка"—составляется, во-первых, из того круга лиц, которые и должны были, по мысли творцов системы „классового пайка", потерять от его применения—сюда мы относим представителей свободных профессий и живущих на нетрудовые доходы, и во-вторых—теряющими оказались и группы населения, для блага которых „классовый паек" вводился—дети младшего возраста (до 3 лет) и женщины-хозяйки в небольших семьях, неимеющих прислуги. Больше всего теряют дети до 1-го года—их рацион по „классовому пайку" составляет всего 42% рациона по системе Ц. П. У., дети же от 1 до 3 лет и женщины-хозяйки теряют половину прежнего рациона

Так обстояли бы дела, если бы при действии „классового пайка" соблюдалась установленная пропорция между рационами отдельных категорий.

Но фактически эти пропорции ни в один месяц соблюдены не были. В августе месяце наблюдалось даже такое явление, что 3 категория получила более чем на 20% по сравнению со 2 категорией (2 категория—16.417 калорий, а 3 кат.—19.820 калор.). Благодаря подобному несоблюдению пропорции, фактические результаты применения „классового пайка" 1 издания сильно отличаются от только что нами рассмотренных результатов теоретического характера.

Соотношение между фактическими рационами по „классовому пайку", средними за 4 месяца его действия в 1 издании, и рационами по системе Ц. П. У. даются в третьей от конца графе.

По характеру изменений рационов при фактическом осуществлении „классового пайка" 1 издания, по сравнению с рационами по системе Ц. П. У., для отдельных типичных лиц, и количественного выражения этих изменений, все лица делятся на 4 группы: а) много теряющие, б) мало теряющие, в) мало приобретающие и г) много приобретающие.

Много теряющими оказываются только лица, живущие на нетрудовые доходы—потеря их составляет 59% прежнего рациона.

Мало (сравнительно) теряющими оказываются: дети до 1 года—теряют 28%, лица свободных профессий, женщины-хозяйки

небольших семьях и дети от 1 до 3 лет—теряют 14% и, наконец, в число теряющих попадают все лица, занятые физическим трудом, правда с небольшой потерей в 8% рациона по системе Ц. П. У.

Приобретают от фактического применения „классового пайка" в небольших размерах служащие (низшие и трудовая интеллигенция) и дети от 3 до 12 лет — увеличение рациона для них выражается 12%, приобретают же в наибольшем размере—до 84% прежнего рациона—привилегированные группы женщин (беременные, кормилицы и хозяйки в больших семьях).

Резюмируем все, нами изложенное, о материальных результатах применения „классового пайка" 1 издания.

Лозунг, провозглашенный в декрете Петроградской Трудовой Коммуны о введении „классового пайка",—„И хлеб, и нормированные продукты—в первую очередь рабочим"—и мотивировочная часть декрета: „Хлеба у нас мало. Но прежде всего мы должны отдать его рабочим и их семьям. Этого требует справедливость и целесообразность. Рабочие не имеют денег, они не могут его покупать по дорогим ценам. Рабочим нужно больше питания, чтобы они могли больше работать и тем улучшить транспорт и производство" [1])—практически оказались не осуществленными.

И сами рабочие, и их дети от применения „классового пайка" в той или иной степени потеряли, выигрыш же в рационе для жен рабочих (да и то при условии, если жена является хозяйкой большей семьи, беременной или кормилицей) покрыть потерь в рационе прочих членов семьи, конечно, не может.

Правы в своей оценке „классового пайка" петроградского типа оказались „Известия Народного Комиссариата по Продовольствию", заявившие, что „классовый паек" имеет, главным образом, политическое значение. Экономическое же значение его невелико" [2]). Но и они не избегли общего ошибочного заключения, что „классовый паек" хотя бы в небольших размерах, но увеличивает рацион рабочего. Цифровой анализ, произведенный нами выше, заставляет сделать совершенно обратный вывод.

Рассмотрим теперь результаты применения (исходящие из теоретических расчетов) „классового пайка" 2 издания.

Оказывается, что применение „классового пайка" 2 издания дало бы уменьшение рациона, по сравнению с рационами по прежней системе Ц. П. У., для детей до 1 года, затем для рабочих, занятых физическим трудом, и для нетрудовых элементов, совместно с представителями свободных профессий.

Дети до 1 года потеряли бы 13%, рабочие должны были бы потерять 24% рациона прежней системы, а представители нетрудовых элементов и свободных профессий—62% этого рациона.

В выигрыше оказываются все прочие лица.

Мало выигрывают—в размере 14% рациона по прежней системе—низшие служащие, трудовая интеллигенция и женщины-хозяйки в небольших семьях.

---

[1]) Цитируем по „Изв. Нар. Ком. по Прод." № 18—19 за 1918 г., стр. 45.
[2]) Цитируем по „Изв. Нар. Ком. по Прод." № 18—19 за 1918 г., стр. 41.

Много выигрывают—в размере 52% рациона по системе Ц. П. У.—дети от 1 до 12-ти лет, привилегированные группы женщин и небольшая часть трудовой интеллигенции, выполняющая ответственную работу.

Если сопоставить рационы отдельных типичных лиц по „классовым пайкам“ двух изданий (беря в обоих случаях размер рациона, вычисленный теоретически), то, приняв рационы по „классовому пайку“ 1 издания равным 100, мы получим для рационов „классового пайка“ 2 издания следующие величины:

Типы лиц.	Если рационы „кл. п.“ 1 изд. принять за 100, то соответствующие им рационы „кл. п.“ 2 изд. будут равны
Лица, занятые физическ. трудом (рабочие)	76
Женщины — кормилицы, беременные и хозяйки при 4 чл. семьи с 2 нетрудоспобными	76
Лица свободных профессий	76
Лица, занятые службой, не связанной с физическим трудом	114
Лица, живущие на нетрудовые доходы	152
Лица, занятые ответственной работой	152
Дети от 3 до 12 лет	152
Дети до 1 года	206
Женщины—хозяйки при 3 членах семьи или 4 чл., но с 1 нетрудоспособным	228
Дети от 1 до 3 лет	304

Изменения в разделении населения на категории, внесенные „классовым пайком“ в его втором издании, судя по данным таблички, оказались наиболее благоприятные для детей от 1 до 3-х лет—их рацион увеличился в 3 раза, детей до 1 года—с увеличением рациона в два раза и для женщин-хозяек в небольших семьях рацион увеличился более чем в два раза.

Для лиц, занятых ответственной работой, представителей нетрудовых элементов и детей от 3-х до 12-ти лет с изменениями, внесенными „классовым пайком“ 2-го издания, рацион увеличился в полтора раза.

Уменьшение до 3/4 размера рациона по „классовому пайку“ 1-го издания наблюдается у рабочих и представителей свободных профессий.

Чем же об'ясняется то обстоятельство, что рабочие, для улучшения продовольственного положения которых были пересмотрены основания распределения и выдвинута идея „классового пайка“, от его применения, исходя из теоретических расчетов, в 1 издании ничего не приобретали (а фактически, как мы видим, даже теряли около 8% рациона по сравнению с прежней системой), а во 2-м издании теряли ровно 1/4 часть прежних рационов—и по системе Ц. П. У., и по „классовому пайку“ 1-го издания.

Ответ на этот вопрос надо искать в том перераспределении населения по категориям, которое происходило в связи с новыми основаниями распределения.

Тенденция же этого перераспределения—и вольная, проводившаяся сознательно продовольственными органами, и невольная для них, проводившаяся населением и обусловливаемая общим острым недостатком продуктов, сводилась у продовольственных органов к стремлению расширить круг лиц, причисляемых к высшей категории, а у населения—во что бы то ни стало, хотя бы путем злоупотреблений, но быть причисленными к той же высшей категории.

Реально это стремление выражается по Петрограду такими цифрами:

В июне 1918 г. при старой системе к категория лиц, получавших усиленный рацион, принадлежало из всего населения	44%
В июле—октябре 1918 г. при действии „классового пайка" 1 издания в 1 категорию из всего населения входило	49%
В январе 1919 г. при действии „классового пайка" 2 изд. в 1 категорию из всего населения входило	80%

С применением „классового пайка" 1-го издания число лиц, входящих в высшую категорию, увеличилось на 5%, когда же была произведена его реформа и стало действовать 2-е издание „классового пайка", процент лиц, входящих в 1-ю категорию, сделав резкий скачек вверх, увеличился с 49% до 80%, или на 31%. Такое большое повышение об'ясняется главным образом включением в 1-ю категорию всех детей, бывших до того во 2-й и 3-й категориях, но увеличилось и число взрослых лиц:

В ноябре 1918 г. среди взрослого населения при действии „классового пайка" 1 издания входило в 1 категорию	71%
В январе 1919 г. среди взрослого населения при действии „классового пайка" 2 издания входило в 1 категорию	76%

Почти исключительно расширением круга лиц, включавшихся при разных системах распределения в высшую категорию и об'ясняется констатированное выше понижение абсолютной величины рациона для этой категории.

Некоторое значение в понижении размера рациона 1-й категории при действии „классового пайка" 2-го издания имеет и повышение относительных размеров рациона 2-й категории (при „классовом пайке" 1-го изд. ½ рациона 1-й кат., а при 2-м изд.—¾ рациона 1-й кат.) и 3 категории (⅛ и ¼), но значение этого обстоятельства весьма невелико.

Если бы при „классовом пайке" 2-го издания соотношения между рационами отдельных категорий сохранились бы прежние (100 : 50 : 12½), то абсолютный размер рациона 1-й категории изменился бы так:

при соотношении	100 : 75 : 25	он равняется	18,545 калорий
„ „	100 : 50 : 12½	„ „	19,540 „

т. е. увеличился бы на 5,36% и составлял бы по отношению к рациону 1-й категории по „классовому пайку" 1-го издания не 76% его, а 80%.

Рассмотрим теперь влияние „классового пайка“ в обоих изданиях на рационы типичных по своему количественному и качественному составу семей двух главнейших групп населения—рабочих и трудовой интеллигенции, в сравнении рационов „классового пайка“ с рационами по системе Ц. П. У. (см. табл. в особом приложении).

Сопоставление выдач продовольственных продуктов по различным системам распределения типичным семьям, принадлежащим к двум, или, вернее, к трем, наиболее крупным группам петроградского населения—рабочего (занятого физическим трудом), занятого так называемой низшей службой (курьеры, сторожа и т. п.) и трудовой интеллигенции, с выделением из последней семей, имеющих в своей среде ответственных работников, вполне подтверждает сделанные нами при сопоставлении рационов отдельных типичных лиц выводы о материальном значении различных оснований распределения для перечисленных нами выше групп населения.

Рабочие и их семьи от перехода от прежде действовавшей системы распределения петроградской Центральной Продовольственной Управы к распределению на основании „классового пайка“ или ничего не приобретают (при действии „классового пайка“ 1-го издания), или определенно теряют (с применением „классового пайка“ 2-го издания).

Сравнивая „классовый паек“ 1-го издания с системой Ц. П. У. (графа 7-я последней таблицы), видим, что для 10 рабочих семей из 14-ти при переходе к „классовому пайку“ количество получаемых ими продуктов остается на прежнем уровне, если не считать потерь и приобретений чисто арифметического характера (в размерах от 0,4 до 1%) 3 семьи от перехода к „классовому пайку“ теряют в размере 7—11% получений по системе Ц. П. У. и лишь одна семья приобретает, да и то незначительно—10%.

С применением „классового пайка“ 2-го издания число рабочих семей, остающихся при размере получений, равных получениям по системе Ц. П. У. (см. графу 8), равняется 3 (для одной—повышение на 2% и для двух—понижение 1,4 и 4,0%), теряющих семей 8, из них 2 теряют по 9%, 3 семьи—от 11 до 16% и 3 семьи—от 21 до 24%, приобретающих же семей всего 3, с размером приобретений в 9, 17 и 23%.

По сравнению с первым изданием „классового пайка“ при действии 2-го издания его (графа 9) положение для большинства семей остается аналогичным тому же, что и при сравнении „классового пайка“ 2-го издания с системой Ц. П. У.—остаются при прежнем размере получения 3 семьи, теряют 7 семей и приобретают 4 семьи.

Иное значение имеет „классовый паек“ для семей низших служащих и трудовой интеллигенции.

Применение „классового пайка“ 1-го издания для них, вместо ожидавшегося понижения, дало те же в общем безразличные результаты, что и для семей рабочих (см. графу 15), т.-е. большинство семей—8 из 12-ти—остались при тех же размерах получений, что и по системе Ц. П. У. (с потерей для 2-х семей по 1% и с приобретением для 6 семей 0,5%), 3 семьи потеряли от 10 до 19% и одна приобрела 13%.

Радикально изменилось положение семей низших служащих и трудовой интеллигенции при переходе к „классовому пайку“ 2-го издания.

И по сравнению с получениями по системе Центр. Пр. Уп (гр. 16), и по сравнению с получениями на основании „классового пайка“ 1-го издания (гр. 17-я) семьи низших служащих и трудовой интеллигенции с применением „классового пайка“ 2-го издания во всех без исключения случаях выиграли, и по большинству семей в довольно значительных размерах.

По сравнению с получениями по системе Ц. П. У. 4 семьи выиграли от 6 до 15%, 5 семей выиграли от 23 до 28%, 2 семьи выиграли 32—34% и одна семья приобрела 44%.

По сравнению с получениями на основании „классового пайка“ 1-го издания 3 семьи приобрели 14%, 5 семей—от 24 до 30%, 3 семьи—от 34 до 35% и одна семья приобрела 52%.

В еще большей степени выиграли с применением „классового пайка“ 2-го издания те семьи, которые имеют в своей среде ответственных работников (отнесенных, как известно, к 1-й категории); размер увеличения получений для таких семей по сравнению с системой Ц. П. У. (гр. 18-я), не опускаясь ниже 19%, достигает для 4-х семей 40—44%, а для двух семей—53—54%; по сравнению же с получениями на основании „классового пайка“ 1-го издания семьи ответственных сотрудников выигрывают минимум 27% для 1 семьи, 33—46% для 8 семей, 52% для 1 семьи и 68% также для 1 семьи.

Мы, к сожалению, не располагаем сведениями о количестве семей, проживающих в Петрограде и принадлежащих к различным группам населения, а также и об их внутреннем составе, почему, кроме уже сделанных нами выводов о материальном значении „классового пайка“ для отдельных лиц и типичных по своему составу семей, мы лишены возможности сделать общий вывод о том перераспределении продуктов между группами петроградского населения, которое обусловливается применением различных оснований распределения.

Посмотрим теперь, в какой мере была выполнена задача, которую ставили себе авторы классового пайка: передать продукты наиболее нуждающимся группам населения, т.-е. высшим категориям, за счет лишения их наименее нуждающихся, зачисляемых в низшие категории.

Пользуясь данными по Петрограду о количестве выданных продуктов за месяцы июль—октябрь и о распределении населения по категорям за те же месяцы, мы получаем, что при действии „классового пайка“ 1 издания лица, принадлежащие к этим категориям, имели бы возможность получить следующей величины продовольственные рационы:

А. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 4 категории

1 кат.	получ.-бы	22.257	кал.	взамен 22.224	кал.
2 „	„ „	13.610	„	„ 13.590	„
3 „	„ „	10.390	„	„ 10.374	„

или каждая категория получила бы рацион, увеличенный на 0,15%.

Б. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 3 и категории:

1 кат. пол. бы 23.674 кал. взамен 22.224 кал.
2 „ „ „ 14.477 „ „ 13,590 „

Рацион этих двух категорий увеличился бы на 6,52%.

В. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 4, 3 2 категориям:

1-я категория получила бы 35.751 кал. взамен 22.224 кал что составило бы для нее увеличение рациона на 61%.

При действии „классового пайка“ того же 1-го издания, не с соблюдением пропорций в рационах отдельных категорий (то что мы выше называли „теоретической выдачей“), лишение продуктов низших категорий отразилось бы на средних месячных рационах высших категорий так:

А. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 4 категории.

1 кат. пол. бы 24.338 кал. взамен 24.318 кал.
2 „ „ „ 12.169 „ „ 12.159 „
3 „ „ „ 6.085 „ „ 6.080 „

что составило бы увеличение рациона на 0,08%.

Б. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 4 и 3 категориям:

1 кат. пол. бы 25 225 кал. взамен 24.318 кал.
2 „ „ „ 12.613 „ „ 12.159 „

или рацион увеличился бы на 3,73%.

В. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 4, 3 2 категориям:

1 категория получила бы 35.751 кал. взамен 24.318 кал., чем ее рацион увеличился бы на 47%.

Если продукты, выданные населению за указанные нами месяцы, распределялись бы на основании „классового пайка“ 2 издания, то лишение продуктов низших категорий имело бы для высших категорий следующие последствия.

А. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 3 категории:

1 кат. пол. бы 18.654 кал. взамен 18.545 кал.
2 „ „ „ 13.990 „ „ 13.908 „

т. е. рацион этих категорий увеличился бы на 0,59%.

Б. При лишении продуктов лиц, принадлежащих к 3 и 2 категориям:

1 категория получила бы 21.735 кал. взамен 18.545 кал., что дало бы ей увеличение рациона на 17,2%.

Приведенные нами цифры свидетельствуют, что серьезно говорить о возможности накормить за счет низших категорий категории

высшие, оставаясь в пределах лишения продуктов только нетрудовых элементов (т.-е. 4 и 3 категории при „классовом пайке“ 1 издания и 3 категории при „классовом пайке“ 2 издания), совершенно не приходится. Лишение продуктов нетрудовых элементов увеличивает рацион рабочих, низших служащих и трудовой интеллигенции в приведенных нами расчетах на такие незначительные величины как 0.59—3,73—6,52%, которые можно считать показателями чисто арифметического, а не практически ощутимого улучшения питания трудовых элементов.

„Известия Народного Комиссариата по Продовольствию“, обсуждая значение петроградского „классового пайка“ 1 издания, приходят к аналогичному с нами выводу, говоря: „наивно предполагать, что часть голодного пайка, недоданная одному эксплоататору, улучшит питание 99 человек, работающих в той или иной области“ [1]).

Наш вывод отличается от вывода „Известий“ лишь тем, что, имея по сравнению с ними более обширный материал, мы приходим к заключению, что не только недодача одному эксплоататору из ста человек населения части голодного пайка не может улучшить питания остальных 99 человек, но и полное лишение голодного пайка даже 11 эксплоататоров и представителей нетрудовых элементов не может улучшить питания остальных 89 человек, составляющих трудовую часть населения.

Ощутительное увеличение рациона исключительно для рабочих, занятых физическим трудом, может быть достигнуто при действии „классового пайка“ 1 издания, если получения продуктов лишить не только нетрудовые элементы, но и низших служащих и трудовую интеллигенцию, входящих во вторую категорию. Такая мера увеличивает рацион рабочего на 47% при соблюдении пропорции между рационами отдельных категорий и на 60%—при пропорции между выдачами отдельным категориям, фактически бывшими за изучаемые нами четыре месяца.

Но может быть благодаря переходу от прежних оснований распределения к „классовому пайку“ сокращается общий расход продуктов и полученная экономия в продуктах может быть употреблена на дополнительные выдачи детям или иным привилегированным группам населения?

Цифры и на этот вопрос дают ответ отрицательный.

Так, если мы предположим, что рацион 1 категории был бы выдан лицам, занятым физическим трудом, прочему же населению выдано было бы вдвое меньше (как это было при распределении по системе П. Ц. П. У.), то общий расход выразился бы в 87.751 миллион. калорий вместо 95 528 миллионов калорий, фактически выданных по „классовому пайку“, т.-е. последний не только не дал экономии, но и потребовал выдачи лишних 7.777 милионов калорий, или, по сравнению с распределением по системе П. Ц. П. У., почти на 9% больше.

При строгом соблюдении пропорции в рационах отдельных категорий „классовый паек“ дал бы экономию, но в таких не-

---

[1]) См. „Изв. Н. К. по Пр.“ за 1918 г., № 18—19, стр. 41.

значительных размерах как 0,5% (95528. мил. кал. вместо 96020 мил. кал.), которая позволила бы увеличить детский рацион не более чем на 4—5%.

Перейдем теперь к рассмотрению материального значения „классового пайка" московского типа.

В практике московской городской продовольственной организации в большинстве случаев распределения продуктов точно соблюдается установленная пропорция между выдачами отдельным категориям, почему в целях экономии места мы рассмотрим лишь теоретические результаты применения „классоного пайка" московского типа.

Если мы предположим, что при действии „классового пайка" выдача отдельным категориям равняется:

1 кат.	—	1 ф.
2 „	—	3/4 ф.
3 „	—	1/2 ф.
4 „	—	1/4 ф.,

то, распределяя необходимое для подобной выдачи количество продуктов между населением по системе бывшего министерства продовольствия, применявшейся в Москве до введения „классового пайка", мы получим, что в этом случае размер выдачи равнялся бы (по данным о населении за сентябрь месяц для хлеба и за октябрь для продуктов):

	Для хлеба.	Для проч. продуктов.
Для рабочих	—0,72 ф.	0,58 ф.
„ проч. нас.	0,48 ф.	0,58 ф.

Таким образом материальное значение „классового пайка" московского типа в его 1 издании совершенно иное, чем рассмотренное нами выше значение „классового пайка" петроградского типа.

Наиболее выгодным образом применение „классового пайка" отразилось на получении двумя высшими категориями, в которые входит большинство московских рабочих, нехлебных продуктов, распределявшихся до того равномерно между всем населением.

1-я категория, взамен 0,58 ф. по системе мин. продовольствия, при „классовом пайке" должна была получать 1 ф., или больше на 72%, а 2-я категория должна была получать 3/4 ф., или больше на 29%.

Теряли при распределении нехлебных продуктов по „классовому пайку" некоторые группы рабочих и вся трудовая интеллигенция, зачисленные в 3 категорию, хотя и в неособенно значительных размерах—около 14% прежнего размера выдач. (0,50 ф. взамен 0,58 ф.).

Наибольшую потерю—около 57% прежних выдач (0,25 ф. взамен 0,58 ф.)—при „классовом пайке" несут трудовые элементы и лица, неуспевшие оформить свое право на причисление к высшим категориям и потому зачисленные в 4 категорию.

По отношению к хлебу „классовый паек" внес существенное улучшение лишь для немногочисленной группы особо тяжело работающих рабочих, зачисленных в 1 категорию: их хлебный рацион увеличился с 0,72 ф. до 1 ф., или на 39%.

Увеличился чисто арифметически хлебный рацион главной массы рабочих, зачисленных во 2 категорию (с 0,72 до 0,75 ф.), и низших служащих и трудовой интеллигенции, отнесенных к 3 категории (с 0,48 ф. до 0,50 ф.).

Уменьшился хлебный рацион почти вдвое (с 0,48 ф. до 0,25 ф.) для одной лишь 4 категории.

Как мы указывали выше, в Москве, под влиянием недостатка в продуктах, вскоре после перехода к распределению на основании „кл. п." первые две категории были соединены вместе, с сохранением для обоих категорий рациона 1 категории, а затем с 1 января 1919 г. в Москве также был применен „классовый паек" 2 издания.

Распределяя одно и то же количество продуктов на основании „классовых пайков" обоих изданий и системы мин. продовольствия, мы получаем такие рационы для отдельных категорий населения:

Типы лиц.	Для хлеба.			Для нехлебных продуктов.		
	По системе мин. пр.	По „класс. пайку".		По системе мин. пр.	По „класс. пайку".	
		1 изд.	2 изд.		1 изд.	2 изд.
Занятых тяжел. физ. раб.	1,06	1,47	1,0	0,84	1,47	1,0
„ средн. „ „	1,06	1,11	1,0	0,84	1,11	1 0
„ легкой „ „	1,06	0,73	1,0	0,84	0,73	1,0
Низш. служ. и труд. инт.	0,71	0,73	0,75	0,84	0,73	0,75
Нетрудовые элементы.	0,71	0,37	0,25	0,84	0,37	0,25

Из таблички видно, что переход к „классовому пайку" 2 издания сопровождался в Москве уничтожением всех тех—выгод для большинства рабочего населения Москвы, которые они получали при действии „классового пайка" 1 издания.

По отношению к хлебу при „классовом пайке" 2 издания московское население, за исключением нетрудовых элементов, фактически возвратилось к рационам, близким по своим размерам к рационам по системе министерства продовольствия. Рабочие потеряли, по сравнению с хлебными рационами по системе мин. продовольствия, около 6% (получая по 1 ф. вместо 1,06 ф.), а низшие служащие и трудовая интеллигенция приобрели около 6% (получая по 0,75 ф. вместо 0,71 ф.).

Нетрудовые элементы потеряли около ⅔ своего хлебного рациона по системе мин. продовольствия (0,25 ф. вместо 0,71 ф.).

По отношению к нехлебным продуктам „классовый паек" 2 издания ухудшил, по сравнению с 1 изданием, положение рабочих, занятых тяжелым трудом (сократив рацион на 32%—1 ф. вместо 1,47 ф.) и средним физическим трудом (сократив рацион

на 10%—1 ф. вместо 1,11 ф.) и улучшил рацион рабочих, занятых легким физическим трудом (увеличив его на 37%—до 1 ф. с 0,73 ф.) и низших служащих и трудовой интеллигенции (увеличив их рацион с 0,73 до 0,75 ф., или на 3%).

Наиболее благоприятные результаты от перехода к распределению продовольственных продуктов на основании „классового пайка“ выпали в Москве на долю привилегированных групп населения—детей и беременных и кормилиц.

Для большинства детей уже основной рацион по „классовому пайку“ был выше рациона по системе министерства продовольствия; кроме того, переход к распределению на основании „классового пайка“ сопровождался в Москве выпуском в обращение дополнительных карточек для детей, что в еще большей степени улучшало их положение.

Вот сопоставление основных рационов (теоретически вычисленных) для привилегированных групп московского населения:

Название групп.	Для хлеба			Для нехлебных продуктов.		
	По системе мин. пр.	По „класс. пайку“.		По системе мин. пр.	По „класс. пайку“	
		1 изд	2 изд.		1 изд	2 изд
Дети до 1 года . . .	0,71	0,73	—	0,84	0,73	0,75
„ от 1 до 3 лет. .	0,71	0,73	1,0	0,84	0 73	1,0
„ от 3 до 12 лет. .	0,71	1,11	1,0	0,84	1,11	1,0
Беременные, кормилицы	0,71	1,47	1,0	0,84	1,47	1,0

Относительно хлеба все привилегированные группы московского населения при обоих изданиях „классового пайка“, по сравнению с системой министерства продовольствия, получают рацион более высокие, за исключением грудных детей, лишенных при „классовом пайке“ 2 издания хлеба совершенно.

Сравнивая между собою рационы по разным изданиям „классового пайка“, видно, что 2 издание улучшило лишь положение детей от 1 до 3 лет (увеличив рацион с 0,73 до 1,0 ф.) и ухудшило положение всех прочих привилегированных групп (уничтожив хлебный рацион для детей 1 года совершенно и уменьшив рацион до 1 ф. с 1,11 ф. для детей от 3 до 12 лет и с 1,47 ф. для беременных и кормилиц).

Что касается нехлебных продуктов, то применение „классового пайка“ также улучшило положение главной массы детей (от 3 до 12 лет) и беременных и кормилиц, увеличив для детей рацион с 0,84 ф. до 1,11 ф., а для беременных и кормилиц с 0,84 ф. до 1,47 ф. Ухудшилось положение детей младшего возраста (до 3 лет), рацион которых уменьшился с 0,84 ф. до 0,73 ф.

Переход от „классового пайка“ 1 издания ко 2 изданию, наоборот, улучшил положение детей младшего возраста (увеличив их рацион с 0,73 ф. до 0,75 ф. и 1,0 ф.) и ухудшил положение детей от 3 до 12 лет и беременных и кормилиц (уменьшив рацион детей с 1,11 до 1 ф. и беременных и кормилиц с 1,47 также до 1 ф.).

По сравнению же с системой мин. продовольствия „классовый паек“ 2 издания оказался более выгодным для всех привилегированных групп, дав им увеличение рациона с 0,84 ф. до 1 ф., кроме детей до 1 года, несколько в размере своего нехлебного рациона потерявших (0,75 ф. вместо 0,84 ф.).

Остановимся еще на одном сопоставлении, а именно—какую роль играют получаемые населением продовольственные рационы, основанные на различных системах распределения, среди общей массы потребляемых этим населением продовольственных продуктов. Не располагая исчерпывающими данными эмпирического характера о питании населения и его отдельных групп, образующих различные категории по своим правам на продовольственные рационы, мы имеем возможность сопоставить между собою, с одной стороны, величину физиологически необходимого минимума питания (выраженного в калориях) для лиц, производящих работу различного напряжения, а с другой стороны—те количества питательных веществ, которые население получает по карточкам от продовольственных органов:

Принимая минимум питания для лиц, несущих особо напряженную физическую работу в 4 000 калорий ежедневно, или 120.000 ежемесячно, для лиц, несущих работу средней напряженности,—в 3.500 и 105.000 калорий, для несущих легкую работу—в 3.000 и 90.000 калорий и для детей от 1 до 3 лет—в 2.000 и 60.000 калорий, а для детей от 3 до 12 лет—в 2.500 и 75.000 калорий и беря для сопоставления количества выданных продуктов по данным для Петрограда, которыми мы оперировали выше, (средняя ежемесячная выдача за месяцы июнь—октябрь 1918 г.), мы получим следующий ряд цифр, характеризующий различные системы распределения:

КАТЕГОРИИ ЛИЦ.	Количество питательн веществ. в калориях (в месяц)				Выдачи по различным систем. в % к физиолог. миним		
	Физиологич. миним.	По системе Ц. П. У.	По „кл. п.“ 1 изд	По „кл. п.“ 2 изд.	По системе Ц. П. У.	По „кл. п.“ 1 изд	По „кл. п.“ 2 изд.
Занятые особо напряж. труд.	120.000	24.182	24.318	18 545	20,15	20,25	15,45
„ „ средним „	105.000	24 182	24 318	18.545	23,50	23,05	17,65
„ „ легким „	90.000	12 091	12.159	13 905	13,43	13,51	15,45
Дети от 3 до 12 лет.	75 000	12 091	12.159	18 545	16,0	16.21	24,73
„ „ 1 „ 3 „	60 000	12 091	6 080	18.545	20,15	10,15	30,90

Просматривая цифры, характеризующие продовольственные рационы различных лиц в их отношении к физиологически необходимому для этих лиц минимуму питательных веществ, мы видим, что ясно выраженная тенденция проявить тот или иной вид справедливости распределения присуща лишь „классовому пайку“ в его 2 издании. При его действии все население (не считая нетрудовых элементов, в нашу табличку невключенных) делится резко на две части—взрослое и дети. Первые—взрослые—обеспечиваются продовольственным рационом в размере 15,45—17,65% своей минимальной физиологической потребности. Вторые

же—дети—обеспечиваются в размере 24, 73 и 30, 90% той же потребности. Или дети обеспечиваются на 60% и на 100% выше, чем значительная часть взрослого населения, занятого легким и особо напряженным трудом, и на 40 и 75% выше, чем взрослое население, занятое трудом средней напряженности.

Принимая же во внимание, что для взрослого населения продовольственный рацион учтен нами полностью, а для детей—лишь в части, получаемой по основным карточкам, и не учтена та часть рациона, которая получается по специальным детским карточкам, мы можем сделать по отношению „классового пайка“ 2 издания тот вывод, что справедливость распределения, ему присущая, носит определенно социальный характер. Причем вывод этот, действительный лишь тогда, когда мы сопоставляем между собою данные, относящиеся ко всему взрослому населению и всем детям, к отдельным категориям детей неприменим. Все взрослое население, несмотря на существование в среде его самой сильной дифференциации по целому ряду имеющих большое значение признаков, получает почти одно и то же относительное количество питательных веществ. Одно и то же относительное количество получают лица, несущие труд особо напряженный и несущие труд легкий—15,45% необходимого им рациона, несколько больше—а именно 17,65% физиологического минимума,—получают лица, несущие труд средней напряженности. Если игнорировать эту разницу между относительным размером рационов, получаемых лицами, несущими труд средней напряженности и прочими лицами, принадлежащими к трудовому населению,—разницу, формально обуславливаемую огульным отнесением всех лиц, занятых чисто физическим трудом, в одну категорию,—то мы будем иметь в результате применения „классового пайка“ 2 издания такой случай, когда справедливость распределения в отношении трудового населения фактически вылилась в свою физиологическую форму: продукты питания распределяются пропорционально физиологической в них потребности.

Той определенности выводов, которую позволяют сделать данные, характеризующие основные рационы, получаемые населением при действии „классового пайка“ 2 издания, нет, когда приходится говорить о системе Ц. П. У. и „классовом пайке“ 1 издания.

При действии системы Центральной Продовольственной Управы все население по относительным размерам продовольственного рациона, получаемого им, можно подразделить на 3 группы: а) лица, несущие труд особо и средне напряженный, б) лица, несущие легкий труд и в) дети.

Лица, входящие в первую группу, получают 20,15 и 23,50% физиологически необходимого минимума питания, вторые—13,43% и третьи—16,0—20,15%. В приведенных относительных размерах можно заметить две тенденции. Одна из них придает справедливости в распределении по системе Ц. П. У. характер физиологический—это значительное превышение относительного размера рациона первой группы над второй группой—20 и 23% против 13%, т.-е. более высокое обеспечение лиц, несущих труд средней и высокой напряженности по сравнению с трудом легким. Вторая тенденция—сравнительно высокое обеспечение продовольствен-

ным рационом детей (16 и 20% физиологического минимума)— придает справедливости и некоторый социальный оттенок.

Наконец, при действии „классового пайка“ I издания население по своей относительной обеспеченности продуктами питания может быть подразделено на две группы: с одной стороны— обеспеченное более высоко (20,15 и 23,65%)—лица физического труда (занятые трудом особой и средней напряженности), а с другой—лица легкого труда и дети, обеспеченные по сравнению с первой группой в меньшей степени (10,15—13 51—16,21%). Эта разница в относительных размерах продовольственных рационов придает справедливости распределения „классового пайка“ I издания грубо выраженный хозяйственный характер.

Невозможность получить от продовольственных организаций сведения более детальные и большей полноты, чем те, которыми мы уже воспользовались выше, лишает нас возможности произвести целый ряд добавочных аналитических изысканий для более углубленного изучения значения различных систем распределения в деле народного продовольствия и заставляет ограничить наш интерес к изучаемому предмету сделанными выше выкладками.

Рассмотренное нами материальное значение „классового пайка“ московского и петроградского типов, в обоих их изданиях, характерно не только для городов, впервые их применивших и являющихся их авторами, но и для всех тех провинциальных городов, которые, следуя примеру столиц или в силу распоряжения Нар. Ком. по Продовольствию, вводили у себя системы распределения, называемые „классовым пайком“, и брали за образец систему распределения одной из столиц, не внося своих сколько-нибудь существенных изменений.

Написанное нами выше о справедливости распределения относится почти исключительно к продуктам питания.

Почти все предметы первой необходимости—и все главнейшие из них как мануфактура, обувь, галоши, керосин—распределяются с применением совершенно отличных от описанных нами оснований справедливости.

Каких либо конкретных предписаний или просто указаний в общегосударственном масштабе об основаниях распределения между населением предметов первой необходимости не существует. Поэтому практика местных продовольственных органов в отношении и самой организации распределения предметов первой необходимости, и установлении оснований распределения отличается еще большей пестротой, чем это было с продуктами питания до применения при распределении их более или менее однообразного по своему существу „классового пайка“.

Во многих городах [1]) прежде всего отсутствует карточная система распределения для большинства предметов первой необходимости (за исключением керосина и мыла). Снабжение ими населения производилось до национализации частной торговли при помощи последней, а с национализацией ее—из распределительных пунктов продовольственных организаций или

[1]) По данным, относящимся к концу 1918 г.

кооперативов. Отпуск предметов производился по ордерам, выдаваемых продовольственной организацией в случаях специального обращения за ними.

Говорить при подобных условиях распределения о каких-либо планомерно проводимых основаниях его не приходится.

В городах, применяющих карточную систему распределения или ордерную систему, являющуюся таковой лишь по форме, а по своему существу соответствующей карточной системе (как напр., в Петрограде), можно уже подметить и определенные основания распределения и стремление в числе их провести и тот принцип, который мы именуем справедливостью.

Как известно, карточки на предметы первой необходимости выдаются не всему населению сразу, а постепенно определенным частям его. Кроме того, продовольственный орган лишен физической возможности сам выбрать лиц, получающих карточки в первую очередь, во вторую и т. д., и должен ограничиваться лишь распределением карточек между отдельными домами.

Уже в этой стадии распределения между населением карточек на предметы первой необходимости в отдельных городах, например, в Москве, помимо равномерности, (выражающейся в других городах в пропорциональном к числу живущих в отдельных домах распределении карточек) проводится и справедливость распределения.

До введения „классового пайка“ осуществление справедливости распределения достигалось установлением различных норм выдачи карточек по отдельным районам города, в зависимости от социального состава населения.

Так, для окраинных районов с преимущественно рабочим населением норма была установлена в 8 карточек на 100 душ населения, для районов со смешанным составом—5 карточек и для центральных районов с нерабочим населением—3 карточки.

С введением „классового пайка“ более высокая норма выдачи карточек была установлена для населения, принадлежащего к 1-й категории, пониженная, для 2 и 3 и самая низкая—для 4 категории.

В стадии непосредственного распределения карточек между населением, производимого или домовыми организациями, или общими собраниями жителей отдельных домов, преимущественное право на получение карточек должны иметь, согласно инструкциям продовольственных органов, лица, наиболее нуждающиеся, а среди них очередность определяется принадлежностью к той или иной категории, причем высшие категории имеют преимущество перед категориями низшими.

Подобный порядок имеет вполне определенную тенденцию осуществить справедливость социального порядка.

К сожалению, очень часто практика распределения карточек, производимая населением внутри отдельных домов, не соответствует инструкциям продовольственных органов, и сознательный выбор наиболее нуждающихся в предметах и материалах, выдаваемых по распределяемым карточкам, заменяется розыгрышем карточек между населением дома, хотя такой прием и запрещается инструкциями продовольственных органов.

Данныя, легшие в основу таблиц, посвященных анализу материального значения „классового пайка“ петроградского типа

I. Данныя о населении (числе рационов) по месяцам 1918 г. и за январь 1919 г.

Июнь—основных рационов—1.751.515.
„ дополнит. „ 773.833 или 44⁰/₀ от основных

Рационы за июнь согласно системе распределения Цен. Прод. Упр

МЕСЯЦЫ.		Категории „классового пайка“.				ИТОГО.
		I	II.	III.	IV.	
Июль.		657.517	659.437	194.462	17.732	1.529.148
Август		646.709	571.743	167.350	10.448	1.396.250
Сентябрь		677.554	502.970	103.417	2.623	1.286.564
Октябрь		689.253	494.736	85.850	1.600	1.271.439
Янв. 1919 г.	Взрослые	704.000	201.000	25.000	—	930.000
	Дети	208.000	—	—	—	208.000
	Все население.	912.000	201.000	25.000	—	1.138.000
	Тоже в ⁰/₀⁰/₀ к итогу.	80,14	17,66	2,20	—	100,0

Распределение населения за месяцы июль—октябрь 1918 г. на основании „классового пайка“ 1 издания, а за январь 1919 г. на основании „классового пайка“ 2 издания.

II. Данныя о продовольственных продуктах, выданных населению по месяцам 1918 г. (в фунтах).

Месяцы.	Продукты.	КАТЕГОРИИ.			
		I.	II.	III.	IV.
ИЮЛЬ.	Хлеб.	5 1/4	2 5/8	2 5/8	1 5/16
	Рыба.	1	1	—	—
	Жиры	1/4	1/4	—	—
	Масло	1 1/4	1/8	—	—
	Яйца.	12 шт.	2 шт.	—	—
	Крупа	3/4	3/8	—	—
	Сухие овощи	1/8	—	1 1/8	—

Месяцы.	Продукты.	КАТЕГОРИИ I.	II.	III	IV.
АВГУСТ.	Хлеб	4 3/4	1 3/4	1 1/8	—
	Рыба	5	5 1/2	3 1/2	1/4
	Сельди	40 шт.	38 шт.	69 шт.	6[illegible] шт.
	Жиры	1/4	—	1/16	—
	Масло	1 3/4	7/8	1 1/2	—
	Яйца	2 шт.	—	—	—
	Крупа	1/2	1/4	1/4	—
	Сухие овощи	1	1/4	1/4	—
	Шпик *)	1/4	—	—	
	Сахар	1/2	1/2	1/4	—
СЕНТЯБРЬ	Хлеб	4 1/4	2	3/4	—
	Рыба	2 1/2	1	—	—
	Сельди	32 шт	33 шт.	28 шт.	11 шт.
	Картофель	2	1 1/2	1/2	—
	Мясо	1/2	—	—	—
	Жиры	—	1/4	—	—
ОКТЯБРЬ.	Хлеб	11	4 3/4	2 3/8	1 1/2
	Картофель	53	46	20	10
	Капуста	3	2	—	—
	Рыба	2 1/2	1	2	—
	Лук	1	1 1/4	—	—
	Сельди	8 шт.	2 шт.	2 шт.	3 шт.
	Сайки *)	1 шт.	—	—	—
	Мясо	1/2	—	—	—
	Жиры	1/2	1/4	—	—
	Сахар	1/2	—	—	—

III. Нормы перевода продуктов в калории.

(100 грам=большим калориям).

Хлеб	242	Рыба	135
Картофель	96	Сахар	410
Капуста	69	Яйца	166 кал. в 1 шт.
Лук	52	Крупа	357
Мясо	123	Сух. овощи	250
Жиры	793		

Вес сельди принят равным 3/8 фунта рыбы.

---

*) Шпик и сайки при переводе выданных продуктов в калории исключены, в виду невозможности определить их калорийное содержание. Материального значения такое исключение, в виду незначительности выдач названных продуктов, не имеет.

IV. Способ получения величины рационов по различным системам распределения.

Выясним, каким способом получены цифровые выражения для рационов различных лиц, перечисленных в таблице на стр. 40.

За 4 месяца (июль—октябрь) всему петроградскому населению по основным карточкам (кроме детских карточек) было выдано 95.527.556.000 больших калорий.

Фактически это количество калорий было распределено между отдельными категориями (по рассчету на 1 лицо) следующим образом:

1 категории. К 1 категории принадлежало:

в июле	658	тыс. человек.
„ августе	647	„ „
„ сентябре.	678	„ „
„ октябре	689	„ „
Всего же за 4 мес.	2.672	„ „

Выдача на 1 лицо была в переводе на большие калории:

в июле	13.668	бол. кал.
„ августе	24.124	„ „
„ сентябре.	12.958	„ „
„ октябре	37.708	„ „

Все же лица, принадлежащие к 1 категории, получили:

в июле	9.013.284	калорий
„ августе	15.608.228	„
„ сентябре	8.785.524	„
„ октябре	25.975.000	„
Итого за 4 мес.. .	59.382.036	калорий

Средний месячный рацион будет равняться.

59.382.036 калорий : 2.672 (тыс. чел.)=22.224 калории.

Поступая таким же путем, мы получаем, что средний месячный рацион прочих категорий равняется:

2 категория . .	13.500	кал
3 „	10.374	„
4 „	5.018	„

Приведенные цифры отражают фактически полученные населением рационы.

Чтобы определить размер рационов, которые получили бы лица, принадлежащие к различным категориям, если бы при определении рационов точно руководствовались установленным соотношением между рационами отдельных категорий, мы поступали так.

Соотношение между рационами отдельных категорий установлено следующее:

1 кат.	200 ед.	или	1	ед.
2 „	100 ед.	„	1/2	„
3 „	50 ед.	„	1/4	„
4 „ . . .	25 ед.	„	1/8	„

Всего за 4 месяца к различным категориям принадлежало лиц:

1 категория	2.672 тыс.
2 „	2.229 „
3 „	550 „
4 „	33 „
Итого	5.484 „

Количество полных единиц рационов, выданное им за 4 месяца будет равняться:

1 кат.	2.672 тыс.	× 1	= 2.672 тыс.
2 „	2.229 „	× 1/2	= 1.115 „
3 „	550 „	× 1/4	= 138 „
4 „	33 „	× 1/8	= 4 „
Итого.			3.929 тыс. рационов.

На полный рацион в таком случае пришлось бы:

95.527.556 тыс. кал. : 3.929 тыс. (рационов) = 24 218 кал.

и отдельные категории получили бы в среднем за месяц:

1 кат.	24.318 кал.	× 1	= 24.318 кал.
2 „	24.318 „	× 1/2	= 12.159 „
3 „	24.318 „	× 1/4	= 6.080 „
4 „	24.318 „	× 1/8	= 3.040 „

Если бы в указанные 4 месяца действовала бы система распределения Центральной Продовольственной Управы, то, исходя из общей цифры населения за 4 месяца в 5.484 тыс. человек, мы имели бы:

лиц, имеющих право на основной паек	— 5 484 тыс. человек
лиц, занятых физическим трудом и получающих кроме основного пайка и дополнительный (исходя из того, что в июне таких лиц было 44% от всего населения)	— 2.413 тыс. человек.

Что при равенстве основного и дополнительного пайков дало бы в общей сумме 7.897 тыс. пайков и тогда бы паек равнялся:

9 5.527.556 тыс. кал. : 7 897 тыс. (пайков) = 12 091 калорий.

Лица физического труда получили бы в среднем за месяц:

основной паек	12.091 кал.
дополнит. „	12.091 „
Всего.	24.182 кал.

Все же лица, незанятые физическим трудом, получили бы основной паек . . . 12.091 кал.

Если бы в те же 4 месяца было осуществлено распределение согласно „классовому пайку" 2 издания, то, исходя из общего количества населения за 4 месяца в 5.484 тыс. человек и %% соотношений лиц, принадлежащих к различным категориям в январе месяце 1919 г., когда был применен „классовый паек" 2 издания, мы имели бы следующее распределение населения по категориям:

1 категория . .	80,14% всего населения . .	4.395 тыс. чел.
2 „ . .	17,66% „ „ . .	968 „ „
3 „ . .	2,20% „ „ . .	121 „ „

Соотношение между рационами отдельных категорий при „классовом пайке" 2 издания было следующее:

1 кат.	100 ед. или 1 ед.
2 „	75 ед. или 3/4 ед.
3 „	25 ед. или 1/4 ед.

Количество полных единиц рационов, которое пришлось бы выдать за 4 месяца при действии „классового пайка" 2 издания, равнялось бы:

1 кат.	4.395 тыс. × 1 =	4.395 тыс.
2 „	968 „ × 3/4 =	726 „
3 „	121 „ × 1/4 =	30 „
Итого		5.151 тыс. рационов

На полный рацион в таком случае пришлось бы—

95.527.556 тыс. кал. : 5.151 тыс. (рационов) = 18.545 калорий

и отдельные категории получили бы в среднем за месяц:

1 кат.	18.545 кал. × 1 =	18.545 кал.
2 „	18.545 „ × 3/4 =	13.908 „
3 „	18.545 „ × 1/4 =	4.636 „

Равномерность распределения.

Равномерность распределения, согласно неоднократно нами цитированной инструкции Министра Земледелия от 26 июня 1917 г., изданной в развитие закона о хлебной монополии, преследует две задачи: 1) задачу равномерного распределения хлеба (а по аналогии и всех прочих продуктов) между отдельными потребительными районами и 2) задачу равномерного распределения продуктов в пределах каждого потребительного района между различными группами населения.

Выполнение первой задачи касается больше той области, которая обычно именуется снабжением, и ее касаться мы не будем, сосредоточив наш интерес на второй задаче—целиком относящейся к области непосредственного распределения (т.-е. распределения между населением, а не районами)

В этой последней области—равномерность может быть или основным принципом распределения, в случае установления рациона одного и того же размера для всего населения, или же вторым, дополняющим главнейший принцип— справедливость, когда на лицо имеется последняя. В этом втором случае равномерность должна иметь место в отошении каждой группы населения с самостоятельным размером рациона.

Равномерность, как основной принцип распределения, в настоящее время из практики городских продовольственных органов, исчезла почти совсем, сохранившись в отношении лишь некоторых предметов широкого потребления (мануфактура, обувь) или же, если иногда в городах и применяется при распределении отдельных продуктов или предметов равномерность, то по соображениям не принципиального свойства, а исключительно технического—как например, вследствие неделимости предмета (туалетное мыло, распределяемое кусками—по куску на лицо вне зависимости к какой категории то или иное лицо отнесено).

В полной почти неприкосновенности равномерность, как основной принцип распределения, сохранилась в сельских местностях.

Внешней причиной, обусловившей переход от равномерности, как основного принципа распределения, к справедливости распределения послужило применение так называемого „классового пайка“. Влияние закона о хлебной монополии, также устанавливавшего основным принципом распределения—справедливость, было менее значительным. Не только уездные, но и ряд губернских городов, вплоть до применения „классового пайка“, требование закона о хлебной монополии о выделении лиц, занятых тяжелым физическим трудом в особую категорию и назначении ей усиленного рациона не выполняли. А если и выполняли, то буквально —в отношении одного хлеба, применяя ко всем остальным продуктам принцип лишь равномерности распределения.

Попытки применить разделение на категории, с назначением им различных норм выдачи продуктов и предметов, среди сельского населения (как это было, напр., в начале 1919 г. в Московской губ.) дальше обсуждения проектов не пошли.

Нам, по крайней мере, неизвестна ни одна губерния, в кото-

рой в сельских местностях применялся бы при распределении кроме равномерности и принцип справедливости.

Перейдем к тем требованиям, которые должны быть выполнены для осуществления равномерного распределения.

Сущностью самого понятия равномерности—равной части каждому из участвующих в дележе—определяются и те два элемента, без знания которых невозможно организовать равномерное распределение.

Необходимо знать то количество участников, которое надо обслужить и необходимо знать то количество продуктов или предметов, которые в распределение могут быть пущены.

А то и другое знание возможно лишь при осуществлении одного и того же—учета. Учет как населения (а при распределении фуража—скота), так и запасов продуктов и предметов, является той основой, при наличии которой только и возможно равномерное, т. е. в своем существе организованное, распределение.

Подробное рассмотрение вопросов учета в деле организованного распределения мы сосредоточиваем в специальной главе.

В настоящей же главе мы ограничимся лишь намечением тех главных сторон учета, которые должны найти свое место в условиях существования организованного распределения.

Учет должен предшествовать организованному распределению, прежде чем он будет осуществлен должны быть учтены, как мы говорили выше, рессурсы, находящиеся (и могущие находиться впредь) в распоряжении регулирующих органов и те об'екты, обслужить которые регулирующим органам придется.

И учет должен же сопровождать организованное распределение, так как последнее невозможно без первого.

Мысль „социализм есть учет" выражает именно это положение.

Таким образом, учет, как материальных рессурсов, так и обслуживаемых об'ектов, мыслится двух родов—1) как первоначальный или основной и 2) вслед за тем текущий, отражающий собою все изменения в том, что было зафиксировано в первоначальный момент.

Идеальным положением, при котором принцип равномерности распределения был бы осуществлен полностью, было бы такое, когда весь запас того или иного продукта, об'явленного государством монопольным, был бы взят регулирующими органами на учет и поступил в их полное распоряжение. При осуществлении этого были бы учтены не только так называемые торговые запасы продукта и находящиеся на руках у производителей, но и потребительные, т. е, находящиеся на руках у населения в сравнительно небольших количествах для нужд собственного потребления.

В результате такого учета, главным же образом в результате учета вновь производимых продуктов и правильной и полной передачи их в руки государства, равномерность распределения могла бы быть осуществлена в своей наиболее совершенной форме.

Так обстояло дело с хлебом в Германии, если, конечно, верить сообщениям об этом, основанным на личных впечатлениях отдельных лиц.

В России ничего близко подходящего к нарисованной картине, к сожалению, нет.

Регулирующим органам совсем не удалось осуществить учета потребительских запасов, в малой степени удалось взять на учет и получить в свое распоряжение сельско-хозяйственные продукты, находящиеся на руках у производителей и только почти в полном об'еме были учтены и взяты в распоряжение государства лишь вновь производимые продукты и предметы национализированного крупного промышленного производства и торговые запасы различных продуктов.

Неуспешность учета и получения в руки государства вновь производимых продуктов сельского хозяйства, т. е. главнейших продуктов питания, не позволили регулирующим органам провести более или менее совершенным образом равномерность распределения.

Недостаточность рациона получаемого населением от государства питала собою спекулятивную торговлю, расцвет которой мы наблюдаем. Пользоваться же услугами этой торговли могли, конечно, лица лишь определенной материальной мощности, вне зависимости от каких бы то ни было соображений о равномерности или справедливости использования нелегального рынка.

Но помимо того и сама государственная власть вынуждалась в острые периоды недостатка продуктов отступать от равномерного распределения, допуская, на ряду с государственным снабжением населения продуктами и самоснабжение, также далеке от равномерности (такими мерами были—полуторапудничество в 1918 г., двухпудничество в 1919 г. и ряд других не носивших официального характера мер, допускавших почти беспрепятственный провоз монополизированных продуктов в отдельных районах Республики).

Таким образом равномерность распределения в русских условиях является в настоящее время идеальным положением, в весьма незначительной степени осуществленном практически.

Правильность распределения.

Справедливое и равномерное распределение теряет свое значение, если в самом процессе распределения осуществление их происходит без соблюдения принципа правильности.

Надо не только выработать основания, определяющие права на рацион каждого члена общества и определить размер необходимых выдач им, т.-е. провести справедливость, надо не только вслед за тем определить практические размеры различных рационов, исходя из имеющихся запасов продуктов или предметов и наличия определенного количества населения, осуществив этим равномерность, но надо еще и само распределение, выдачу продуктов и предметов на руки населению организовать так, чтобы право каждого гражданина на рацион было не только декларировано, но и фактически выполнено.

Распределение должно быть организовано правильно, т.-е. так, чтобы с одной стороны распределитель продуктов не имел возможности присвоить себе часть продуктов, предназначенных всему населению и с другой стороны, чтобы каждый потреби-

тель смог осуществить свое право на рацион лишь в пределах, определенных государственной властью, а не в больших размерах, так как это возможно сделать лишь за счет других потребителей, чем нарушится и справедливость и равномерность распределения.

Быстрота распределения.

И, наконец, распределение должно быть организовано так, чтобы получение продуктов происходило наиболее быстро, чтобы оно не отражалось на обычных занятиях населения и не отражалось также самым неблагоприятным образом почти на всех сторонах жизни, как то существует очень часто теперь.

Не надо забывать, что момент быстроты имеет чрезвычайное значение.

Им, в конце-концов, в глазах населения в очень большой своей части определяется достоинство самой системы распределения, т.-е. момент чисто технический может опорочить прекрасную по своим принципиальным качествам систему мер.

Для правильного и быстрого распределения необходимы соответствующие организационные меры, главнейшие из которых— касающиеся карточной системы и распределительного аппарата, мы в дальнейшем и рассматриваем.

Глава II.

Карточная система.

а) Карточная система.—в) Распределительный аппарат.

Типы карточек. Первой страной, в условиях мировой войны вынужденной применить меры по регулированию потребления и ввести карточную систему при распределении продуктов и предметов продовольствия и широкого потребления, была, как известно, Германия. На ее долю выпало выработать те методы распределительной работы, которые затем с течением времени были с теми или иными изменениями применены в других странах — Австро-Венгрии, Швейцарии, Швеции, России и т. д.

В области карточной системы практика германских продовольственных органов выработала, в зависимости от тех или иных оснований распределения, применяемых к отдельным продуктам или предметам, ряд типов карточек.

По данным, относящимся к началу 1916 г., в Германии применялись следующие пять типов карточек:

1. *Распределительная карточка*, дающая право на обязательное получение в определенный период времени заранее определенного же и оговоренного в ней количества продуктов.

2. *Ограничительная карточка*, предоставляющая право на получение продукта в определенный период времени в размере, не превышающем указанного в ней количества, но не возлагающая на продовольственные органы обязательства предоставить продукт хотя бы и в меньшем размере, в случае отсутствия распределяемого по ограничительной карточке на рынке.

3. *Переменная карточка*, не предусматривающая заранее нормы выдачи в ней, а дающая право на приобретение тех или иных продуктов в размерах, определяемых при каждом случае их распределения.

4. *Закупочная карточка*, выдаваемая отдельным категориям населения, особенно нуждающимся в распределяемом продукте.

5. *Преимущественная карточка*, аналогичная закупочной, но с тем отличием от нее, что продукты, распределяемые по преимущественной карточке, являются немонополизированными и по удовлетворении ими лиц, имеющих преимущественные карточки, поступают в свободную продажу всем желающим.

По существу своему перечисленные типы карточек могут быть сгруппированы по целому ряду признаков.

Основной из них—та или иная степень уверенности в возможности и регулярности получения определенного количества продуктов, даваемая различными типами карточек их обладателям.

С этой точки зрения наибольшие гарантии дает „распределительная“ карточка, содержащая в себе указания и на срок, и на размеры выдаваемых по ней количеств тех или иных продуктов. За ней следует „ограничительная“ карточка, гарантирующая срок получения продуктов, но не обезпечивающая получения определенного количества их. Наконец, „переменная“ карточка не гарантирует ни срока получения, ни размеров получения продуктов [1]). Продукты, распределяемые по ней, не могут быть заранее учтены потребителем, а отсюда не могут служить и элементом при построении предварительного питательного, а вместе с тем и денежного (в расходной части) бюджета того или иного хозяйства. Для последней цели безусловно может, или, по крайней мере по своей идее, должна, служить карточка „распределительная“; в виде предположительной величины может служить карточка, „ограничительная“.

Указанными тремя типами карточек исчерпывается разновидность их в пределах названного нами признака.

Другой основной группировочный признак для отдельных типов карточек сводится к различию в контингенте населения, которому карточка выдается.

В пределах этого признака возможны также три разновидности: 1) карточки, выдаваемые всему населению, 2) карточки, выдаваемые части населения, выделяемой из всего населения по строго определенному признаку, и 3) карточки, выдаваемые части населения переменной в своем составе.

Все три перечисленные разновидности карточек образуют так сказать подтипы в пределах каждого из типов карточек, различаемых нами выше по первому признаку.

„Распределительная“ карточка, так же, как и „ограничительная“ и „переменная“, может быть применена при распределении продукта, выдаваемого и всему населению, и отдельным частям его.

Такой разновидностью „распределительной“ карточки является названная нами выше „закупочная“ карточка. Выдается она отдельной группе населения — например, ремесленникам — для получения керосина.

Точно также „преимущественная“ карточка, при помощи которой в Германии распределяется среди детей молоко— разновидность „распределительной“ карточки, но в конкрет-

---

[1]) Хотя бы указания на сроки (или вернее месяцы) получения в ней и содержались Такое указание на срок выдачи, в отличие от указания в ограничительной карточке, есть лишь способ различать один купон от другого и дать возможность более точно определить, по какому именно купону „переменной“ карточки будет выдаваться продукт.

Если продукт будет выдаваться предположим в марте, то выдан он будет по мартовскому купону, если в апреле, то по апрельскому, и т. д. Но нет обязательства выдавать продукт и в марте, и в апреле, как это есть при „ограничительной“ карточке.

ных условиях ее действия она гарантирует получение продукта в определенный срок и в определенном размере не всем лицам, обладающим ею, а лишь той части их, на долю которых хватит имеющегося на рынке продукта. Особенность эта об'ясняется тем, что распределяемые по ней продукты являются немонополизированными и наличие их на рынке в определенном размере, достаточном для удовлетворения всех лиц, имеющих право на продукты, не имеет тех гарантий, которые присущи продуктам монополизированным.

Последние выпускаются на рынок продовольственными органами в определенных и достаточных для удовлетворения всех обладателей карточек размерах (исходя из числа выданных карточек и норм выдачи продуктов); немонополизированные же продукты доставляются на рынок в порядке частной или общественной инициативы, необязанной обеспечивать рынок определенным количеством таких продуктов.

Каковы же должны быть условия для применения карточек различных типов и какие из них наиболее отвечают интересам потребляющего населения?

Основное требование, которое должно удовлетворяться карточной системой распределения, сводится к предоставлению населению возможности вести свое хозяйство, исходя из заранее известного размера выдач различного рода продуктов и предметов.

С этой точки зрения, как мы указывали выше, наиболее удовлетворительной и отвечающей интересам населения является „распределительная“ карточка с заранее фиксированным сроком и размером выдачи распределяемых по ней продуктов и предметов.

Непременным условием ее применения является точный учет имеющихся в распоряжении продовольственных органов количеств продуктов, или предметов, учет времени, на которое эти продукты, или предметы, должны хватить, и учет населения, которое этими продуктами должно быть удовлетворено. От деления количества продукта на единицы времени, а затем деления полученного частного на число снабжаемого населения получается та твердая норма, которая может быть дана населению по „распределительной“ карточке на определенный срок времени.

„Распределительная“ карточка применялась в Германии к хлебным продуктам. У нас, в России, „распределительная“ карточка получила незначительное распространение до революции в применении к сахару, а после революции в отдельных местах— к хлебу, мясу, сахару, крупам и некоторым другим продуктам продовольствия, предназначаемым к распределению между всем населением. Невозможность определить на более или менее продолжительный срок времени размеры поступлений продуктов для нужд потребления вынудила продовольственные органы почти повсеместно отказаться от пользования „распределительными“ карточками и перейти к более эластичным „переменным“ карточкам, не связывающим продовольственные органы ни заранее об'явленным сроком выдачи продуктов, ни размером этих выдач.

Также пришлось отказаться от применения „распределительных“ карточек и перейти к „переменным“ и при распределении продуктов и предметов, выдаваемых отдельным группам

населения с определенным составом, как, например, лицам, занятым физическим трудом, на их дополнительный рацион, или детям на их специальные детские рационы.

Более пригодными оказались „распределительные“ карточки в применении к предметам массового потребления, распределяемым между отдельными группами населения с переменным составом.

Почти все карточки на предметы широкого потребления— ткани, белья, одежды, обувь, галоши и т. д.—носят в большинстве случаев характер „распределительных“ карточек. Каждая из выпускаемых в обращение карточек на перечисленные предметы содержит в себе указание на размер получаемого по ней. Срок же, на который выдается материал или предмет, оговаривается далеко не во всех случаях, чем создается некоторое отличие такого рода карточек от карточек „распределительных“ в их чистом виде.

„Ограничительные“ карточки применялись в России отдельными продовольственными органами до революции при распределении сахара, а после революции, насколько нам известно. карточки ограничительного типа, примененные в начале к хлебу или муке и оказавшиеся так же, как и „распределительные“ карточки, не отвечающими условиям снабжения, были постепенно уничтожены и заменены „переменными“ карточками.

Наиболее распространенными и в настоящее время применяемыми почти повсеместно при распределении всех продовольственных продуктов, и отчасти продуктов и предметов широкого потребления, являются карточки „переменные“. Особенность их, как указывалось выше, сводится к тому, что ими не обеспечивается ни сроки выдач продуктов и предметов, ни их размеры.

При этом по отношению к распределяемым по ним продуктам и предметам „переменные“ карточки могут быть или „именованными“, или безымянными [1]). Именованная карточка, или отдельные именованные купоны смешанной карточки, содержит название тех продуктов или предметов, которые при посредстве такой карточки или купонов будут распределяться. В этом случае продовольственный орган, не беря на себя заранее перед населением никаких обязательств о размерах выдач и их сроках, все же как будто обязуется в те или иные сроки, в тех или иных размерах выдать населению перечисленные в карточке, или карточках, продукты и предметы.

Углубление продовольственного кризиса, невозможность в сколько нибудь значительных количествах заготовить ряд продуктов (сахар, мясо, крупы, чай, кофе, яйца и т. д.), а отсюда и распределить их между населением, случайность в поступлении многих продуктов, выдвинули идею о „безымянной“ карточке— содержащей в себе лишь ряд купонов с порядковыми нумерами, но без всякого указания как на средней части карточки, так и

[1]) Технически при выпуске в обращение карточек не на каждый отдельный продукт или предмет, а на ряд их, одна и та же карточка может быть в одной своей части с купонами на определенные продукты „именованной“, а в другой своей части с купонами на иные продукты „безымянной“. В таком случае всю карточку в целом придется назвать „смешанной“, а понятия „именованности“ и „безымянности“ относить к ее отдельным купонам.

на отдельных талонах на род продуктов и предметов, подлежащих выдаче по ним. При случаях распределения по этому об'является название распределяемого № купона, по которому выдача будет производиться, ее размер и срок.

„Безымянная“ „переменная“ карточка представляет наибольшие удобства для продовольственных органов, как освобождающая их от каких бы то ни было конкретных, заранее данных населению обязательств.

Для населения положительное значение безымянных карточек сводится исключительно к психологии—карточка не дает надежд на получение таких продуктов, которые фактически выданы не будут. В условиях голодного существования этот психологический факт имеет определенное политическое значение, устраняя излишний повод к недовольству со стороны населения.

„Безымянные“ карточки применяются в очень большем количестве местностей России при распределении почти всех продуктов и предметов (кроме хлеба), подлежащих выдаче всему населению, или группам его с определенным составом (дополнительные рационы рабочим, детям и т. п,).

„Именованные“ карточки, или „именованные“ купоны в „смешанных“ карточках, остались почти повсеместно для хлеба и той части продуктов и предметов, выдача которых обеспечена соответствующими запасами (керосин, табак, спички).

В очень многих местностях России при применении именованных „переменных“ карточек, или именованных купонов, вместе с безымянными в одной и той же „переменной“ карточке расчитаны и сроки выдачи продуктов по отдельным купонам.

Указание срока выдач существует почти во всех карточках (и почти для всех продуктов) действующих в сельских местностях. То же самое наблюдается и в целом ряде провинциальных городов. Конечно, и в сельских местностях, и в городах, применяющих подобное указание на срок выдач, фактически эти сроки удается выполнить очень редко. Под влиянием этой невозможности наиболее крупные города России—Петроград и Москва—и все увеличивающееся число провинциальных городов переходят к карточкам с полным отсутствием указаний на сроки выдач. В Москве указание на срок выдач сохранялось лишь в хлебной карточке, а в Петрограде все карточки, в том числе и хлебные, выдаются без всяких указаний на сроки выдач продуктов и предметов по отдельным купонам.

Таким образом получающий все большее распространение тип карточек, снимая с продовольственных органов всякое наперед даваемое населению обязательство, ставит население в положение, при котором оно лишено всякой возможности наперед построить свой питательный бюджет.

Конечно, в такое положение население ставится самим существом переживаемого нами продовольственного кризиса, к условиям которого и приспособлены только что описанные нами карточки.

Поэтому „переменные безымянные“ и в силу этого без указания срока выдач карточки в современных условиях приходится признать наиболее приемлемыми.

По данным о 15 столичных и губернских городах, данным, относящимся к концу 1918 г., можно составить следующее представление о типах карточек, применяемых в настоящее время в России [1]).

При распределении всех без исключения продуктов продовольствия и большинства продуктов и предметов широкого потребления, кроме распределяемых между группами населения с переменным составом (мануфактура, обувь, галоши), применяются исключительно „переменные" карточки.

Хлеб во всех городах распределяется по специальным именованным карточкам. Прочие продукты продовольствия и, как указано выше, большинство продуктов и предметов широкого потребления в 4 городах распределяются по „именованным" купонам и в 11 городах по „безымянным" купонам.

Срок выдачи продуктов и предметов оговаривается на купонах лишь в 1 городе, а в остальных 14 городах указания на сроки выдач в карточках отсутствуют совершенно.

Виды карточек. Под видами карточек, вне зависимости от их типов, мы понимаем те отдельные карточки, которые выпускаются продовольственными органами для распределения различного рода продуктов и предметов.

Карточки возможно выпускать на каждый из распределяемых продуктов и предметов в отдельности, или выпускать одну карточку сразу на ряд продуктов или предметов.

В Германии вначале применения карточной системы, пока еще отсутствовал опыт в этом деле, выпускались карточки на каждый отдельный продукт и предмет. С умножением числа продуктов и предметов, распределяемых по карточкам, соответственно увеличивалось и количество карточек, доходя в отдельных случаях до 9 для каждого лица [2]).

В России, пользовавшейся опытом Германии, подобные случаи нам неизвестны, но и в ней в некоторых городах короткое время принялись карточки на каждый из распределяемых продуктов и предметов.

Неудобство нахождения в обращении большого числа карточек привело к об'единению в одной карточке целого ряда отдельных продуктов и предметов, отводя каждому из них в такой сборной карточке определенное число купонов.

С применением описанных выше „переменных безымянных" карточек, с об'единением выдач различных продуктов и предметов по купонам одной и той же карточки, отпал сам вопрос о связи между числом распределяемых продуктов и предметов и возможным числом карточек. Число находящихся в обращении карточек стало определяться не числом распределяемых продуктов и предметов, а числом групп населения, между которыми предполагалось распределять продукты или предметы в различных размерах для каждой из групп. Каждая группа населения, вы-

[1]) Вот перечень этих городов—Петроград, Москва, Саратов, Пенза, Калуга, Казань, Петрозаводск, Тула, В. Устюг, Вятка, Курск, Рязань, Тамбов, Смоленск и Иваново-Вознесенск.

[2]) См. „Изв. Вс. Сов. по Прод.", № 23—24, стр. 111.

деляемая из его общей массы, с целью выдачи ей только одной специального рациона, порождала необходимость выпускать в обращение и специальную карточку.

Так, помимо основной карточки, выдаваемой всему населению, при выделении в особые группы лиц, занятых физическим трудом, или детей различных возрастных групп, выпускались и особые карточки.

Исключением, по мотивам выпуска специальной карточки, является создание отдельной от общепродовольственной карточки карточки хлебной.

Мотивом для такого отделения были соображения о неудобстве соединения хлеба—продукта, выдаваемого обычно регулярно, в определенные сроки из определенного же распределительного пункта—с прочими продуктами, выдаваемыми в неопределенные сроки и из различных распределительных пунктов.

В настоящее время в отдельных местностях России находятся в обращении следующие виды карточек:

В Петрограде, являющемся городом с наиболее развитой карточной системой, в январе 1919 г. насчитывалось 33 вида карточек для людского населения и 5 видов карточек для скота.

Вот их список:

Для людского населения 1—3 хлебная для населения от 12 лет и старше—1, 2 и 3 категорий.

4 хлебная для детей до 1 г.
5 „ „ „ „ 1—5 лет.
6 „ „ [1] „ „ 5—12 лет.

7—9 продуктовая для населения от 12 лет и старше, 1, 2 и 3 категорий.

10 продуктовая для населения от 1—5 лет.
11 „ „ „ „ 5—12 лет.
12 молочная для детей до 1 года.
13 „ „ больных—1 очереди.
14 „ „ „ 2 очереди.
15 мыльная для всего населения
16 „ „ детей до 12 лет.
17 керосиновая для лиц, пользующихся электр.
18 „ „ „ не пользующихся элекрич.
19 табачная.
20 хлопчато-бумажная и льняная для взр. мужч.
21 „ „ „ „ „ женщин.
22 „ „ „ „ детей
23 шерстяная для взрослых мужчин.
24 „ „ „ женщин.
25 „ „ детей.
26 обувная для взрослых мужчин
27 „ „ „ женщин
28 обувная для мальчиков от 9—15 лет.
29 „ „ девочек от 9—15 лет.
30 „ „ детей до 9 лет.

---

[1]) Кроме того для лиц, пользующихся общественными столовыми выпущены специальные карточки—столовые и продуктовые, выдаваемые взамен продуктовой карточки обычного вида.

31 галошная для взрослых мужчин
32 „ „ „ женщин
33 „ „ детей.

Для скота:

1 фуражная для ломовых лошадей.
2 „ „ легковых лошадей.
3 „ „ крупного рогатого скота
4 „ „ мелкого рогатого скота
5 „ „ свиней.

В Москве видов карточек меньше. В ней отсутствуют совершенно „молочные“ карточки. В виду однородных норм для мыла, выдаваемого по купонам „продовольственной“ карточки, нет также специальных мыльных карточек. „Обувных“ карточек вместо пяти видов лишь три (для детей и взрослых мужчин и женщин).

В городах провинции число видов карточек зависит от того— введен ли при распределении так называемый „классовый паек“, или нет.

Если „классовый паек“ не введен, то число видов карточек сводится к двум основным, применяемым во всех городах, имеющих карточную систему,—хлебной и продуктовой и третьей, имеющейся или имевшейся до применения „классового пайка“ в большинстве городов—дополнительной для лиц, занятых тяжелым физическим трудом.

Эти две или три карточки в отдельных городах дополняются теми или иными видами карточек на предметы первой необходимости—керосиновой, мануфактурными (разных видов), обувными и галошными.

В части городов на предметы первой необходимости карточки отсутствуют (или отсутствовали до самого последнего времени), и предметы эти продавались по ордерам, выдаваемым продовольственными органами в каждом отдельно случае [1]).

Как мы указывали выше, выделение каких-либо категорий населения (кроме занятых физическим трудом) в особые группы, с назначением им усиленных рационов, почти нигде в провинции не применялось вплоть до введения „классового пайка“ и распоряжения центральной государственной власти об обязательном выделении в особые группы детей, почему среди видов карточек, существовавших в большинстве провинциальных городов, совершенно отсутствовали детские карточки.

Что касается сельских местностей, то имеющийся в нашем распоряжении материал дает представление лишь о карточной системе на продукты продовольствия и некоторые продукты первой необходимости (керосин, спички). О способах распределения прочих предметов первой необходимости (мануфактура, обувь и т. п.) сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят или о полном отсутствии распределения подобных предметов (в губерниях, где нет товарообмена), или о единичном, чисто случайном распределении, производимом без применения карточной си-

---

[1]) Сведения наши, повторяем, относятся к концу 1918 и самому началу 1919 года.

стемы, при посредстве кооперативов, по принципу уравнительного распределения, беря за основу распределения „душу“ населения или „двор-хозяйство“.

Для распределения продуктов продовольствия и некоторых продуктов первой необходимости обычно выпускается одна продовольственная книжка (в отличие от карточек, применяемых в городах), содержащая в себе страницы с купонами на определенные продукты и страницы с купонами на заранее неназванные продукты. Выпуск в сельских местностях каких-либо дополнительных карточек нам неизвестен.

Условия, которым должны удовлетворять карточки.

Права, даваемые карточками. Каждая карточка, выпускаемая в обращение, должна содержать в себе указание на размер тех прав, которые предоставляются ее обладателю. Такое указание может отсутствовать лишь в том случае, если на территории определенного продовольственного органа находится в обращении карточка одного вида, дающая всему населению права на одинаковую долю в распределяемых продуктах и предметах, другими словами—если при распределении проводится лишь принцип равномерности и отсутствует принцип справедливости распределения.

На практике различными продовольственными органами определение прав, даваемых отдельными видами карточек, осуществляется следующими способами:

а) печатанием на средней части однообразных по своему внешнему виду карточек и на каждом купоне названия вида карточки („основная“, „дополнительная“, „детская“, или при „классовом пайке“—„1 я кат.“, „2 я кат.“ и т. д.);

б) печатанием карточек различных видов на бумаге различных цветов, или на бумаге одного цвета, но различными красками; пометка о виде карточек в таком случае отсутствует или делается лишь в средней части карточки, а иногда, кроме того, и на отдельных купонах;

в) проставлением вида карточки на карточках совершенно одинакового образца от руки—в средней части и на отдельных купонах, или только в средней части.

Из всех этих способов поставленный нами под литерой „в“ должен быть отвергнут безоговорочно, как явно несовершенный и допускающий самый широкий простор для злоупотреблений и со стороны потребителей, и со стороны распределителей, а в случаях, когда пометка о виде карточки ставится лишь в средней части ее, и лишающий возможности организовать какой бы то ни было контроль за работой распределительных пунктов.

Более совершенен, но также мало удовлетворителен первый способ.

Им хотя и предусматривается указание на вид карточек, но достижение этого при помощи отметки о виде на карточках однообразной внешности мало индивидуализирует карточки именно с внешней стороны. Отсутствие же такой индивидуализации осложняет работу и распределителя, и, главным образом, работу по подсчету и контролю купонов.

Механизировать работу, сделать ее требующей наименьшей затраты внимания и труда позволяет лишь способ, помещенный под литерой „б“, при чем печатание карточек различных видов на бумаге разных цветов позволяет достигнуть этого в максимальной степени; печатание различными красками—в степени несколько меньшей.

Механизируется и ускоряется при подобном способе печатания карточек прежде всего работа распределителей. Зрительная память быстро осваивается с цветами, присущими каждому виду карточек, почему требуется меньшее время для определения количества, подлежащего отпуску по той или иной карточке.

Но главные преимущества и наиболее существенная экономия труда получается при применении этого способа при подсчете и контроле купонов.

Если карточки напечатаны на бумаге одинакового цвета и одной и той же краской, то определить правильность раскладки отдельных купонов в пачке по видам карточек возможно лишь путем пересмотра всех купонов в процессе их счета, т. е. внимание счетчика должно идти в трех направлениях: он должен считать число купонов, проверять правильность раскладки и определять подлинность купона.

При печатании карточек на бумаге разных цветов, или разными красками, правильность раскладки определяется почти без всякой затраты специального внимания, подсчет купонов в значительной степени механизируется.

Порционность карточек. В целях удешевления расходов по печатанию карточек, ускорению процесса распределения и подсчета купонов, число карточек одного и того же вида, находящееся на руках у населения, должно быть сокращено до возможного.

Такое сокращение достигается заменой индивидуальных карточек карточками групповыми, выдаваемыми сразу на несколько лиц, обладающих правами на карточки одного и того же рациона и связанных между собою общностью ведомого ими хозяйства (семья, интернат и т. п.).

Применение групповых карточек возможно лишь для тех из них, которые выдаются или всему населению, или отдельным группам его, с определенным составом. В тех случаях, когда карточки выдаются группам населения переменного состава (карточки мануфактурные, обувные, галошные и т. п.), применение групповых карточек по самому существу дела является невозможным.

До введения „классового пайка“ групповые карточки применялись почти повсеместно. Наиболее употребительными были карточки в 1, 2, 3 и 5-й порций.

Благодаря многопорционным карточкам общее число их, по сравнению с числом жителей или индивидуальных карточек, сокращалось, приблизительно, в два раза.

При выпуске в обращение многопорционных карточек, предназначенных для городов, нет обычно стремления, чтобы каждая хозяйственная совокупность имела лишь одну карточку, соответствующую числу лиц данной хозяйственной совокупности.

Наоборот, в некоторых местностях даже прямо рекомендуется каждой семье брать не одну, а несколько разнопорционных карточек, чтобы в случае от‘езда кого либо из членов семьи и сдачи карточки уезжающего обратно в продовольственный орган не приходилось разменивать одну крупнопорционную карточку на малопорционные.

Иное мы наблюдаем в сельских местностях. Здесь приходится распределять иногда такие продукты и предметы, которые должны распределяться в равном количестве между отдельными дворами или хозяйствами, не считаясь с числом лиц, образующих этот двор или хозяйство. В силу такой необходимости приходится создавать по аналогии с городами также групповую, или, вернее, семейно-хозяйственную карточку (книжку). Отличие ее от городской групповой карточки заключается в том, что порционность такой карточки-книжки обязательно должна соответствовать числу лиц, составляющих каждое отдельное хозяйство, чтобы книжка соответствовала хозяйству и могла служить единицей распределения для продуктов и предметов, выдаваемых по расчету на хозяйство.

Разнообразие в количественном составе отдельных хозяйств привело к тому, что ряд продовольственных органов—губернских и уездных, ведающих делом распределения в сельских местностях, выпускают книжки без обозначения их порционности, возлагая выполнение этой задачи на органы, выдающие книжки населению. Последние проставляют число членов хозяйства чернилами или карандашом. При этом лишь в части местностей указание на порционность должно проставляться не только на внутренней стороне первого листа книжки (отведенного для помещения данных справочного характера, но и на всех купонах, в ряде же мест число порций, представляемых книжкой, помещается лишь в справочной части книжки и отсутствует на отдельных купонах.

В последнем случае уничтожается всякая возможность формального контроля и учета распределительных пунктов, а в первом (при проставлении на купонах числа порций от руки) возможность правильно поставить контроль и учет распределительных пунктов парализуется легкостью исправления и подделки чернильных или карандашных, делаемых от руки отметок

Нарушение прав потребителей, могущее иметь место благодаря несовершенству карточной системы, в значительной степени становится фактически мало возможным в силу специфических условий быта русской деревни.

Общинные порядки приучили сельское население замечательно точно делить „миром“ землю, деньги, продукты в годы неурожаев и т. д., и делить на началах уравнительности, доходящей в своей точности для постороннего наблюдателя подчас до смешного.

Зная количество продуктов, или предметов, назначеных к распределению в определенном населенном пункте, населению этого пункта ничего не стоит вычислить размер выдачи на душу населения или на хозяйство (расчеты же подобного рода в деревне производить умеют).

При близком же взаимном знании семейного состава отдельных домохозяев почти невозможно кому-либо из них путем подделки пометки в книжке получить большее количество продуктов, чем то причитается по праву.

Распределение продуктов и предметов через кооперативы, применяемое в большинстве сельских местностей России, в еще большей степени облегчает подобный контроль правильности распределения, причем, конечно, контроль этот является таковым лишь по существу, а не формально.

При наличии описанных нами бытовых условий возможно еще согласиться с фактическим уничтожением формального учета и контроля распределительных пунктов, обслуживающих сельские местности. Но лишь при их наличии, в противном случае отсутствие надлежащих гарантий в деле учета и контроля распределительных пунктов будет обстоятельством, провоцирующим распределителей на совершение злоупотреблений за счет потребителей.

Введение „классового пайка" в корне изменило вопрос о порционности карточек.

С применением почти повсеместно „классового пайка" и разделения населения на 3 или 4 категории, были уничтожены многопорционные и введены индивидуальные карточки. Отказ от многопорционных и переход к индивидуальным карточкам, был вызван, в виду отсутствия соответствующих статистических данных, опасением слишком большой дифференциации населения в пределах каждой хозяйственной совокупности по признаку принадлежности отдельных членов таковой к различным категориям, устанавливаемым „классовым пайком".

Надо полагать, что в дальнейшем, с накоплением эмпирических данных о том, что и при разделении всего населения на 3 или 4 категории в пределах отдельных хозяйственных совокупностей имеются группы лиц, принадлежащих к одной и той же категории, групповые карточки будут применены вновь, как это было сделано в Москве уже с момента введения „классового пайка".

До сих пор мы говорили о групповых многопорционных карточках, об'единяющих группу лиц, располагающих одними и теми же правами по размерам полагающегося им рациона. Но в практике отдельных продовольственных органов имеется и другой тип групповой карточки, охватывающий хозяйственную совокупность лиц, хотя бы и принадлежащих к различным категориям по размерам установленного рациона. Для того, чтобы определить количество продукта или предмета, подлежащего выдаче по такой карточке, при выдаче ее в средней части, в отведенном для этого месте, ставится пометка о числе лиц, принадлежащих к каждой категории и о количестве подлежащего отпуску по ней, исходя из установленных норм выдачи. На купонах повторяется или отметка о распределении лиц по категориям, или отметка о подлежащем к отпуску количестве продукта.

Насколько целесообразна групповая карточка первого типа, настолько же нецелесообразна и просто вредна карточка последнего типа. Ею нарушаются все те требования, которые к кар-

точке должны пред'являться. Бесконечное разнообразие в сочетаниях лиц, принадлежащих к различным категориям и образующих хозяйственные совокупности, настолько индивидуализирует и карточку, и ее отдельные купоны, что уничтожается всякая возможность механического отношения к ним. От этого процесс распределения должен безусловно замедляться, а возможность учета и контроля распределительных пунктов на основании представляемых ими купонов становится фактически почти неосуществимой. Трудно осуществим учет, когда приходится подсчитывать лишь количество купонов, представляющих то или ино число порций. Что же надо сказать об учете, при котором необходимо путем сложения получать количество выданного продукта или подсчитывать количество лиц различных категорий значащихся в отдельных купонах. Ясно, что фактически такого рода учет осуществить просто невозможно, не говоря уже о том просторе для злоупотреблений, который открывается благодаря обозначению прав, даваемых карточкой рукописным способом.

С точки зрения правильно поставленной карточной системы групповая карточка описанного типа должна быть признана явно неприемлемой.

Нумерация карточек. Для индивидуализации карточек, облегчения учета и затруднения подделки их прибегают к проставлению на каждой карточке порядкового №.

В большинстве местностей (особенно городах) № карточки проставляется в средней части ее. Но есть и такие местности (их много среди сельских местностей), где порядковый № карточки проставляется и на каждом отдельном купоне. Причем как нумер в средней части карточки, так и №№ на купонах ставятся или механически (нумератором), или рукописным способом. Последний способ часто применяется при нумеровании купонов.

Нам уже приходилось указывать, что проставление на карточках каких-либо пометок рукописным способом, если они к тому же направлены на борьбу с злоупотреблениями, или если основываясь на них определяется количество продуктов и предметов, подлежащих отпуску, не только не достигает своей цели, но и является прямо вредным. Вред, проистекающий от рукописных пометок сводится к тому что факт помещения пометки на карточке должен что-то гарантировать, от чего-то предохранить. Так по крайней мере предполагается. В действительности же легкость подделки и исправления рукописной пометки есть лучшая гарантия совершить почти безнаказанно то преступление, предохраниться от которого подобной пометкой желают. Вместо организации действительных мер борьбы с возможными злоупотреблениями, силы и средства тратятся на действия, явно нецелесообразные.

В одной из губерний, в которой практикуется нумерация рукописным способом (и средней части карточки, и отдельных купонов), насчитывается в обращении 330 000 продовольственных книжек с 62 купонами каждая. Всего таким образом требуется проставить 330,000 №№ в средней части карточки и 20460000 №№ на отдельных купонах, на что при довольно высокой тейлори-

зации труда необходим минимум (по 3 секунды на №) 62,370,000 секунд, или 2900 рабочих дней, а по стоимости (при плате в 350 р. в месяц)—около 40,000 р.

Фактически тейлоризацию труда провести вряд ли удастся, почему расход труда и средств значительно увеличится—до 80—100 тысяч рублей.

Но и помимо громадных расходов, та цель, ради которой совершается вся эта грандиозная работа—в части нумерации отдельных купонов, не может быть в действительности ею разрешена.

Предполагается, что нумерация купонов должна быть одним из условий поставленного учета распределения продуктов и предметов. И даже больше. Когда при учете приходится иметь дело с купоном от карточки, выданной на хозяйство (с различным числом лиц) и не содержащим в себе указания на число лиц, им представляемых, то нумер, стоящий на купоне, является единственным показателем, дающим возможность определить количество отпущенного по данному купону.

В дальнейшем, в главе, посвященной различных способам учета, мы рассмотрим подробно эту систему учета. Поэтому здесь, при рассмотрении вопроса о нумерации карточек, ограничимся лишь общим выводом.

Нумерация карточек (в средней части) необходима. Крайне желательно эту нумерацию производить механически. Что же касается нумерации отдельных купонов, то, несмотря на все те широкие возможности, которые благодаря ей теоретически пред нами открываются, но практически являются неосуществимыми, надо признать нумерацию отдельных купонов, тем паче производимую рукописным способом, явно нецелесообразной и не оправдывающей вызываемых ею затрат труда и средств.

Внешний вид карточек. Внешний вид карточек должен в возможно большей степени затруднять их подделку. С этой точки зрения все карточки, применяемыя в России, за единичными исключениями, оставляют желать много лучшего.

В большинстве случаев карточки (или книжки) печатаются на ходовых сортах бумаги, обыкновенным типографским шрифтом и одноцветною краскою.

Гарантией от подделки принято считать—номер карточки (в тех даже случаях когда он проставляется рукописным способом), печать продовольственного органа и факсимиле лиц, стоящих во главе продовольственного дела данной местности (иногда даже не факсимиле, а фамилии, напечатанные типографским шрифтом).

Конечно, перечисленных гарантий далеко не достаточно, чтобы действительно затруднить подделку карточек.

Сильно затрудняющим массовую подделку является печатание карточек литографским способом или типографским, но не с набора, а с клише, с изображением на карточках и отдельных купонах, помимо необходимого текста, различных сильно стилизованных и индивидуализированных рисунков, как это делается, например, в Москве, Петрограде и Витебске.

Второе требование, которое необходимо пред'явить к внешнему виду карточек, сводится к необходимой экономии средств, и, в условиях переживаемого кризиса, бумаги при выработке того или иного образца карточек.

Стремление некоторых продовольственных органов с'экономить бумагу путем уменьшения размеров купонов надо считать способом экономии, явно вредной для всей системы распределения, так как чем меньше по своим размерам купоны, тем труднее их при учете распределительных пунктов проверить, тем, значит, труднее правильно организовать и самый учет.

В этом отношении карточки г. Москвы должны быть признаны значительно лучшими, чем карточки применяемые в Петрограде.

Мы, с своей стороны, полагаем, что и удешевление печатания карточек, и сокращение расхода бумаги может быть достигнуто во всероссийском масштабе при помощи двух мер—отказа от придания карточкам формы книжек и уничтожения целого ряда фактически лишних купонов, путем перехода к „переменным без'имянным“ карточкам, одинаково применимым как в городах, так и в сельских местностях.

Срок действия отдельных карточек.

Важное значение для осуществления правильного распределения имеет вопрос о том сроке, на который выпускаются отдельные карточки.

В практике отдельных продовольственных органов можно наблюдать самый различный срок действия отдельных карточек (от одного месяца и до одного года, с промежуточными сроками в два, три, четыре и шесть месяцев), причем, в общем, более короткие сроки применяются в городах, а более длинные—в сельских местностях. Наиболее типичными сроками являются—один месяц для городов и 12 месяцев для сельских местностей. По данным о тех 15 городах, список которых нами указан выше, срок действия карточек установлен—

1 мес.	в 6	городах.
2 „	„ 4	„
3 „	„ 2	„
4 „	„ 2	„
неопредел.	1	„

Какой же срок может быть признан наиболее целесообразным?

Технически карточки с более долгим сроком действия имеют значительные преимущества: легче напечатать, пронумеровать и проштемпелевать карточки, предположим, раз в три месяца, чем делать это ежемесячно. То же самое и в отношении раздачи карточек населению, представляющей большую и сложную работу. Вообще, чем длиннее срок действия карточек, тем меньшей затраты труда требуется на проведение их в жизнь.

Но большая продолжительность срока действия карточек имеет и свои минусы. Минусы настолько значительные, особенно в условиях применения такого рода карточек в городах, что не-

обходимо при известных условиях отказаться от всех выгод, даваемых карточками с продолжительным сроком действия, и заменить их карточками краткосрочными—месячными и двухмесячными.

Решающее значение при выборе срока действий карточек должна иметь та или иная степень успешности работы органов, ведающих учетом населения, особенно его текущих изменений, и связанная с этим учетом успешность работы по учету карточек, находящихся на руках у населения.

Если бы население каждой данной местности не изменялось не только в своем общем числе, но и в персональном составе, то вопрос о сроке действия карточек не имел бы никакой внутренней связи с вопросом учета населения и карточек. Но фактически население, главным образом в городах, беспрерывно и в значительной степени изменяется—очень часто количественно и всегда персонально: одна часть населения уезжает и умирает, другая часть приезжает и рождается, третья меняет место жительства в пределах одного и того же населенного пункта и лишь та или иная часть населения остается более или менее продолжительное время на одном и том же месте.

При правильной постановке дела учета населения и учета находящихся у него карточек, каждый уезжающий и близкие каждого умирающего должны были бы, регистрируя факт убыли таких лиц, сдавать продовольственному органу принадлежавшие им карточки. Наоборот, каждый приезжающий и вновь появляющийся на свет должны быть также зарегистрированы и снабжены причитающимися им карточками. На практике, к сожалению, без промедления производится лишь регистрация прибывающего населения—как выгодная последнему, в связи с получением карточек, и всячески оттягивается момент регистрации бывшего населения—с целью воспользоваться продуктами по оставшимся после них карточкам. Обычно момент регистрации убывшего населения приурочивается к концу срока действия карточек, по полном их использовании.

Поэтому, чем чаще возобновляются карточки, чем меньше срок их действия, тем меньше оставляется простора для неправильного получения продуктов по карточкам убывшего населения.

Насколько серьезное значение имеет срок действия карточек в деле экономии продуктов, видно из следующих данных по Петрограду и Москве:

Петроград

Было карточек на руках у населения на 31-ое июля 1918 г.—1,526,498.

Выдано при раздаче карточек на 1 августа 1918 г.—1,407,819.

Уменьшение на 118,579, или 8,4%

Было карточек на руках у населения на 31 августа 1918 г.—1,382,747.

Выдано при раздаче карточек на 1 сентября 1918 г.—1,216,803.

Уменьшение 105,944, или 13,6%.

Москва.

Было карточек на руках у населения на 30 апреля 1918 г.— 2,212 683.

Выдано при новой раздаче карточек 1 мая 1918 г.—1,954,118.

Уменьшение на 258,555, или 13,2%.

Было карточек на руках у населения на 31 августа 1918 г.— 1,929,808.

Выдано при новой раздаче карточек—на 1 сентября 1918 г.— 1,435,879.

Уменьшение на 493,929, или 34,4%.

Было карточек на руках у населения на 31 декабря 1918 г.— 1.711 146.

Выдано при новой раздаче карточек на 1 января 1919 г.— 1.415,859.

Уменьшение на 295,287, или 20,8%.

Таким образом экономное расходование продуктов и предметов диктуют необходимость применения карточек с наиболее кратким сроком действия.

И чем интенсивнее происходит движение населения, тем срок должен быть короче.

Хорошо поставленная регистрация всех изменений, происходящих в количественном и персональном составе населения, с налаженным аппаратом для из'ятия карточек выбывающего населения, позволяет соответственно увеличить срок действия карточек.

Необходимо отметить и осудить тенденцию некоторых продовольственных органов позволяющих технически, в связи с применением „переменных безымянных" карточек, при наличии в них 30—40 купонов, распределять продукты и предметы по ним более или менее продолжительное время, удлинять срок действия карточек, не располагая соответствующими аппаратами для регистрации и из'ятия карточек выбывающего населения.

Район действия карточек.

Теоретически карточка может иметь район действия, т. е. давать право на получение продукта в пределах от самых широких—на пространстве всего государства (что можно наблюдать в Германии и в ее отдельных государствах) и самых узких— до губернии или округа, уезда, волости и даже отдельного населенного пункта. Но и отдельный населенный пункт—еще не минимальный предел ограничения района действия карточки. На территории отдельного пункта карточка может давать право на приобретение продуктов или предметов лишь в его определенном районе (так называемое прикрепление населения к районам) или даже—в конечном результате ограничения районе действия карточки—получение продукта или предмета по отдельным карточкам может быть приурочено к определенному распределительному пункту (прикрепление населения к лавкам).

В России, как общее правило, существует положение, что район действия карточки не может выходить за пределы того

населенного пункта, где данная карточка была выдана. В различных же населенных пунктах район действия карточек бывает всевозможных видов, т.-е. и территория пункта в целом, и отдельные районы пункта, и лишь определенные распределительные лавки. Какого либо однообразия в практике продовольственных органов, предоставленных в выборе технических приемов распределительного процесса своему собственному разумению, не наблюдается.

Обратим теперь наше внимание на вопрос о том, какими соображениями должна обусловливаться та или иная величина района действия карточек, в чем заключается связь между той или иной величиной района действия карточек и правильно организованным распределительным процессом и каковы наиболее целесообразные территориальные пределы действия отдельных карточек.

Возьмем для примера город, в котором по каждой карточке можно получить продукты и предметы в любом из распределительных пунктов, расположенных на территории данного города, т.-е. возьмем положение, существовавшее почти повсеместно в России в первый период распределения по карточкам и существующее и поныне в целом ряде городов.

Какие взаимоотношения устанавливаются при подобном положении между двумя элементами, участвующими в распределении—распределительным аппаратом продовольственных органов, имеющих продукты, и потребителями, обладающими карточками для получения этих продуктов.

Распределительный аппарат не знает (а если и знает, то грубо приближенно), какое количество карточек будет предъявлено в тот или иной распределительный пункт, почему отдельные пункты должны им снабжаться наугад, а потребитель, подходя к распределительному пункту и становясь в очередь (а очередь при таком порядке, как увидим ниже, неизбежна), совершенно не знает, хватит ли продукта на его долю, или же имеющиеся запасы будут отпущены стоящим до него, и он напрасно потратит время на ожидание и может быть упустит благодаря этому возможность получить продукт в другом пункте.

Вот эта-то неуверенность и создает психологическую основу, почти всегда подтверждаемую повседневными фактами, для образования бесконечных „хвостов“ у распределительных пунктов, вызывает стремление занять в „хвосте“ место поближе к его началу, гонит потребителя в очередь перед лавкой с раннего утра (а бывали и бывают случаи, что и с позднего вечера), обращает процесс распределения в общественное бедствие.

В целях борьбы с „очередями“ у распределительных пунктов в ряде городов было проведено прикрепление карточек к определенным районам (по месту жительства, месту службы и т. п.). Таким путем получалась возможность ввести в распределение зачатки планомерности—направлять хотя бы в отдельные районы города продукты не наугад, а в размерах, соответствующих числу карточек, прикрепленных в каждый из районов. Потребитель благодаря этому получил некоторую весьма незначительную уверенность в том, что в таком-то районе на его долю продукта как будто хватить должно.

В результате прикрепления карточек к определенным районам очереди уменьшились, но далеко не уничтожились, т. к. часть населения по-прежнему причитающихся продуктов получать не могла.

Об'яснение невозможности для всего населения получить продукты, а отсюда— и сохранение очередей, надо искать в той неопределенной, количественно и персонально клиентуре отдельных распределительных пунктов, которая неизбежно связана и с системой действительности карточек в пределах всего города, и с системой прикрепления их к определенным районам.

При обоих этих системах владелец, или заведующий и служащие, отдельных распределительных пунктов обязаны лишь распределить то количество продуктов и предметов, которые данному пункту были отпущены.

И отсутствует совершенно обязанность удовлетворить определенное (не числовое, исходя из количества отпущенного и установленных норм, а персональное) число лиц. Потребитель не имеет права пред'явить определенному распределительному пункту требование отпустить ему причитающееся по карточке. Потребителю остается возможность сетовать в общей форме на общий недостаток продуктов.

Отсутствие у распределителя обязанности обслуживать количественно и персонально определенный круг лиц, создавая чувство полной безответственности перед потребителями, дает широкий простор для целого ряда злоупотреблений с порученными ему продуктами и предметами, особенно с теми из них, для которых при составлении отчета об их расходе существуют легальные возможности об'яснить расхождение между приходом и расходом—раструска, распылка, усыпка, утечка, провес, проруб, плохой припек для хлеба благодаря качеству муки или дров и т. д.

Неопределенная клиентура отдельных распределительных пунктов облегчает возможность злоупотреблений и потребителю путем получения продуктов и предметов по подложным карточкам, особенно по тем из них, в которых подделка сводится к печати и номеру на украденных из продовольственного органа или из числа излишне напечатанных и не сданных типографией чистых бланках карточек (а таких карточек, судя по опыту ряда городов, среди поддельных большинство).

Распределитель заинтересован в борьбе с подложными карточками постольку, поскольку могут быть опорочены предоставляемые им при отчетах купоны. Поэтому для борьбы с подложностью карточек, бланк которых, а значит—и отдельные купоны, ничем не отличаются от действительных, у распределителя, кроме моральных соображений, никаких побудительных мотивов нет.

Радикальным образом изменяется положение при системе прикрепления карточек к определенным пунктам.

Прежде всего распределение продуктов и предметов не только по отдельным районам города, но и между распределительными пунктами происходит вполне планомерно, так как заранее известна клиентура каждого из них. Затем в корне изменяются отношения между распределителями и получателями продуктов.

Для каждого распределительного пункта устанавливается определенная, и количественно, и персонально, клиентура. При этом условии на обязанности распределителя лежит уже не только *распределение*, но и *удовлетворение* тех именно лиц, карточки которых к тому или иному пункту прикреплены. Последнее обстоятельство затрудняет, а при известных условиях делает совсем невозможным, злоупотребления распределителей с получаемыми им продуктами и предметами.

При возможности свободно пользоваться любым распределительным пунктом (в пределах или всего города, или только определенного района — это неважно) потребитель, во первых, как мы уже говорили, не может ни к одному из пунктов пред'явить конкретной претензии в случае неполучения чего-либо по карточке, во-вторых, видя недобросовестную постановку в каком-либо пункте и став сам жертвою ее, предпочтет не встать на защиту своих прав, а при следующем получении продуктов или предметов обратиться в другой распределительный пункт, в надежде найти там более честную постановку дела. Именно так заставляют нас думать ежедневные наблюдения над потребителем, бегающим из одного „хвоста“ в другой в поисках лучшей доли. Ограниченный же в праве пользования распределительными пунктами каким либо одним из них, потребитель находится в положении, когда перед ним стоит альтернатива—или мириться с недобросовестностью распределителя и добровольно принести себя в жертву ей, или найти пути к ее устранению При том остром недостатке продуктов, который мы переживаем, второй исход значительно вероятнее первого. И главнейшим побудительным мотивом для борьбы потребителей со всякого рода злоупотреблениями распределителей должно играть то соображение (отсутствующее при системе свободного пользования распределительными пунктами), что распределитель, уличенный в злоупотреблении сегодня, столкнется завтра же с теми же лицами, которые его уличили, и сделать их вновь об'ектами злоупотреблений ему вряд-ли удастся; борьба, таким образом, дает результат длительного действия и в этом залог ее успеха; это же—сильнейший стимул для ее осуществления.

Если при системе прикрепления карточек к определенным распределительным пунктам облегчается борьба со злоупотреблениями распределителей, то одновременно с этим облегчается и борьба со злоупотреблениями потребителей, особенно в части использования ими подложных карточек.

Здесь мы коснемся лишь последнего вопроса—о борьбе с подложными карточками, оставляя рассмотрение общего вопроса о борьбе с злоупотреблениями потребителей при тех или иных районах действия карточек до главы об организации распределительных пунктов и форм пользования ими.

Мы уже указали выше, что при свободном пользовании распределительными пунктами материальный побудительный мотив для борьбы с поддельными карточками у распределителя может иметься лишь по отношению к тем из поддельных карточек, у которых подделан самый бланк, а не только номер и печать продовольственного органа.

Иное положение получается при прикреплении карточек к определенному пункту, когда отпуск по всякой поддельной карточке неминуемо повлечет за собою столкновение с потребителем, неимеющим возможности получить благодаря этому продукт по действительной карточке, и вызовет все те неприятности, которые может доставить голодный потребитель, лишенный законно причитающегося ему продукта.

К тому же при системе прикрепления карточек к распределительным пунктам распределителю легче отличить поддельную карточку, а потребителю—труднее ее подделать, так как в этом случае карточка, помимо № и печати продовольственного органа, должна иметь и штамп распределительного пункта, все детали которого (штампа)—а (детали, особенно искусственно сделанные и часто совершенно неуловимые для постороннего, наиболее трудно подделать),—должны быть хорошо известны заинтересованному распределителю.

Мы полагаем, что изложенные нами соображения о возможности борьбы со злоупотреблениями с наибольшими положительными результатами при системе сужения района действия отдельных карточек до определенного распределительного пункта, позволяют считать именно эту систему наилучшей из всех, возможных и рассмотренных нами выше.

При этой же системе есть основания надеяться на то, что потребитель, в конце концов, сможет иметь уверенность в получении причитающихся ему продуктов и предметов не в результате погони за ними и стремления получить их раньше других, а вне зависимости от такой погони и такого стремления, каковое положение может быть создано лишь при правильно организованной и правильно работающей распределительной сети, одним из элементов чего и является та или иная система использования карточки, тот или иной район их действия.

Создание же уверенности в получении продукта есть в то же время и уничтожение „хвостов“.

Практика городов, данными о которых мы располагаем, подтверждает наше заключение о преимуществах наиболее ограниченного района действия карточек. Из 15 городов, выше нами перечисленных, ограничение района действия карточки определенным распределительным пунктом проведено больше чем в половине всех них—в 8 городах, прикрепление карточек к районам осуществлено в 5 городах и свободное обращение карточек в пределах всей территории города сохранилось лишь в 2 городах.

При этом, по единодушному заключению представителей всех 8 городов, применивших прикрепление населения к распределительным пунктам, осуществление этой меры в значительной мере сократило, а отчасти почти уничтожило, стояние потребителей в очередях перед продовольственными лавками.

Распределительный аппарат.

В рамках настоящего исследования вопрос о распределительном аппарате интересует нас лишь в той своей части, которой он соприкасается с проблемой организованного распределения, являясь одним из ее элементов.

Состав распределительной сети. Во введении к настоящей работе, при историческом обзоре мероприятий по борьбе с дороговизной и недостатком продуктов и предметов, нам уже приходилось останавливаться на вопросе об участии в распределении различных категорий торговых предприятий.

В 1915—16 гг., в условиях существования вольных заготовительных цен и фактического несоблюдения такс в местах потребления, общественно-кооперативные распределительные организации должны были выполнять не только чисто техническую распределительную работу, но и служить орудием конкуренции и борьбы с частно-торговым капиталом в деле понижения цен, ослабления дороговизны.

С течением времени и обострением продовольственного кризиса, с ростом недостатка продуктов и предметов изменялся и об'ем работы продовольственных органов.

Первоначальная задача продовольственных органов в деле заготовки и распределения продуктов и предметов, сводившаяся главным образом к борьбе с дороговизною и со спекулятивным поднятием цен, постепенно переходившая в задачу восполнения недостатка в продуктах и предметах, ощущавшегося на вольном рынке, вылилась в конце-концов в необходимость взять на себя исчерпывающее снабжение населения самыми разнообразными продуктами продовольствия и предметами первой необходимости.

В изменении задач, ложившихся на продовольственные органы, важнейшим моментом надо считать февральскую революцию и те меры, которые были произведены вслед за ней в области организации народного продовольствия.

Государственные монополии—первоначально на хлебные продукты, а затем и на ряд других продуктов и предметов—возложили на продовольственные органы задачу организовать на основах регулирования распределение почти всех главнейших продуктов питания.

Под влиянием грандиозности задач, вставших перед продовольственными органами, с которыми они не могли бы справиться собственными силами, и некоторых соображений по су-

честву изменилось на время отрицательное отношение к участию в деле распределения нормированных продуктов частного торгового аппарата.

Если при борьбе продовольственных органов с дороговизною и со спекулятивным повышением цен, проводимыми частною торговлей, было нелепостью поручать борьбу с указанными явлениями этой же самой частной торговле, то, казалось, что при изменившихся условиях возможно было бы поручить ей распределение продуктов нормированных, выпускаемых на легальный рынок самими продовольственными органами и продаваемых отдельным лицам в строго установленных размерах по карточкам и по заранее фиксированным ценам.

Но на первых же порах участие частного торгового аппарата в распределении нормированных продуктов оказалось, что подобный аппарат не может быть частью аппарата, работающего в условиях регулируемого организованного распределения и сколько-нибудь удовлетворительно выполняющего возложенные на него задачи, не может по самой своей природе.

Воспитанный на стремлении все выгоды обращать в свою личную пользу, воспитанный на том, что всякая тенденция к повышению цен должна быть обращаема в реальный факт повышения, увеличивающий прибыль, приносимую предприятием, мог ли при таких условиях частно-торговый аппарат приспособиться к своей новой роли в обстановке, которая исключала всякую возможность направления энергии частной торговли по привычному для нее руслу?

Неиспользованная по об'ективным причинам энергия частно-торгового распределительного аппарата обратилась не на улучшение порученного ему дела, а на изобретение всевозможных способов нарушения установленных правил распределения, на хищение продуктов, полученных для распределения по карточкам в целях передачи похищенного на нелегальный рынок, с его свободными условиями купли-продажи.

В результате частно торговый аппарат, несмотря на все присущие ему знания техники распределительного процесса, не только не внес в порученное ему дело ничего улучшающего, но наоборот, стремился внести в дело распределения элементы, дезорганизующие и разрушающие и ту часть работы, которая налаживалась продовольственными органами, так как только в условиях неупорядоченного и дезорганизованного распределения могли оставаться без возмездия все хищения продуктов, производимые распределительным аппаратом.

Особенно ощутительна была отрицательная роль частно-торгового аппарата в отношении к продуктам, с естественной потерей в весе при распределении (на провес, прорез, раскрошку, усушку, утечку и т. п.) и в первую очередь в отношении к хлебу, не только распределение которого, но и производство приходилось поручать частно-торговому аппарату.

Перед местными продовольственными органами вставал вопрос об устранении частной торговли от распределения нормированных продуктов и предметов и сосредоточения всего дела распределения в собственных и кооперативных руках.

Полное отстранение или сокращение значения частно-торгового распределительного аппарата от дела распределения большею частью начиналось с хлеба и прежде всего—с отстранения частной торговли от его производства. Достигалось такое отстранение путем сосредоточения (концентрации) хлебопечения в наиболее крупных пекарнях, надзор за которыми даже при оставлении их в руках частных лиц был неизмеримо легче, чем надзор за сотнями, а в больших городах и тысячами, мелких хлебопекарен. Концентрация хлебопечения часто сопровождалась секвестром наиболее крупных хлебопекарен, что отстраняло от производства хлеба частных лиц и делало продовольственные органы хозяином производства.

Отстранение, полное или частичное, частно-торгового аппарата от распределения хлеба шло различными путями. В городах, где имелись домовые организации (Москва, Петроград), проводилась система выдач хлеба не отдельным лицам, а исключительно домовым или иным организациям потребителей, с поручением этим организациям дела непосредственного распределения хлеба между отдельными лицами. Подобной мерой сокращалось в очень сильной степени число отдельных обращений за хлебом в распределительные пункты, что позволяло в такой же степени сокращать их число (до 1 распределительного пункта на район в Москве).

Для иллюстрации укажем, что по данным переписи 2 июня 1918 г. в Петрограде было:

Домов (владений)	20.867
Квартир	285.625

Если предположить, что при выдаче хлеба из распределительных пунктов непосредственно населению для каждой квартиры хлеб получало бы только одно лицо, сразу на всех живущих в ней, то и в этом случае сокращение числа обращений в распределительные пункты при отпуске лишь домовым организациям получается почти в 14 раз.

В городах, где отсутствовали домовые организации, в целях уменьшения числа распределительных пунктов без увеличения очередей перед ними, проводилось сокращение числа выдач хлеба, путем выдачи его сразу на более продолжительный срок, или же выдача хлеба заменялась выдачей муки (Иваново-Вознесенск, Пенза, Брянск, Рыбинск и т. д.), что позволяло закрыть значительную часть хлебопекарен и удлинить тот срок, на который в один раз выдается продукт (до 2—4 раз в месяц).

По отношению к нехлебным продуктам и предметам участие частно-торгового аппарата в их распределении почти до самого последнего времени было более значительное. Обусловливалось это значительным разнообразием продуктов и предметов, подвергшихся нормировке, а также и распыленностью торговли этими продуктами и предметами по отдельным специальным отраслям торговли.

Почти повсеместно политика продовольственных органов по отношению к организации нехлебных продуктов продовольствия и продуктов и предметов первой необходимости направлялась на концентрацию распределения подобных продуктов и предме-

тов в пунктах собственных и кооперативных, а в случае их недостатка—в магазинах и лавках крупных частных предприятий, с устранением от распределения средней и мелкой торговли, наиболее неблагонадежной по части всяких злоупотреблений при распределении.

В отдельных местностях, особенно сельских (Вологодская, Новгородская, Пензенская и др. губернии), все дело распределения передавалось полностью в руки кооперативных организаций.

Декрет о национализации торговли фактически лишь санкционировал со стороны государственной власти тот процесс, который начался на местах, как мы видели, задолго еще до революции; кроме того, декрет послужил толчком для окончательного отстранения частного торгового аппарата от распределения нормированных продуктов и предметов в тех случаях, когда его участие еще существовало [1]).

Формы получения. Форм получения продуктов и предметов, применяемых в различных местностях России, можно указать две—индивидуальную и коллективную.

Индивидуальная форма получения сводится к тому, что право получения предоставляется каждому отдельному лицу, обладающему соответствующей карточкой; при коллективной же форме право получения продуктов и предметов предоставляется лишь организациям потребителей (домовым, заводским, коллективам служащих учреждений и т. д.), отдельные лица права получения из распределительных пунктов в таком случае не имеют.

Конечно, коллективное получение возможно и при применении индивидуальной формы, но в этом случае об'единение потребителей в те или иные организации является делом их добровольного согласия, а не обязательным условием получения продуктов и предметов, что присуще коллективной форме, проводимой продовольственным органом.

Коллективная форма получения, как это вытекает из самого ее существа, может быть применена лишь в тех местностях, где все население имеет возможность войти в ту или иную организацию, почему фактически применение ее наблюдается лишь в крупных городах, имеющих домовые организации, в которые и входит население, немогущее войти в прочие потребительные об'единения.

Из названных форм получения более совершенной является безусловно коллективная форма. При ней в значительной степени сокращается число отдельных обращений в распределительные пункты, что радикальным образом разрешает в благоприятную сторону вопрос об очередях перед распределительными пунктами (взять хотя бы для сравнения полное отсутствие в Москве очередей у хлебных распределительных пунктов и на-

---

[1]) Автор не дает здесь общей оценки национализации и муниципализации торговли, как она проведена в жизни. Его мысль сводится к указанию, что непосредственная практика привела к отстранению частной торговли от распределения нормированных продуктов.

Ред.

личие их при всех других пунктах, распределяющих продукты и предметы, получаемые отдельными лицами, а не коллективно), и облегчает более правильную постановку дела учета распределительных пунктов. Кроме того, при коллективной форме получения органами непосредственного распределения продуктов между населением являются органы, выбранные самим населением и находящиеся от него в полной зависимости. В случае злоупотреблений личный состав таких органов при активности населения легко может быть смещен и заменен новым, более отвечающим пред'являемым к нему требованиям.

Наконец, при коллективной форме отдельным лицам наиболее обеспечивается фактическая возможность получения причитающихся продуктов, так как органы непосредственного распределения, как мы указали выше, находятся в полной зависимости от населения, а получить причитающееся из распределительных пунктов безусловно легче представителям об'единений потребителей, чем этим последним каждому в отдельности.

Возражения против применения коллективной формы получения, идущие из среды потребителей, сводятся главным образом к тому, что при ней неизбежный провес и пр., получаемый в процессе непосредственного распределения, всецело ложится на потребителя, и ему приходится получать продукты неполной мерой.

Конечно, для устранения подобного недовеса. полезно было бы об'единениям производить отпуск продуктов с некоторой надбавкой, но по сравнению с индивидуальной формой получения вряд ли это обстоятельство является опорочивающим коллективную форму и делающим индивидуальную форму более выгодной для потребителей.

Недовес есть вообще—приходится это констатировать—бытовое явление русской действительности, не связанное с той или иной формой получения продуктов, и разница лишь в том, что при коллективной форме потребитель, получая продукт от своей организации, знает, что ему отпущено настолько-то меньше причитающегося, а при индивидуальной форме сколько бы потребитель ни получил продукта из распределительного пункта, отпущенное будет считаться за полное количество полагающегося, а проверить все дома может лишь немногочисленная группа лиц.

Короче говоря, коллективная форма дает большинству населения конкретные поводы для нареканий на явления, присущие всякой форме получения продуктов, и только в этом ее отличие от формы индивидуальной.

По отношению к формам пользования распределительными пунктами можно различать две формы: первую—свободную, при которой отдельные лица имеют право получать продукты в любом распределительном пункте, или по всей территории определенного продовольственного органа, или же на территории лишь определенного района, и вторую форму—ограничительную, когда право пользования распределительными пунктами ограничивается каким либо одним из них.

Технически такое ограничение достигается путем приписки (прикрепления) каждого лица, или, вернее, каждой карточки, к определенному распределительному пункту.

Практика различных продовольственных органов знает два основных способа прикрепления населения к распределительным пунктам.

Эти способы прикрепления условно можно назвать: один — способ свободного или внетерриториального прикрепления и другой—механического или территориального прикрепления.

Сущность этих способов и различие между ними таковы.

При свободном способе прикрепления каждому обладателю карточки предоставляется право выбрать (в пределах всей территории определенного продовольственного органа, или только в пределах того или иного района) определенный распределительный пункт, из которого и получать нормированные продукты.

Об'ектом прикрепления при этом способе является каждая отдельная карточка, почему свободный способ можно добавочно определить, как индивидуальный.

Разновидностью свободного способа прикрепления является способ, применяемый в Москве по отношению к хлебным карточкам, сводящийся к тому, что хотя при нем право выбора распределительного пункта принадлежит не отдельным лицам, а их организациям, но так как вступление в ту или иную организацию потребителей ничем не стеснено, то при желании пользоваться не тем пунктом, который выбран организацией а каким-либо другим, осуществить подобное желание вполне возможно, войдя лишь предварительно в организацию, приписавшуюся к этому последнему пункту.

Разница между свободным способом прикрепления обычного типа и московским способом сводится в конечном счете лишь к об'екту прикрепления.

Для московского способа об'ектом прикрепления являются уже не отдельные лица и карточки, а коллективы потребителей, почему его и можно назвать способом свободно коллективным.

Механический способ прикрепления совершенно устраняет от участия в выборе распределительных пунктов отдельных потребителей и их организации и передает этот выбор продовольственному органу, который за об'ект прикрепления берет сразу целые дома и, сообразуясь с размерами отдельных распределительных пунктов, прикрепляет ту или иную смежную группу домов к одному из них. В идеале при механическом способе прикрепления весь город должен быть разбит на отдельные участки—территории (отсюда и название способа), в центре каждой из них находится распределительный пункт, которым и пользуются жители данной территории, не имеющие права пользоваться никакими иными распределительными пунктами.

Ограничительный способ пользования распределительными пунктами, или, беря более употребительное выражение, прикрепление населения к лавкам, применяется в очень значительной части, если не в большинстве, городов России.

Свободное прикрепление применено, например, в Москве, Петрограде, Саратове, Тамбове, Туле и т. д.

Механическое прикрепление применяется в Калуге, Курске, Петрозаводске, Рязани, Брянске, Орле, Смоленске, Иваново-Вознесенске, Вятке, Пензе и т. д.

В провинциальных городах, вообще, надо отметить стремление к переходу от свободного способа прикрепления к механическому [1]).

Какой же из рассмотренных нами способов прикрепления может дать для общей постановки дела распределения наиболее благоприятный эффект?

Основная задача, разрешаемая при помощи прикрепления— дать населению уверенность в получении причитающихся ему продуктов, разрешается наиболее удовлетворительно прикреплением по способу территориально механическому, удовлетворительно, но в меньшей степени—при прикреплении по „московскому" способу и, наконец, наименее удовлетворительно—в случаях применения свободного индивидуального прикрепления.

Применяя механический способ прикрепления мы получаем при каждом распределительном пункте строго определенную территорию, население которой впредь до перемены места жительства должно пользоваться именно этим и никаким другим пунктом. Благодаря этому достигается максимум постоянства и относительной неизменности клиентуры отдельных распределительных пунктов, достигается максимум связи между определенными распределителями и определенными потребителями.

Московский способ в значительной степени ослабляет эту связь. Каждый потребитель имеет возможность менять пункт своей приписки и тем создавать определенную часть неустойчивой, меняющейся клиентуры отдельных распределительных пунктов, за счет которой для распределителя создается возможность злоупотреблений с продуктами и предметами.

Все же и при московском способе прикрепления возможна та сравнительно удовлетворительная организация распределения, которая наблюдается в Москве по отношению к хлебу.

Свободный способ прикрепления дает, наконец, наименьшую возможность образовать более или менее постоянную клиентуру отдельных распределительных пунктов, почему применение его, давая некоторые положительные результаты, все же не позволяет значительно улучшить организацию распределения и сохраняет очереди, хотя и уменьшенные в своих размерах.

Значение прикрепления в деле борьбы с подложными карточками в общих чертах нами было выяснено при рассмотрении вопроса о районе действия отдельных карточек (см. стр. 83) Здесь же мы укажем лишь, что и при борьбе с подложными карточками степень постоянства и неизменности клиентуры распределительных пунктов играет весьма важное значение и что и в целях борьбы с подложными карточками преимущество должно быть дано прежде всего механическому способу прикрепления.

Перейдем теперь к обзору способов прикрепления в связи с их значением для правильной постановки учета карточек, находящихся в обращении.

Учет этот немыслим без постоянного последующего контроля получаемых сведений.

---

[1]) О наличии такого стремления мы можем судить на основании разговоров с рядом местных продовольственных работников и по такому, например, характерному ответу на вопрос в анкете о способе прикрепления—„пока, к сожалению, свободное".

Работа контрольной организации при учете населения и изъятия из обращения карточек, полученных на несуществующих лиц, или карточек. принадлежавших лицам, уже выбывшим с территории данного продовольственного органа и своевременно ему не сданных, находится, в конечном счете, в самой тесной связи с применением того или иного способа прикрепления населения к распределительным пунктам.

Лучшим методом работы контрольных организаций является производство частичных статистических организованных переписей населения, результаты которых сравниваются со сведениями, даваемыми в моменты раздачи карточек, причем при таком сравнении обнаруживаются все излишне находящиеся на руках у населения карточки.

Никакой контрольной организации не под силу—ни по тому персоналу, которым она может располагать, ни по денежным средствам, имеющимся в ее распоряжении—в течение сколько нибудь краткого срока произвести контроль всех без исключения домов города. Надо считать за образцовую постановку контрольного дела, если каждый отдельный дом будет посещен представителем контрольно-статистической организацией в среднем раз в полгода или даже год.

А раз это так, то внимание контрольной организации должно быть сосредоточено прежде всего на наиболее неблагополучных по части злоупотреблений с карточками домах города.

Предположим, что в результате изучения данных об изменении в числе приписанных к распределительным пунктам мы увидим следующую картину: в подавляющем большинстве распределительных пунктов за такой-то месяц количество приписанного населения сильно сократилось и лишь в нескольких пунктах наблюдалось обратное явление—увеличение без видимых причин числа приписанных к ним.

Вывод из этого ясный—необходим контроль населения и карточек, находящихся у него на руках и приписанных к пунктам, показавшимся подозрительными.

Но как можно проконтролировать приписанное к этим распределительным пунктам население, если способ приписки свободный, индивидуальный или коллективный, безразлично? Куда в какие именно дома направит контрольная организация свой отряд для проверки?

Ведь, к каждому распределительному пункту приписаны или непосредственно (при индивидуальном прикреплении), или через посредство организаций (при коллективном прикреплении лица, живущие в разных районах города и весьма часто в очень большом количестве домов.

Ясно, что при подобных условиях контроль неосуществим.

Мы не говорим уже про то, что при самом сопоставлении данных об изменении числа приписанных по отдельным пунктам вывод из этого сопоставления обладает, при способе свободного прикрепления, очень малой ценностью и показательностью. Изменение в числе приписанных может быть вполне естественным, благодаря переходу потребителей из одних распределительных пунктов в другие, что бывает в действительности.

Но даже исходя из предположения, что в общем и целом в этих переходах имеется закономерность, сводящаяся к тому, что переходы взаимно компенсируются и благодаря этому показатели об изменениях в числе приписанных свидетельствуют действительно об изменениях, происходящих в населении и карточках, все же и при таком их значении использовать для практических нужд контрольной организации их нельзя по вышеизложенной причине.

Иное положение мы имеем, когда прикрепление произведено механическим способом.

При нем каждый распределительный пункт обслуживает определенную территорию, почему при появлении подозрения о неблагополучии с карточками в каком-либо распределительном пункте контрольная организация имеет полную возможность приписанную к такому пункту территорию проконтролировать и восстановить точное соответствие между числом населения и числом имеющихся у этого населения карточек.

При механическом способе прикрепления мы имеем территории, удовлетворяющие трем важным условиям.

Число таких территорий, во первых, в пределах большинства городов, как мы видели выше, очень невелико, что облегчает возможность производства с данными, характеризующими эти территории, необходимой для контрольной организации чрезвычайно простой и быстрой статистической обработки их.

Количество населения территории каждого распределительного пункта, во вторых, колеблясь в пределах от 1 до 3 тысяч человек, благодаря своим относительно малым размерам, позволяет уловить самые незначительные изменения в числе и населения, и карточек, в силу чего контрольная организация может в самом корне пресекать попытки населения к пользованию излишними карточками.

И в третьих, как мы уже говорили, данные о количестве карточек, находящихся на руках у населения в пределах территории отдельных пунктов, необходимы для правильного распыления продуктов и предметов по распределителям, почему контрольная организация получает их в уже готовом виде.

Противники механического способа прикрепления указывают, что все преимущества, даваемые этим способом контрольной организации, могут быть получены и без его применения.

Стоит лишь искусственно разбить город на соответственное число участков (предположим кварталов), организовать сводку данных по отдельным домам в пределах каждого из образованных участков—и контрольные органы будут располагать материалом, аналогичным тому, который они имеют при механическом способе прикрепления

Формально это так. Но, прежде всего, искусственно образовывая участки, мы, так сказать, искусственно же должны получать и данные, их характеризующие, так как ни для каких иных, кроме контрольных, целей данные по таким участкам не нужны. Следовательно, контрольной организации придется производить самостоятельно работу, и работу немалую, для получения необходимых для нее показателей по отдельным участкам города.

Затем одно соображение по существу.

В результате контроля, предположим, оказалось, что в таком то участке имеется столько-то лишних карточек. Практическое действие, вытекающее отсюда—сокращение выдачи продуктов и предметов на соответствующее из'ятым карточкам количество.

Но в какие распределительные пункты?

Если контроль производился в городе, в котором прикрепление проведено механическим способом, то ответ на этот вопрос простой и ясный, действие вытекающее из него также просто и, главное, скоро и легко выполнимо—выдача продуктов и предметов сокращается тому распределительному б пункту, на территории которого контроль обнаружил злоупотребления с карточками. Сегодня производился контроль, а завтра продовольственный орган, изменив в таблице распределения продуктов и предметов по отдельным пунктам одну лишь цифру, сделал уже из результатов контроля практические вывод и получил практическую пользу в виде экономии продуктов.

Иное положение в реализации результатов работы контрольной организации при прикреплениях свободных—как по способу индивидуального, так и коллективного (московского) прикрепления.

Из'ятые карточки могут (не только логически, но и фактически) быть прикреплены к целому ряду пунктов, в условиях большого города принадлежащих к различным районным органам, производящим распределение продуктов и предметов между отдельными пунктами. Благодаря этому, прежде чем будет совершено практическое действие—сокращение выдачи продуктов—должны быть проделаны многочисленные предварительные операции, отсутствующие при способе механического прикрепления: сортировка карточек по районам, составление описи их, препровождение в заинтересованные районы, в них новая сортировка по распределительным пунктам—и лишь после всего этого воспоследует практический эффект работы контрольной организации.

На первый взгляд может показаться, что для экономии продуктов и предметов важен не факт уменьшения выдачи их распределительным пунктам, а само из'ятие лишних карточек из рук населения. Подобное соображение, будучи вполне логичным, фактическому положению дел соответствует в весьма малой степени. Опыт в данном случае говорит, что правилом, не имеющим почти исключений, является положение, при котором от продуктов, выданных распределительным пунктам по расчету на количество прикрепленных карточек плюс установленная прибавка на провес и т. п., не только ничего не остается, но и нехватает для удовлетворения всего приписанного к пунктам населения.

Резюмируя все изложенное выше о достоинствах и недостатках различных форм пользования распределительными пунктами, мы полагаем возможным сделать следующий вывод.

Для наиболее успешного проведения в жизнь равномерности, правильности и быстроты распределения должна быть применена ограничительная форма пользования распределительными пунктами, а из способов осуществления этой формы лучшим должен быть признан механический, дающий по сравнению с другими

способами максимум положительных результатов при минимуме затраты труда и средств.

Если этот наш вывод правилен, то сам собою возникает вопрос: почему же целый ряд городов—и в их числе такие, как Петроград и Москва, считающиеся лучшими по постановке распределительного дела,—почему они, осуществляя прикрепление населения к распределительным пунктам, проводят это прикрепление, применяя свободный, а не механический способ, несмотря на все его достоинства?

Аргументация противников механического способа в Петрограде почти тождественна с аргументацией вообще против применения этого способа, почему мы и остановим на ней наше внимание.

Скажем предварительно лишь несколько слов о том историческом процессе, результатом которого явилась эта аргументация.

Первая эпоха роста дороговизны ознаменовалась повсеместным ростом кооперативных организация. Они обеспечивали потребителям возможность получения некоторого количества продуктов и предметов по ценам, значительно меньшим, чем частных торговцев. Процесс получения продуктов был также более легким, требовавшим меньшее количество времени.

Но последнее преимущество, с ростом числа членов отдельных кооперативных организаций и не поспевавшим за ним ростом числа распределительных пунктов имевшихся кооперативов, постепенно уменьшалось. Это обстоятельство было одной из причин возникновения громадного количества мелких кооперативов.

Почти каждый завод, фабрика, отдельные крупные дома и группы небольших домов стремились создать свой кооператив. Население привыкало пользоваться распределительными пунктами „своих“ кооперативов. И не только привыкало, но и извлекало из этого большую практическую пользу.

При ограничении выдачи продуктов и предметов, производимом отдельными кооперативами первоначально по отношению ко всем главнейшим из них, а впоследствии, при регулировании распределения,—по отношению к главнейшим из ненормированных продуктов и предметов, отдельные лица записывались в целый ряд кооперативов, чтобы получать большее количество продуктов и предметов. Общегражданский кооператив, кооператив по месту службы и домовый кооператив—вот далеко не полный список организаций, услугами которых одновременно пользовался заботящийся о себе и семье потребитель.

Не составляли исключения лица или семьи, состоявшие в 4, 5, 6 и большем числе кооперативов. Никаких мер со стороны кооперации для искоренения этого безусловно ненормального явления не принималось.

А между тем возможность получить один и тот же, хотя бы и ненормированный, но продаваемый в ограниченных размерах, продукт сразу в нескольких местах имела самое развращающее влияние на психологию потребительской массы.

Вот в кратких чертах те некоторые условия при которых продовольственные органы начинали свою работу по регулиро-

ванию распределения вообще и по проведению тех или иных форм пользования распределительными пунктами в частности.

Когда продовольственные органы для упорядочения распределения продуктов и предметов вынуждены были провести первую ограничительную меру — по отношению к свободному пользованию распределительными пунктами—прикрепив карточки к районам их выдачи, а значит и жительства населения, владеющего этими карточками, произошло первое столкновение, в которой одной стороной были продовольственные органы, а другой—кооперация, как организованное целое, и кооперированная потребительская масса.

Со стороны кооперации главным аргументом против подобного ограничения было то соображение, что лица, состоящие членами кооперативов, имеющих свои распределительные пункты не в районе их жительства, лишаются возможности пользоваться своим кооперативом для приобретения нормированных продуктов, а это обстоятельство ослабляет (скажем даже, что порывает) связь отдельных потребителей с кооперативной организацией, ставит препятствия дальнейшему развитию самодеятельности населения. даже больше—уничтожает уже достигнутые результаты.

Потребители выдвигали дополнительный аргумент за предоставление им свободы получения продуктов и предметов не только в районах по месту жительства но и в районах нахождения их потребительских организаций: кооперативы обеспечивают за своими членами возможность получения нормированных продуктов, тогда как продовольственные органы в такой же степени обеспечить не могут. Надо отметить, что довод этот имел в то время (первая половина 1917 г.) сильные основания.

Были у потребителей и иные соображения, открыто не высказывавшиеся, за свободное пользование своими кооперативами.

Привыкшее, как мы уже указывали выше, получать ненормированные продукты и предметы одновременно из нескольких мест, потребители и по отношению к нормированным продуктам стремились осуществить подобную систему получения. И не только стремились, но и осуществляли фактически. Далеко не исключением были факты, когда кооперативы (главным образом мелкие и состоящие при разного рода учреждениях) распределяли полученные путем злоупотреблений нормированные продукты между своими членами не только по карточкам, но дополнительно по паевым книжкам.

Распределение по карточкам служило прикрытием для таких незаконных выдач.

Проводить в таких условиях ограничительные меры, хотя бы и для нормированных продуктов, значило посягать на права потребителей, доставлять им с их обывательской точки зрения, в придачу к уже имеющимся, новые лишения, неудобства и неприятности.

В результате кооперация и потребители победили — было принято компромиссное решение. Лицам, состоящим членами потребительских объединений, предоставлено было право получать нормированные продукты и предметы не только в пределах района своего жительства, но и в любом другом, по месту нахождения распределительного пункта своего объединения.

Так возникла система переучета карточек из одного района в другой.

Когда, в целях большого упорядочения дела распределения, стало проводиться прикрепление населения к распределительным пунктам, то, в силу изложенных нами соображений, и здесь было принято то же самое компромиссное решение—путем переучета карточек из района в район предоставлялось отдельным лицам право прикрепляться к любому распределительному пункту, расположенному на территории данного продовольственного органа.

Какое же количество населения фактически пользовалось возможностью получить продукты и предметы не в районах жительства, а по месту нахождения своих об'единений, из за какой части всего населения отвергается применение наиболее совершенного механического способа прикрепления, имеющего громадное значение для правильной организации распределительного дела?

Соответствующими данными мы располагаем лишь по Петрограду.

В первый период применения системы переучета карточек из района в район, когда продовольственная организация еще не овладела техникой этого дела, что позволяло на почве переучета получать отдельные продукты дважды, и когда имело значение соображение о более легком получении продуктов из своих об'единений, благодаря неналаженности всего распределительного аппарата, % населения, переучитывавшего свои карточки, составлял в Петрограде не более 8, спускаясь в некоторые месяцы до 6.

С улучшением техники переучета, исключавшей возможность злоупотреблений, и улучшением работы распределительного аппарата в целом, количество населения, прибегавшего к переучету, из месяца в месяц, медленно падало и в 1918 г., о котором у нас имеются точные данныя, количественная сторона этого дела представляется в следующем виде:

МЕСЯЦЫ.	Общее количество карточек.	Из них переучитывалось.			
		Хлебные карточки.		Продук. карточки.	
		Число.	В %% к общему числу карточек.	Число.	В %% к общему числу карточек.
Май	1.840.000	60.734	3 30		
Июль	1.538 000	52 161	3.39	60.282	3 92
Сентябрь	1 296.000	66.513	5 13	75.252	5.81
Ноябрь	1.288.000	62.163	4 83	67.118	5.20

Надо думать, что приведенные цифры есть лучший ответ тем, кто защищает свободный способ прикрепления к лавкам, исходя из соображений об удобствах населения. И вывод, напрашивающийся сам собою, глядя на эти цифры, сводится к тому, что никаких серьезных неудобств механический способ прикрепления, по крайней мере в настоящее время, населению не приносит. Если до 94—97% населения смогло приспособиться к тому, чтобы получать продукты по месту своего жительства, то смогут сделать то же самое и 3—6% населения, пользующиеся правом получения их в прочих районах.

Право пользоваться своим кооперативом давало населению известные преимущества тогда, когда распределительный аппарат состоял в одной своей части из лавок, принадлежащих частным торговцам, а в другой—из лавок кооперативов, распределители же самих продовольственных органов или отсутствовали совсем, или же составляли незначительную долю всей сети пунктов.

При подобном составе распределительной сети, да в условиях хаоса, создававшегося свободным обращением карточек по всей территории отдельных городов, кооперативы, естественно, привлекали к себе население.

Но с расширением сети распределителей, открывавшихся продовольственными органами, и с момента прикрепления карточек к районам, а затем и к распределительным пунктам, и связанного с ними упорядочения всего распределительного дела привилегия, предоставленная кооперированному населению, потеряла для него большую часть своего значения.

Были повинны в последнем и сами кооперативные организации.

Ни по отношению к нормированным продуктам, ни по отношению к продуктам ненормированным кооперация не сумела создать технических форм распределения лучших, чем то создавали продовольственные органы. А между тем при распределении ненормированных продуктов ей предоставляли неограниченные возможности для проявления и осуществления инициативы и в области установления принципов распределения, и в области выработки наисовершеннейших методов и технических приемов их проведения в жизнь.

К сожалению, ничего, кроме ограничения норм выдачи ненормированных продуктов по расчету на пай, совершенно не считаясь с числом лиц, им представленных, кооперация до настоящего времени в области принципов не выдвинула.

И то, что ею применяется в этом отношении и поныне, есть ничто иное, как точная копия с самого несовершенного принципа распределения, применявшегося отдельными местными продовольственными органами на заре их существования,—в 1915—1916 г., когда распределение происходило по паспортам, также не считаясь с количеством лиц, представляемых отдельными паспортами.

Рассмотрим теперь соображения о вреде, яко бы причиняемом кооперативному движению механическим способом прикрепления.

Мы полагаем, что соображения эти основаны на недоразумении.

В чем практический смысл и значение потребительской кооперации? Каковы те *практические* преимущества, которые потребительская кооперация дает своим участникам?

В условиях довоенной жизни, при подавляющем преобладании частно торгового капитала в области снабжения населения всем, ему необходимым, кооперация имела по сравнению с ним два основных преимущества:

1) Давала, или по крайней мере стремилась давать, продукты и предметы лучшего качества, чем частная торговля, и

2) продавала продукты и предметы или по более дешевым ценам, или по средним рыночным, увеличивая таким путем свою чистую прибыль и обращая ее на пользу своих членов (в отличие от частной торговли, где вся прибыль идет в руки предпринимателей), выдавая им дивиденды на паевые взносы, % на сумму забранных товаров или используя ее на удовлетворение различных нужд своих членов.

В период войны, до государственного регулирования распределения к изложенным преимуществам кооперации добавилось еще два:

3) кооперация обеспечивала, при недостатке продуктов и предметов на вольном рынке, возможность получения их хотя бы в минимальных размерах и

4) способствовала более быстрому распределению продуктов и предметов между своими членами.

Оценка всей деятельности кооперативной организации со стороны ее членов в период продовольственного кризиса зависела при этом почти исключительно от того количества продуктов, которые они при помощи ее получали.

Когда для части продуктов было установлено государственное регулирование их распределения, то по отношению к ним преимущества, даваемые кооперацией, потеряли свое значение или полностью, или в большей части.

Отпали совсем преимущества, помещенные выше в пунктах 1 и 3: кооперативы, как и все прочие распределительные пункты, получали продукты от продовольственных органов одинакового качества и должны были выдавать их по установленным общим для всех пунктов нормам.

В отношении быстроты распределения, как мы говорили выше, кооперация в настоящее время стоит на одинаковом уровне с распределителями, организованными продовольственными органами.

Продажная цена нормированных продуктов и предметов также не зависит от кооперации, и прибыль, получаемая от них, ограничивается минимальными размерами, устанавливаемыми продовольственными органами.

Таким образом кооперация, являясь в деле распределения нормированных продуктов и предметов не больше, чем простым исполнителем предначертаний продовольственных органов, может дать своим членам столько же, сколько дает им и всякий другой распределительный пункт.

Снабжение своих членов ненормированными продуктами и предметами, предоставление их в сколько-нибудь значительных количествах, понижение на них цен, вздутых вольным рынком,

организация доступных по цене столовых, организация различного рода помощи вымирающему юному поколению и т. д., и т. п.—вот те области торговой деятельности кооперации в современных условиях народно-хозяйственной жизни России, которые требуют затраты колоссальнейших средств, трудовых и материальных.

Работа в этих областях есть лучшее средство, чтобы потребители действительно ценили свои кооперативы и чувствовали с ними самую тесную связь.

В области же распределения нормированных продуктов кооперативный аппарат должен быть ничем формально не отличающейся и никаких формальных привилегий не дающей частью общего распределительного аппарата.

И в тех случаях, когда перед продовольственными органами встает вопрос об организации сети распределительных пунктов, то в первую очередь в сеть должны включаться уже существующие кооперативы, как обладающие наиболее сравнительно подготовленным личным составом (подготовленным не только практически, но и идеологически, а это очень важно) для участия в организованном распределении, с поручением кооперации обслуживать не только своих членов, но и все прочее население, живущее на определенной территории.

Мы полагаем, что такое решение вопроса особенно легко осуществимо в настоящее время с изданием декрета о слиянии всех кооперативов в два об'единения—общегражданскую и рабочую кооперацию. При той густой сети кооперативов, которая существует в большинстве городов, громадная часть населения, даже при механическом прикреплении, в конечном счете будет прикреплена к тому или иному кооперативному распределительному пункту. Правда, очень часто придется соединять в одном кооперативном распределительном пункте (принадлежащем общегражданской или рабочей кооперации) членов и той, и другой кооперации, но мы не видим к такому соединению каких-либо серьезных препятствий.

Но как быть в тех случаях, когда кооперативные пункты, при явно неудовлетворительной работе прочих пунктов, дают своим членам действительное преимущество в отношении правильности и быстроты распределения?

Ответ, диктуемый соображением о наилучшей постановке распределения, без причинения отдельным группам населения неудобств, без которых можно в крайнем случае и обойтись, может быть двоякий.

Или все дело распределения должно быть передано кооперативам, или кооперации, при механическом прикреплении населения к распределительным пунктам, должно быть предоставлено право обслуживать своих членов при обязательном соблюдении двух условий: 1) во всех без исключения районах города кооперация должна иметь свои распределительные пункты, чтобы не было переучета карточек кооперированного населения из района жительства в район нахождения кооперативного пункта, и 2) кооперированное население лишается при прикреплении того права выбора или иного кооперативного пункта, а опять-таки механически прикрепляется к кооперативному пункту рас-

поряжением продовольственного органа, руководящегося при этом соображением, чтобы каждый кооперативный пункт исчерпывающим образом обслуживал кооперированное население, живущее на территории, прикрепленной к определенным распределительным пунктам общего пользования.

В результате получатся отдельные участки города, все население которых будет обслуживаться определенными несколькими пунктами общего пользования и одним кооперативным.

Такое об'единение территорий, прикрепленных к отдельным распределительным пунктам, в известной степени затруднит работу контрольных организаций, но не лишит ее всех тех преимуществ, которые дает механический способ прикрепления населения к распределительным пунктам.

Глава IV.

Учет в области распределения.

Учет населения.

Движение населения в условиях существования организованного распределения является одним из важнейших элементов, без точного учета которого невозможно вообще организованное распределение.

Поэтому введению карточной системы, как форме организованного и регулируемого распределения, почти всегда предшествовал так или иначе производимый учет населения [1]).

В пореволюционное время, с переходом к планомерно осуществляемому регулированию распределения в общегосударственном масштабе, требование о необходимости производства предварительного, перед переходом к распределению по карточной системе, учета населения вошло и в те инструкции, которые издавались центральною властью в связи с переходом к распределению по карточной системе тех или иных продуктов (см. ст. 4—„примерной инструкции по организации карточной системы распределения хлебных продуктов“ от 6 июня 1917 г., или ст. 4 инструкции о распределении сахара от 24 июня 1917 года).

Кроме того, статьей 8-ой инструкции о распределении сахара предусматривалась необходимость производства, помимо единовременного учета населения перед введением карточной системы, также и „текущей регистрации движения населения. В частности желательно производить возможно чаще проверку наличного населения, по возможности приурочивая эту проверку к раздаче карточек“.

Таким образом указанные выше статьи инструкций, устанавливают, в целях правильного осуществления карточной системы распределения, необходимость организации учета населения трех видов: учета основного—единовременного перед введением карточного распределения, осуществляемого путем производства статистических переписей, материал которых и должен служить основанием для раздачи населению карточек, затем учет текущих

[1]) См., напр., „Карточная система в городах“—стр. 3 (Изд. союза городов)

изменений в населении, производимого при посредстве регистрации (статистической) этих изменений; наконец, исходя, вероятно, из соображений о невозможности правильной и исчерпывающей постановки текущей регистрации движения населения, признается необходимым производить проверки населения, по возможности приуроченные к моментам раздачи карточек.

О методах таких проверок населения—должны ли они носить характер статистически организованных переписей или какой либо иной—инструкция не упоминает. Нет в инструкции и указаний на то, должны ли эти проверки в каждом случае касаться всего населения или же только тех или иных частей его. Решение этих вопросов предоставлялось усмотрению отдельных продовольственных органов.

По существу своему эти проверки можно рассматривать, в отличие от *текущей* регистрации как регистрацию *основную* (подобие переписи), при том условии, конечно, что проверки эти организуются в соответствии с требованиями статистической методологии, если вообще им присущ статистический характер.

В соответствии с подразделением учета (регистрации) населения на основной и текущий мы и будем вести дальнейшее наше изложение.

Основной учет. Таким образом под основным учетом мы понимаем не только те переписи населения, которые должны предшествовать и фактически предшествовали введению карточных систем распределения, но и те „проверки населения" (выражаясь словами инструкции), которые также фактически производятся и служат основанием для раздачи карточек

Требование инструкции о проверках населения и желательности производства их в моменты раздачи населению карточек почти повсеместно вылилось в составление списков населения, по которым и производится раздача карточек.

При этом рабочими ведомостями для такого рода списков очень часто являются формуляры, имеющие много общего с обычного типа статистическими переписными формулярами, содержащими в себе большинство тех сведений, которые собираются при переписях населения, с добавлением граф о профессиональном положении отдельных лиц, необходимых для определения их прав на тот или иной размер продовольственного рациона.

В результате их заполнения мы имеем тот первичный материал, который получается при переписях населения обычного типа.

В местностях, где действует карточная система распределения мы, таким образом, можем констатировать факт очень частого производства основных учетов или переписей населения.

И возникает лишь вопрос о способах получения записей при этих учетах-переписях.

Типичным способом заполнения ведомостей, именуемых списками населения, является некоторое подобие тому способу, который в статистике именуется самосчислением [1]).

Самосчисление, согласно проф. А. А. Кауфману, сводится к тому, что „статистические формуляры, в виде правила, запол-

[1]) См. А. А. Кауфман „Теория и методы статистики", 3 изд., стр. 2[illegible]4.

няются непосредственно заинтересованными лицами, но раздаются они и отбираются обратно, в заполненном виде, агентами статистической организации—так называемыми счетчиками, которые при этом обязаны, с одной стороны, помогать заинтересованным лицам в заполнении формуляров, с другой—производить проверку внешней полноты, а в пределах возможности—и внутреннего содержания записей".

Инструкция счетчикам, участвовавшим в переписи населения гор. Петрограда в 1910 г., организованной по способу самоисчисления, следующим образом определяла их функции: до переписи счетчики должны вручить в каждой квартире необходимые для переписи материалы, об'яснить способы их заполнения и между прочими указаниями сообщить о категориях лиц, подлежащих внесению в регистрационные бланки и... „6) что городское общественное управление просит с особым вниманием отнестись ко всем вопросам, касающимся занятий жителей..."; во время переписи счетчик, обходя квартиры и отбирая заполненные бланки, должен „не выходя из квартиры удостовериться в том: ...2) что все бланки заполнены ответами по всем вопросам и во всем согласно с наставлением для квартирохозяев... неправильные и неполные ответы должны быть исправлены или дополнены счетчиком со слов квартирохозяина".

Самоисчисление, следовательно, предоставляя наиболее активное участие в заполнении формуляров переписи самому населению, сопровождается, как обязательное условие, работой и агентов статистической организации, с приданием этой работе главным образом контрольного характера.

В составлении списков населения для получения по ним продовольственных карточек обязанность заполнения формуляров возлагается обычно на население—и в этом способ заполнения списков, применяемый продовольственными органами, копирует способ самоисчисления.

Но участие агентов продовольственных органов в составлении списков, в части контроля их, в большинстве случаев отсутствует, и списки, заполненные населением, прямо передаются продовольственному органу. Это отсутствие активного участия организации, собирающей сведения, в заполнении формуляров и отличает подобный способ от способа самоисчисления.

Возложение в некоторых местностях контроля ведомостей, заполненных населением, на домовые организации, администрацию и т. п. хотя и создает фикцию контроля, но дать те гарантии правильности сведений, которые в известных пределах дает способ самоисчисления, не может по целому ряду причин.

Главнейшей из них мы считаем различие между агентами статистических органов и упомянутыми нами организациями в отношении их подготовленности к выполнению роли контролеров сведений, даваемых населением.

Агентами статистических органов в русских условиях обычно являются лица, специально на эту работу приглашенные и соответственно инструктированные. Надо полагать, что и в момент приглашения, и в процессе инструктирования из среды приглашаемых устраняются элементы, не удовлетворяющие необходимым требованиям, и к работе в результате допускаются лица, наиболее

к ней подготовленные. Выбор таких лиц производится, исходя из соображений о их пригодности к работе по переписи.

Совершенно другое положение наблюдается при возложении контрольных функций на лиц, принадлежащих к составу домовых организаций или администраций.

Здесь продовольственный орган, производящий проверочную перепись населения, имеет круг лиц, выполняющий контрольные функции, составленный без его участия и без всякого отношения к пригодности их к выполнению тех статистических функций, которые возлагаются на них в числе многих других обязанностей.

Инструктирование лиц из состава домовых организаций или администрации об их статистических обязанностях осуществить почти невозможно, и фактически никогда, за единичными исключениями, такое инструктирование не организовывается.

Положение осложняется еще тем обстоятельством, что фактически и на агентах переписных органов, производящих переписи способом самоисчисления, и на лицах органов домового управления лежат обязанности не только по контролю уже занесенных в переписные формуляры сведений, но, в случаях неграмотности населения, и их заполнение.

Если лица домовых органов мало пригодны в общем своем составе к контролю сведений, то тем менее пригодны они к выполнению последней задачи.

Даже в таких городах, как Москва и Петроград, среди лиц, выбранных населением отдельных домов для заведывания карточным делом, есть определенный и довольно высокий % лиц малограмотных. Ясно, что выполнение ими своих обязанностей по составлению формуляров является делом часто неосуществимым в силу указанной только что причины, а возложение на них обязанностей контролеров сводится к простой фикции.

Но даже и в тех случаях, когда мы имеем дело с лицами грамотными и более или менее культурными, положение улучшается в незначительной степени.

Как ни просты обычно вопросы, заключающиеся в списках населения, представляемых в продовольственные органы для получения карточек, но в подавляющем большинстве случаев списки содержат в себе вопросы о занятиях населения, считающиеся демографической статистикой труднейшими для дачи правильных и однообразных показаний.

Если наиболее трудно поставить правильную регистрацию занятий населения при переписях, организуемых при помощи самоисчисления и даже опроса (считающегося лучшим способом регистрации), т. е. с участием в той или иной форме лиц, имеющих специальную подготовку, то заранее можно сказать, что домовые органы сколько нибудь удовлетворительно провести регистрацию занятий, конечно, не смогут.

Между тем для нужд продовольственных органов правильная регистрация занятий, служащих признаком отнесения отдельных лиц в ту или иную категорию продовольственного пайка, носит материальный характер и является особенно важной.

Еще одно соображение, опорочивающее способ учета населения при помощи домовых органов, сводится к тому, что цель переписки (получение карточек, дающих право на приобре-

тение различных продуктов и предметов) известна всем и стимул дать неверные, наиболее выгодные для населения показания и об общем числе населения, и об его возрастном составе (для получения детских дополнительных карточек), и о занятиях настолько значителен, что заранее надо предположить о безусловном его влиянии.

Домовые органы, выбираемые населением, часто им оплачиваемые, находящиеся таким образом в материальной зависимости от своих избирателей, связанные с последними рядом отношений, сами заинтересованные, как и прочее население, в получении большего числа карточек—могут ли при таких условиях эти органы стоять на высоте пред'являемых к ним требований?

Цифры, характеризующие работу домовых органов в деле регистрации населения, дают на этот вопрос ответ безусловно отрицательный. Например, по г. Москве по переписи населения, произведенной статистическими органами (профессиональной переписи в апреле 1918 г.), по сравнению с данными о розданных карточках, выдача которых основывается на регистрации населения домовыми организациями, населения оказалось меньше на 29% по сравнению с числом хлебных карточек и на 35% меньше по сравнению с продуктовыми карточками (1.694.971 чел. по переписи и 2.188.499 хлебных и 2. 281.320 продуктовых карточек). В Петрограде эта разница (при переписи населения в июне 1918 г.) составила 20% для всего населения (1.478.141 чел. по переписи и 1.773.636 по данным о розданных 1 июня карточках) и 24% для детей до 12 лет (262.612 детей по переписи и 334.109 по данным о розданных карточках).

Приведенные соображения и цифры выработали в продовольственных органах определенное отрицательное отношение к рассмотренному только что способу учета населения.

В целях его улучшения, по отношению к тем вопросам, ответы по которым возможно подтвердить документами, стала применяться система такого подтверждения. Это относится главным образом к подтверждению соответствующим документом показаний о возрасте и роде занятий.

Так сказать документизация показаний считается гарантией их правильности.

Документизация сведений о населении, насколько нам известно, в своей наиболее совершенной форме впервые была применена в Москве.

Московская городская продовольственная организация ввела карточную регистрацию всего населения, при которой на каждое лицо составляется особая карточка, заключающая в себе все сведения, необходимые для определения прав лица на рацион того или иного размера. Причем все сведения, даваемые в регистрационной карточке, должны быть заверены для служащих и рабочих должностными лицами по месту работы, а для неслужащей части населения—домовыми комитетами.

Подобные регистрационные карточки применяются и в ряде других городов (Петроград, Пенза и т. д.).

Насколько подобная регистрация населения устраняет возможность злоупотреблений со стороны населения в его показаниях о количестве населения и его качественном составе, судить,

в виду отсутствия прямых данных по этому вопросу, мы не беремся. Но соображения общего характера и некоторые косвенные цифровые показатели, которыми мы располагаем, заставляют нас отнестись к такому приему учета населения, ставящего себе также задачу и текущего учета изменений происходящих в населении, с большей долей скептицизма.

Переход от простого учета населения через посредство органов домового управления к документизированному учету имеет свое и, надо сказать, довольно большое значение, в сокращении числа населения, получающего карточки и в приближении этого числа к фактическому количеству населения, проживающему на территории продовольственного органа, но в дальнейшем, в деле правильного учета изменений в населении и снятия с учета тех лиц, которые уезжают за пределы территории подведомственной данному продовольственному органу или переезжают с одной квартиры на другую, значение документизированного учета крайне невелико.

В Петрограде переход от учета через домовые органы к документизированному учету вызвал сокращение числа карточек более чем на 13%—в декабре 1918 г. было 1.288 тыс. человек, а в январе 1919 г.—1.138 тыс. человек. И это при условии, что до перехода к документизированному учету количество населения было по данным домовых органов по отдельным месяцам довольно устойчивым (в сентябре—1.286 тыс., в октябре—1.271 тыс. и в ноябре-декабре—1.288 тыс.).

В Москве применение документизированного учета вызвало сокращение числа карточек почти в такой же степени: в период май—август было карточек на 1.930 тыс. чел., а в период сентябрь—декабрь—на 1.703 тыс. чел., что дает сокращение более чем на 14%.

Малое же значение документизированного учета для целей текущей регистрации изменений в населении и извлечения из рук населения карточек лиц, уехавших, умерших и переехавших с квартиры на квартиру, видно из следующих данных о числе карточек, находившихся на руках у населения гор. Москвы по месяцам 1918 г.

Было карточек в сентябре—1.435.879 (при раздаче карточек)
„ „ „ октябре —1.553.667
„ „ „ ноябре —1.619.192
„ „ „ декабре —1.711.146

Стало карточек при новой раздаче в январе 1919 г.—1.415.859.

Приведенные цифры говорят о том, что документизированный учет не предотвратил роста карточек от одного случая раздачи карточек к другому и рост этот по отношению к количеству карточек обоих случаев раздачи карточек составляет около 19% (1.711 тыс. по сравнению с 1.435 тыс. и 1.415 тыс.).

Если населению удается, в условиях применения документизированного учета, в период времени в 4 месяца, протекающий между двумя случаями возобновления продовольствия карточек, увеличить за счет передвигающегося населения на 19% число

карточек, находящееся у него на руках, то где гарантии того, что и в числе карточек выдаваемых населению в момент их раздачи, нет карточек, даваемых „мертвым душам".

Отсутствие таких гарантий и заставляет нас отнестись с определенным скептицизмом к возможности наиболее правильно организовать учет населения при помощи выше описанного документизированного учета.

Какой же способ учета населения может дать продовольственным органам наибольшие положительные результаты?

Ответ на этот вопрос может быть только один: правильно составленная перепись, с соблюдением всех требований статистической методологии—вот единственный способ получить наиболее правильные, и количественного, и качественного достоинства, сведения о населении.

Никакого иного способа нет.

И в отношении применения именно этого совершенного способа мы должны констатировать малую его распространенность.

В Петрограде с 10 марта 1917 г.—момент производства переписи, предшествовавшей введению карточной системы, до настоящего времени (2/VI—1918 г.), т.-е. почти за два года, была лишь одна перепись.

В Москве последняя перепись была в апреле прошлого 1918 г. (не специально продовольственная, а профессиональная).

В провинции помимо переписи городского населения 1917 г., проводившейся в общегосударственном масштабе, переписи специально для удовлетворения нужд продовольственного дела также крайне редки.

Но может ли правильно организованная статистическая перепись дать действительно достоверное (хотя бы в статистическом понимании этого слова) представление о населении—его количественном и качественном составе?

Исчерпывающего ответа статистического характера, т.-е. ответа, основывающегося на анализе соответствующих цифровых данных, мы дать на этот вопрос не можем, так как не имеем соответствующего материала (да и вряд ли он имеется вообще). Основываясь на материалах, которыми мы располагаем, мы можем статистически говорить лишь об *относительных* достоинствах различных способов основного учета населения.

Таких способов нами выше указывалось три: 1) учет при посредстве домовых организаций, 2) тот же учет, но осложненный документизацией сведений, и 3) статистическая перепись.

Для сравнительной характеристики различных способов учета, мы считаем возможным взять данные о количестве карточек, находящихся на руках у населения, и об изменении их количества при различных способах учета населения. Причем для статистических переписей мы берем для сравнения, с одной стороны, число населения по переписи и число карточек, находящихся на руках у населения приблизительно в момент производства переписи, в силу чего мы можем видеть, насколько разнятся данные переписи и данные других способов учета.

В Петрограде статистическая перепись населения дала по сравнению с количеством населения, полученного в результате

учета при помощи домовых организаций, число населения на 20% меньше (1.478 тыс. по переписи по сравнению с 1.751 тыс. по данным учета через домовые организации).

Но эта разница является преуменьшенной. Количество населения по данным домовых организаций взято нами за июнь месяц, когда домовые организации под влиянием выборочных статистических переписей (подробно о которых будет сказано ниже в разделе настоящей главы, посвященной работе контрольных организаций) вынуждены были давать сведения о населении, более близкие к действительности.

Если же мы возьмем данные о населении за март месяц, когда не было влияния выборочных статистических переписей, то по сравнению с этими данными перепись населения 2 июня даст количество населения на 40% меньше (1.478 тыс. против 2.146 тыс.).

Документизированный учет, производимый при посредстве домовых организаций, вызвал, как мы указывали выше, в момент своего применения понижение количества населения в Петрограде на 13% (1.138 тыс. против 1.288 тысяч).

Наконец, простой учет населения, производимый при посредстве домовых организаций, фактически происходящего изменения населения в Петрограде уловить не смог. Это подтверждается следующими данными за 1917 и 1918 г.г.

Было населения:	Сентябрь 1917 г.	— 2.273 тыс.
	Октябрь „	— 2.204 „
	Ноябрь „	— 2.255 „
	Декабрь „	— 2.224 „
	Январь 1918 г.	— 2.240 „
	Февраль „	— 2.240 „

При безусловном уменьшении населения в эти месяцы домовые организации давали почти одни и те же цифры населения, если не считать не имеющих серьезного значения колебаний в числе населения по отдельным месяцам.

По данным о г. Петрограде, только что нами приведенным, можно сделать определенное заключение, что наиболее близкое к действительности представление о количестве населения дает статистическая перепись (40% по одному расчету и 20% по другому расчету уменьшения против учета, производимыми домовыми организациями), значительно меньшая близость к действительности получается при документизации учета, производимом домовыми организациями (уменьшение населения на 13% по сравнению с простым учетом, производимым теми же домовыми организациями), и наиболее неудовлетворительные результаты получаются при простом учете при посредстве домовых организаций.

Данных по другим городам, подобных приведенным нами по гор. Петрограду, мы при всем желании и стремлении к тому, чтобы этими данными располагать, получить не смогли.

Причин к этому много и они разнообразны: или не было переписей населения статистического характера, или они были,

но нет современного им материала о населении по данным других видов учета и т. п.

Воспользоваться какими бы то ни было готовыми выводами или цифровыми анализами, освещающими затронутый нами вопрос, мы также не можем, так как таковых работ не знаем ни среди продовольственно-статистической литературы, ни среди тех неопубликованных материалов, находящихся в распоряжении отдельных продовольственных органов, с которыми мы имели возможность ознакомиться [1]).

Несколько освещают вопрос о сравнительном значении различных способов основного учета населения те цифровые данные, которые имеются по г. Москве.

Каковы результаты применения в Москве простого учета, производимого при посредстве домовых организаций, мы решить не можем, в виду отсутствия в нашем распоряжении необходимых сведений.

Применение документированного учета, производимого также при посредстве домовых организаций, дало, как мы указывали выше, сокращение числа карточек более чем на 14% (в период май—август 1.946 тыс. и в период сентябрь—декабрь 1.703 тыс.).

Профессиональная перепись в апреле 1918 г. дала количество населения на 29% менее числа населения, судя по числу находившихся на руках у населения хлебных карточек и на 34% менее против числа населения, судя по количеству продуктовых карточек.

Не имея возможности и по Москве сделать оценку различных способов учета и сказать, насколько каждый из них дает цифры населения, близкие к действительности, мы все же можем вывести то заключение, что статистическая перепись дает количество населения более близкое, чем какой-либо другой способ учета из выше названных.

Лично для нас указанный вывод является безусловно правильным.

В связи с ним возникает лишь вопрос о том методе, который должен применяться при переписях населения, производимых для удовлетворения запросов, пред'являемых продовольственными органами.

Надо ли применять метод, именуемый на статистическом языке, методом самоисчисления, или же должно применить другой метод, именуемый изустным опросом?

Что статистика понимает под методом самоисчисления, мы указали выше. Остановимся на сущности метода изустного опроса.

Проф. А. А. Кауфман следующим образом определяет метод изустного опроса [2]).

---

[1]) К таким органам относятся органы тех губерний, которые перечислены нами выше, в главе II, причем знакомство наше с органами губерний Петроградской, Московской Пензенской, Тамбовской, Смоленской, Иваново-Вознесенской происходило путем личных их посещений, с остальными—путем разговоров с их представителями, бывшими на продовольств. курсах при Наркомпроде в Москве.

[2]) См. „Теория и методы статистики", 3 изд., стр. 264—265.

— „В этом случае—при применении изустного опроса—регистрирующий орган играет несравненно более активную роль, чем при самосчислении: он *опрашивает* на словах и *записывает* [1])даваемые изустно ответы на вопросы, население же играет пассивную роль—оно является в полном смысле слова „об'ектом“ статистического опроса. При этом регистрирующий орган отнюдь не должен и не может ограничиваться механическим прочитыванием вслух вопросов формуляра и механическим записыванием ответов—он уже путем целесообразной, приспособленной к пониманию опрашиваемого постановки вопросов, а затем помощью соответственных раз'яснений и разного рода наводящих и контролирующих приемов, должен вести дело к тому, чтобы получить соответствующие смыслу вопросов и сообразные с действительностью показания; он имеет право и обязан входить во внутреннюю критику ответов и, в случае явно неполных или неправильных ответов, должен стремиться к достижению возможно полных и возможно правильных показаний“.

Какой из двух названных нами методов получения сведений—самосчисление или изустный опрос—является лучшим по даваемым результатам, среди статистиков, как теоретиков, так и практиков, является спорным. При чем спорность этого вопроса существует главным образом среди западно-европейских статистиков. У нас же в России, по крайней мере фактически, метод изустного опроса является наиболее признанным.

И в применении к предполагаемой 2 всероссийской переписи населения, по мнению того же проф. А. А. Кауфмана,.. одним из важнейших условий успеха этой переписи... является совершенное устранение „письменного приема“ (т. е. самосчисления—Н. В.) и замена его как в городах, так и в сельских местностях, изустным опросом...“ [2]).

Если для переписей населения обычного типа метод самосчисления признается менее удовлетворительным, чем метод изустного опроса, то тем паче должен быть безоговорочно отвергнут метод самосчисления для продовольственных переписей населения.

Когда решается вопрос о выборе метода собирания сведений при организации переписей населения обычного типа, то применением того или иного метода стремятся разрешить, главным образом, лишь одну задачу—получить наиболее правильные ответы на вопросы о качественном составе населения. Вопрос о количестве населения, о получении наиболее достоверной цифры самого населения в выборе метода почти никакого значения не имеет. Эта сторона дела, при обычной переписи, разрешается удовлетворительно обоими методами.

Наиболее полный учет всего населения при переписях обычного типа достигается преимущественно не путем применения того или иного метода получения сведений, а путем наиболее правильной организации регистрационного аппарата и исчерпывающего выяснения всех тех населенных пунктов, а в пределах их—отдельных владений и жилых помещений, население которых должно быть переписано.

---

[1]) Курсив в обоих случаях наш. Н. В.
[2]) Там же, стр. 270.

Когда это сделано удовлетворительно и регистрирующий орган столкнулся непосредственно с населением, ему почти нет никаких оснований опасаться недоучета или переучета населения, за исключением заранее известных случаев — переезда с квартиры на квартиру в период переписи и в связи с этим возможной двойной регистрации по обоим местам жительства или, в случае кратковременного отсутствия отдельных лиц, возможен пропуск таких лиц и т. п. Борьба с такими явлениями возможна при обоих методах.

При переписях обычного типа у населения нет, как общего правила, мотивов для дачи неверных показаний о количестве населения. Лишь в отношении показаний о качественном составе населения при переписях обычного типа, благодаря неправильному пониманию населением задач и целей переписей, возможны в той или иной его части стремления дать показания неотвечающие действительности.

Но помимо показаний, не отвечающих действительности, являющихся результатом сознательных стремлений населения, выражения так сказать злой воли его, неправильные показания могут быть следствием и простого непонимания населением предлагаемых ему вопросов; наконец, могут быть случаи, когда население дает на один и тот же вопрос различные по существу ответы, что обуславливается неодинаковым пониманием предлагаемых вопросов.

Лучшим способом борьбы со всеми этими явлениями, неизбежными в процессе собирания статистических данных, доведения их влияния на качество переписного материала до возможного минимума и является, по мнению многих статистиков, изустный опрос населения.

Благодаря применению изустного опроса статистика получает наибольшие гарантии в том, что собранный материал дает с наибольшим приближением к действительности абсолютные числовые выражения и общего количества изучаемого явления (будь то население или какой-либо иной объект статистического изучения, безразлично), и характеризующих его отдельных признаков.

Так обстоит дело в условиях производства обычных переписей. Какая же разница между переписью населения обычного типа и переписью населения для нужд продовольственного дела?

Задача обычной статистической переписи населения—*учесть как само население, так и те или иные признаки, характеризующие население в их массе.* Отдельное лицо, семья, хозяйство со всеми признаками, их характеризующими, фиксация их количественного выражения для обычной переписи есть не цель, а лишь средство получить те массовые выводы, которые и составляют основную цель статистических переписей чистого вида, не осложненных иными, не статистического характера требованиями, к ним предъявляемыми.

Совершенно иная задача переписи населения, хотя и носящей все признаки чисто статистической операции, но осложненной требованием удовлетворить запросы продовольственных органов.

При производстве переписей, используемых в продовольственных целях, задачи массового учета или менее важны, или равнозначущи задачам индивидуального учета отдельных лиц со всеми признаками, характеризующими их в продовольственном отношении. Одной из основных задач продовольственной переписи населения является *инвентаризация* этого населения, в целях наиболее точного определения прав отдельных лиц на продовольственный рацион того или иного размера.

В первый период применения карточной системы распределения отдельные города России знали даже такие случаи, когда переписи населения сопровождались раздачей зарегистрированным лицам, немедленно по заполнении статистических формуляров, причитающихся им продовольственных карточек [1]).

Такая система распространения (ни в пространстве, ни во времени) не получила, почему о результатах ее говорить мы не беремся.

Задача *инвентаризации* населения, выполнить которую должны продовольственные переписи, сложна вообще и особенно сложна в современных условиях работы продовольственных органов, в той общей обстановке, в которой эта работа протекает.

При условии существования системы распределения продуктов и предметов, предусматривающей разделение населения на три категории и выделения из всего населения малолетней его части с подразделением ее в свою очередь также на несколько категорий, при таких условиях, требующих максимальной точности качественных характеристик отдельных лиц, тот или иной метод получения ответов от населения, возможность при помощи того или иного метода получить ответы, наиболее отвечающие действительности, приобретает решающее для успешности или неуспешности всей переписи значение, а в конечном результате—и всей работы в области распределения.

И если, в условиях производства переписей населения обычного типа, так сказать, острие применяемого метода получения ответов направляется почти исключительно, или по крайней мере преимущественно, на то, чтобы улучшить (в направлении однообразия в понимании вопросов и приближения ответов на них к действительности) качественный учет населения, то при производстве продовольственных переписей острие метода должно равномерно направляться и на учет количества населения, и на учет признаков, характеризующих его в качественном отношении.

В переживаемых нами условиях всякого рода статистические обследования, вне зависимости от характера задач, ими преследуемых, встречаются широкими кругами населения с большим недоверием и недовольством—тем паче должны проявляться эти чувства в тех случаях, когда перепись производится в целях организации продовольствия.

И метод, применяемый к такого рода переписям, в первую голову должен давать наиболее широкие возможности для борьбы с настроениями населения, с его подчас враждебным к переписи отношением.

---

1) См. „Карточная система в городах", изд. Союза Городов, стр. 9.

Тот метод, который сопровождается наибольшим общением регистрирующего органа с населением, и должен быть признан лучшим для производства продовольственных переписей населения. Таким методом, по существу своему и приемам работы, из него вытекающим, является метод *изустного опроса*.

Переходя к условиям выяснения количественного и качественного состава населения при производстве продовольственной переписи мы столкнемся с одним имеющим существенное значение для результатов переписи явлением.

Население заинтересовано в том, чтобы дать неверные показания и о количестве населения, и о признаках, его характеризующих—в отношении последних особенно тогда, когда они влияют на размер получаемого продовольственного рациона (как, напр., возраст, источники средств существования, род занятий и т. д.).

В отношении количества населения последнее стремится отступить от действительности в сторону преувеличения его числа, а в отношении качественной характеристики—в сторону изменения действительности в направлении, наиболее благоприятном для увеличения прав на продовольственный рацион. Отсюда уменьшение числа лет детям, стоящим на грани между двумя возрастными группами, если младшая группа получает паек больший, чем старшая, или преувеличение числа лет при обратном соотношении между пайками. Отсюда стремление скрыть свои нетрудовые источники средств существования, придать нефизической работе характер физической и т. п.

Борьба со всеми этими стремлениями населения, лучшие способы этой борьбы должны даваться методом собирания данных.

Метод собирания данных должен быть таков, чтобы при его применении в наибольшей степени „путем целесообразной, приспособленной к пониманию опрашиваемого постановки вопросов, а затем помощью соответственных разъяснений и разного рода наводящих и контролирующих приемов“... возможно было... „получить соответствующие смыслу вопросов, и *сообразные с действительностью показания*...“ (слова, взятые в ковычки,—из определения проф. А. А. Кауфманом метода изустного опроса, цитированного нами выше. Курсив наш. Н. В.).

Если мы применим метод самоисчисления, при котором в большинстве случаев заполнение бланков будет поручено квартирохозяевам или главам семей (т.-е. лицам, кровно заинтересованным в даче преувеличенных показаний о количестве населения и в сообщении несоответствующих действительности показаний о качественном составе населения), а за регистрирующим органом сохраним ту роль, которая ему принадлежит при методе самоисчисления—„производить проверку внешней полноты, а в пределах возможности — и внутреннего содержания записей“ (по Кауфману), то вряд ли при такой организации собирания необходимых данных о населении мы получим материал, по высоте своей доброкачественности вполне соответствующий современному состоянию статистической техники.

Применяя в условиях производства переписи населения обычного типа метод самоисчисления и возлагая на регистриру-

ющий аппарат обязанность проверки главным образом лишь внешней полноты показаний квартирохозяев или глав семей, отодвигая на второй план проверку показаний по существу, мы поступаем статистически правильно. При контроле показаний по их существу, осуществляемом „в пределах возможности", мы заранее можем знать, что большинство погрешностей нами, благодаря не в полной мере осуществленному контролю, неисправленных и оставшихся в собранном материале, не смогут сделать вообще весь собранный материал непригодным для разрешения тех задач, которые стоят перед переписью обычного типа: они потонут в общей массе собранного материала.

Чтобы получить материал такой же достоверности, но в условиях производства продовольственной переписи населения, нам придется при методе самосчисления применить контроль внутренней достоверности показаний (понимая под этим и достоверность показаний о количестве населения) самого исчерпывающего характера, осуществлять его в отношении каждого бланка, заполненного самим населением. В противном случае мы потеряем право сказать—мы население не только переписываем, но и инвентаризуем.

В результате нам придется потратить на проверку внутренней достоверности записей такое количество времени и труда, которое вполне было бы достаточно для проведения всей переписи по методу изустного опроса, если не больше. И вряд ли мы все-таки получим в той же степени благоприятный результат, который может дать метод изустного опроса.

Причина и вероятно большей затраты труда, и меньшей полезности его результатов, по нашему мнению, сводится к одному и тому же.

Для населения психологически легче отказаться от неверных показаний, когда эти показания даются в разговоре с регистратором (или счетчиком, по обычной терминологии) и записываются последним, чем когда те же неверные показания даны самим населением в письменной форме. Для регистратора же гораздо легче добиться изменения показаний данных изустно, чем уже написанных. Кроме того, в этом мы видим центр тяжести всех доказательств в пользу применения метода изустного опроса: соответствие показаний действительности может быть достигнуто наилучшим образом именно в процессе изустного опроса, когда перед глазами регистратора проходят постепенно все элементы, характеризующие и всю семью или хозяйство в целом, и отдельных лиц, составляющих эту семью или хозяйство, чем то же самое может быть достигнуто при просмотре (просмотре наспех) уже заполненного бланка.

К регистратору при обоих методах получения показаний должно быть предъявлено требование—он обязан внимательно отнестись к каждому бланку. Его надо заставить это делать.

Метод изустного опроса дает для этого несравненно больше возможностей, чем метод самосчисления.

По всем соображениям, нами развитым, надо признать, что при производстве переписей населения для нужд продовольственных организаций предпочтение должно быть отдано методу изустного опроса.

Когда продовольственная организация г. Петрограда в начале 1918 г. приступила к подготовительным работам по производству переписи населения, то комиссия, в составе представителей научной и общественной статистики (проф. А. А. Кауфман, проф. В. В. Степанов, П. И. Попов, И. Ф. Макаров и др.), после долгого и всестороннего обсуждения вопроса о выборе способа получения записей, пришла подавляющим большинством голосов к решению применить при собирании данных метод изустного опроса.

Но может ли и метод изустного опроса, являющийся лучшим орудием регистрации массовых социальных явлений, удовлетворить нужды продовольственных органов, когда перед ними, наряду с задачей изучения населения в его массе, стоит и иная столь же важная задача инвентаризации населения, установления тех индивидуализирующих каждое отдельное лицо признаков, которые в конце концов определят его право на продовольственный рацион того или иного размера?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Задача, удовлетворительно разрешаемая применением метода изустного опроса, сводится к тому, что при его помощи возможно получить, говоря словами проф. А. А. Кауфмана, „сообразные с действительностью показания".

Что собственно значит выражение „сообразные"?

Если при заполнении опросного бланка на хозяйство, или семью, мы зарегистрируем главу семьи 27 л., жену 24 л. и ребенка 2 л., в то время, как ребенку в действительности уже 3 г. 2 м., будет ли наша запись сообразна действительности?

Или запишем занятие главы семьи—„чернорабочий такого-то завода", тогда как он—служитель этого завода и его работа—окарауливание помещения,—оплачивается приблизительно так же, как и работа чернорабочего,—будет ли это сообразно действительности?

В обоих случаях мы запишем показания, сообразные с действительностью.

Руководствуясь приемами внутреннего контроля показаний, сопоставляя между собою показания об отдельных элементах опрашиваемого хозяйства, мы не увидим в указанных нами неправильностях ничего, чтобы заставило нас предположить о несообразности полученных ответов действительности.

Супружеская пара в возрасте 24—27 л. может иметь ребенка 2 л.,—и это вполне обычное явление.

Лицо, зарабатывающее столько-то, может быть и чернорабочим, несущим физический труд, и служителем, физической работы не выполняющим. То и другое вполне обычное явление.

И ошибка подобного рода не имеет особо важного значения для целей обычной переписи, их присутствие, конечно, понижает качество собранного при переписи материала, но не обесценивает его до такой степени, чтобы признать результаты переписи не отвечающими, несообразными действительности.

Между тем продовольственный орган, руководствуясь в своих практических целях собранными данными, впадает в ошибку и возможно даже грубую ошибку—ребенку выдает дополнительную карточку для детей до 3 л., вместо карточки для

детей от 3 до 12 лет, а главе семьи, из нашего второго случая, выдает при действии „классового пайка“ карточку 1 категории, как лицу, занятому физической работой, вместо полагающейся ему карточки 2 категории, как служителю при заводе.

Устранить такого рода несоответствия действительности при методе изустного опроса невозможно. Возможна борьба с ними путем постановки различного рода дополнительных вопросов, затрудняющих неверные показания, но далеко не полное их устранение.

И неполнота их устранения, может быть благодаря сознательному стремлению населения дать подобного рода неверные показания, очень значительна.

Устранить неверные показания, или по крайней мере свести их до возможного минимума, возможно лишь при *документизации* показаний.

Показания, влияющие на размер прав при определении продовольственного рацона, должны быть по возможности подтверждены документами.

Возраст, пока он влияет на размер рациона—выпиской из метрической книги или книги записи актов гражданского состояния, занятие—удостоверением предприятия или учреждения по месту работы или службы, и т. д.

Если, как мы видели выше, статистические переписи дают количество населения по сравнению с данными о розданных карточках на 35—40% меньше, а применение документизированного учета через домовые органы уменьшает число карточек на 13—14%, то применение учета населения, статистически правильно организованного и связанного с документизацией некоторых имеющих материальное значение показаний, должно дать наибольший эффект—и в отношении определения общего количества населения, и в отношении качественной его характеристики, на основании которой возможно наиболее правильно распределить население по различным категориям продовольственного рациона, устанавливаемых той или иной системой распределения.

Текущий учет населения. Для продовольственных органов текущая регистрация всех изменений, происходящих в составе населения неразрывно связана, с одной стороны, с обязанностью снабжать карточками вновь прибывающее население, а с другой стороны—с необходимостью получать карточки от населения выбывающего.

Текущий учет населения для продовольственных органов сливается с текущим учетом продовольственных карточек, находящихся на руках у населения. И эта вторая задача является для продовольственных органов преимущественной. В силу этого в целом ряде городов продовольственные органы, совершенно отказываясь от регистрации временно проживающих лиц, не пред'являющих претензии на получение продовольственных карточек, сосредотачивают свое внимание исключительно на постоянном населении, снабжаемом нормированными продуктами и предметами на общих основаниях по карточной системе.

Все те затрудняющие правильную постановку регистрации условия, кроющиеся в отношении к ней населения, на которые мы указывали в связи с обсуждением вопроса об основной реги-

страции, сохраняют свое значение и при регистрации текущих изменений в составе населения. У населения будет прежде всего стремление или избежать регистрации убывающей части населения совсем, или оттянуть факт регистрации возможно дольше, чтобы воспользоваться карточками, оставшимися от убывших лиц. Будет стремление преувеличить число прибывших, уменьшить число уехавших (если вообще избежать регистрации нельзя), сообщить неверные данные о качественном составе и тех, и других, чтобы получить или удержать карточки высших категорий и отдать карточки низших категорий, и т. д., и т. п.

Насколько указанные стремления населения в своем осуществлении приобретают крупные размеры и являются существенными в деле экономного расходования продуктов и предметов, дают представление уже приводившиеся нами выше данные:

Данные по г. Петрограду (за 1918 г.).

Было карточек на руках у населения на 31 июля	1.526,498	
Выдано при новой раздаче карточек 1 августа	1.407.819	
Уменьшение на „	118.579	или 8,4%
Тоже „ 31 августа.	1.382.747	
„ „ 1 сентября	1.216.803	
Уменьшение „ „	165.944	или 13,6%

Данные по г. Москве (за 1918 г.).

Было карточек на руках у населения на 30 апреля.	2.212.633	
Выдано при новой раздаче карточек на 1-го мая	1.954.118	
Уменьшение на „	258.555	или 13,2%
Тоже „ 31 августа	1.929.808	
„ „ 1 сентября	1.435,879	
Уменьшение „ „	493.929	или 34,4%
Тоже „ 31 декабря	1.711.146	
„ „ 1 января 1919 г. .	1.415.859	
Уменьшение „ „ . . .	295.287	или 20,8%

Из этих данных видно, что населению г. Москвы и Петрограда удается задержать у себя до момента новой раздачи, или, вернее, не удается задержать и после момента новой раздачи, от 8,4 до 34,4% общего количества карточек, находившихся у него на руках к концу действия карточек старого выпуска.

Каким же путем возможно избежать неправильностей в деле текущей регистрации населения и получить гарантии того, что число карточек, выданное населению, соответствует действительному его количеству. Какими путями надо идти, чтобы регистрация движения населения и связанное с ею получение и возвращение карточек совершались своевременно и правильно?

И прежде всего—разрешимы ли эти задачи, если при регистрации текущих изменений воспользоваться обычными приемами регистрации движения населения, практикуемыми органами управления? Или же для продовольственных органов с их специальными задачами необходимы и особые, к этим специальным задачам приспособленные приемы регистрации населения?

Насколько действительны приемы административной регистрации движения населения, когда регистрация возлагается на само население и органы домового управления, говорят приведенные нами цифры по Москве и Петрограду, и говорят вполне отрицательно.

Иного же способа регистрации в процессе работы продовольственных органов различных городов до настоящего времени, поскольку нам известно, не создано. Выработаны лишь и применяются некоторые меры, понуждающие регистрировать факты выезда отдельных лиц за пределыгорода и факты переездов с одной квартиры на другую, а также сообщать отвечающие действительности показания о количестве и качественном составе прибывающего и выбывающего на селения. При чем надо заранее оговориться, что все эти меры не дают, да и не могут дать, действительных и исчерпывающих гарантий своевременности совершения регистрации и правильности даваемых при ней показаний.

Меры эти носят различный характер по отношению к отдельным моментам и элементам регистрации, почему для удобства их обзора мы их и разобьем по тем моментам регистрации, к которым они относятся.

Регистрация прибывающего населения. Количественный состав. Для производства регистрации вновь прибывшего населения и выдачи ему карточек обычно требуется прописной документ, уже явленный в милиции.

Не получая таким путем гарантий в достоверности указываемого количества прибывшего населения, продовольственный орган тем не менее получает некоторую уверенность в том, что регистрируемые лица или до настоящего времени в пределах данной территории не проживали (т. к. из прописного документа может быть видно место прежнего жительства) и имеют право на получение продовольственных карточек, или если и проживали, то поступили или должны будут поступить с карточками, полученными по старому месту жительства, согласно установленными правилам.

Полной уверенности в том, что лицо, ранее проживавшее в другом районе в пределах одной и той же продовольственной территории и при переезде в новый район заявляющее о приезде из провинции, будет уличено в неправильной даче сведений, прописной документ не может дать потому, что в нем не всегда содержатся необходимые сведения.

Так как прописываться в милиции можно не только по паспорту (имеющемуся у каждого лица обычно в одном экземпляре), но и по другим документам, удостоверяющим личность (всякого рода удостоверения от места службы), то лицо, желающее получить карточки по новому месту жительства, не сдавая карточки по старому месту жительства, всегда имеет возможность пред-

явить для прописки документ, не содержащий в себе данных о прежнем месте жительства.

Мерой борьбы с этим явлением, применяемой в городах, в'езд в которые без разрешения воспрещен, является требование пред'являть при регистрации или карточки, полученные по старому месту жительства, если лицо, по его заявлению, переехало из одного района города в другой, или, в случае приезда из других мест, пред'являть удостоверение на право в'езда в данный город.

Качественный состав населения. При представлении сведений о качественном составе, являющихся основанием для определения размера продовольственного рациона, в ряде местностей требуют документальных доказательств правильности заявляемых сведений — удостоверение учреждения или предприятия о роде работы, документы или удостоверения домового органа о возрасте детей и престарелых, свидетельство врача о болезни или беременности и т. п.

Регистрация выбывающего населения. — Регистрация выбывающего населения, как мы видели выше, имея большое значение для продовольственных органов, встречает на пути правильного своего осуществления наибольшие затруднения.

Единственным средством, которое может принудить население регистрировать факт своего предстоящего от'езда и сдавать имеющиеся у него карточки, является установление связи между фактом регистрации, сопровождающейся сдачей карточек, и возможностью выехать. Связь эта, напр., может быть устанавливаема изданием правил, в силу которых получение права на выезд или получение билетов возможно лишь по представлении удостоверения о сдаче карточек, или пред'явлении документа, освобождающего от представления такого удостоверения.

Практически применение этой меры, судя по опыту г. Петрограда, удовлетворительных результатов не дает.

Население, уезжающее за пределы города, несмотря на невозможность получить жел. дор. билеты без пред'явления удостоверения о сдаче карточек, все же умудряется, путями, одному ему известными, выехать из Петрограда, не сдав соответствующего числу от'езжающих количества продовольственных карточек.

Это наше заключение основывается на анализе данных о числе находившихся на руках у населения карточек, который дается ниже. Постановления, издаваемые почти во всех городах, обязывающие органы домового управления представлять сведения о выбывшем населении, в большинстве случаев не достигают своей цели, и по мотивам, часто независящим от воли названных органов.

В большинстве случаев от'езд не связывается с освобождением квартиры, т. к. чаще всего уезжают или отдельные члены семьи, или комнатные жильцы, и домовые органы, особенно в больших домах, об их от'езде просто не знают.

Те же постановления, распространяемые на владельцев квартир, безусловно знающих о всяком от'езде, но и наиболее заинтересованных в том, чтобы скрыть случаи от'езда, не достигают

своей цели просто в виду многочисленности квартирохозяев и невозможности бороться с правонарушениями с их стороны, как носящими массовый характер.

Общие выводы.—Почти все меры, только что нами перечисленные, носят характер затрудняющих злоупотребления, но не уничтожающих и даже не сводящих их до приемлемого минимума.

Такое положение заставляет искать новые возможности, направленные не на создание условий, исключающих злоупотребления при регистрации движения населения (не взамен их, а в дополнение к ним), а на борьбу с уже произведенными злоупотреблениями, чтобы уничтожить их последствия, в виде получения нормированных продуктов и предметов по фиктивным карточкам и карточкам, дающим права на рацион больший, чем то полагается.

Широкие возможности с злоупотреблениями при учете населения может дать правильно поставленная работа контрольных организаций.

К выяснению принципиальных и методологических основ работы контрольных организаций в деле учета населения мы в дальнейшем изложении и переходим.

Контроль населения. Если нельзя создать условий, гарантирующих производство исчерпывающей и правильной по существу регистрации всех изменений, происходящих в населении, если нельзя создать материальных гарантий, предотвращающих злоупотребления, то необходимо во имя справедливого, равномерного и правильного распределения продуктов и предметов вести самую энергичную борьбу с уже происшедшими злоупотреблениями.

Задачу борьбы с злоупотреблениями, как мы уже указали выше, должны выполнять контрольные организации, создаваемые при продовольственных органах.

И задачей контрольных организаций должна быть не только борьба со злоупотреблениями, но и создание в населении психологии, затрудняющей злоупотребления в будущем. Результатом деятельности контрольных организаций должно быть внедрение в население сознания о бесцельности злоупотреблений, в виду их малой практической полезности. Такое сознание появится в населении при условии, если злоупотребления пресекаются в корне или если (в массе случаев) факт совершения злоупотребления влечет за собою и факт его пресечения, чтобы было такое положение, когда, по выражению одного петроградского рабочего, уличенного в пользовании лишней карточкою: „срам не стоил продукта".

И теоретически, и практически, судя по опыту ряда мест, возможны контрольные организации двух типов.

Сущность их можно охарактеризовать так: первый тип контрольных организаций —административным, или суб'ективным, а второй тип—статистическим, или об'ективным.

Контрольные организации административного типа, наиболее распространенного и применяемого почти повсеместно, осуществляют свои задачи при посредстве специальных агентов, обычно именуемых контролерами.

На обязанности последних лежит посещение отдельных домов и проверка соответствия между числом населения, его качественным составом и количеством карточек по категориям, находящихся в пользовании населения этого дома.

В случаях превышения числа карточек над числом населения, или несоответствия между действительными правами населения на тот или иной рацион и правами, даваемыми имеющимися карточками, составляется протокол, направляемый в продовольственный орган. Излишние карточки отбираются тут же, или из'ятие их происходит впоследствии, руководствуясь составленными протоколами. В тех домах, где никаких злоупотреблений контролером обнаружено не было, протоколы часто не составляются совсем, а если и составляются, то лишь о самом факте контроля в целях определения работы, производимой контролером.

Контрольные организации статистического типа, осуществляющие свои задачи также через специальных агентов, вносят в их работу элементы, совершенно отсутствующие в организациях административного типа.

Главнейшее отличие работы контрольной организации статистического типа от работы такой же организации административного типа сводится к тому, что агенты ее являются в отдельные дома не для *контроля*, а для производства *статистической операции*—переписи населения по заранее выработанным статистическим формулярам, заполнение которых совершенно не стоит в связи с наличием и отсутствием злоупотреблений с карточками: формуляр заполняется во всех намеченных к контролю домах.

Из сопоставления сведений, полученных путем переписи, со сведениями домовых органов о населении и находящихся у него карточках выясняются все расхождения в числе и качестве карточек, имеющихся и в действительности причитающихся. Из'ятие лишних карточек и замена карточек одного качества карточками другого качества может быть произведена тут же или после, смотря по технике работы.

Благодаря введению в процесс контроля производства переписи населения, с соблюдением всех требований статистической методологии, существеннейшим образом меняется положение обоих сторон, принимающих участие в контрольной операции—и населения, и контролера.

Для населения затрудняется возможность скрыть злоупотребления с карточками, для статистика-контролера, наоборот, облегчается возможность вскрыть существующие злоупотребления.

Положение контролера, выполняющего функцию, так сказать, голого контроля (административного типа), не связанного с производством статистической переписи, по существу сводится к положению недремлющего административного ока, которое должно находить злой умысел населения, не имея в отдельных случаях об'ективных условий для определения, имеется ли в них искомое, или же нет.

Работа такого рода приобретает и в глазах населения, да и в собственном мнении контролера, некоторый оттенок сыска.

Этим определяется отношение к административному контролю населения, это же в значительной степени психологически

затрудняет и самому контролеру возможность неукоснительно преследовать цели порученной ему работы, заставляет его закрывать глаза на целый ряд явных злоупотреблений, не разбираться до конца в случаях сомнительных, быть „благожелательным“ административным оком, „понимающим“ тяжелое положение населения, злоупотребляющего карточками.

Но даже если нет этих затрудняющих правильную работу контролера психологических обстоятельств, если контролер способен на вполне добросовестное и „безжалостное“ выполнение порученных ему задач, то при этом условии работа его сводится все же к игре на психологию.

Он не вооружен об'ективным орудием для раскрытия злоупотреблений, в его распоряжении единственное орудие работы— суб'ективное умение отличить — „врет“ ли население, или говорит правду, заявляя, что число и качество карточек соответствует действительному числу и качеству проживающего в контролируемой квартире населения. Правда, контролер может выработать для себя такую систему вопросов о каждом из лиц, проживающих в квартире, показавшейся ему подозрительной по части злоупотреблений, которая запутает опрашиваемого и выяснит действительное положение вещей, поможет раскрыть злоупотребления, если они имеются. Можно просто заранее выработать систему таких вопросов в центре контрольной организации и раздать выработанный опросник контролерам для руководства. Но выработать опросник, это значит дать возможность поставить работу более правильно, а гарантий в том, что она действительно будет поставлена правильно одна выработка опросника дать, конечно, не может. Гарантии же действительно правильной постановки работы, при существовании самого хорошего вопросника, требуют выполнения целого ряда условий.

Необходимо, чтобы система вопросов, помогающих выяснить наличность злоупотреблений, проводилась контролером во всех без исключения контролируемых им квартирах, а не только в тех, которые ему суб'ективно показались подозрительными, должен быть совершенно устранен элемент личного усмотрения, зависящий от индивидуальных особенностей отдельных контролеров.

Необходимо, чтобы контролер обладал хорошей памятью, позволяющей запоминать получаемые ответы о всех лицах, живущих в квартире, и не только запоминать, но и обладать способностью производить в уме их сопоставление и делать тот или иной из этого сопоставления вывод.

Ясно, что выполнить эти требования может лишь контролер, прежде всего чрезвычайно добросовестный и обладающий недоступными для среднего человека качествами. Но даже и от работы контролера, обладающего всеми этими требуемыми качествами, не остается никаких следов. Весь опыт и все незакономерности, безусловно существующие в злоупотреблениях, остаются в лучшем случае достоянием лишь памяти одного контролера а для контрольной организации в целом они пропадают бесследно; никаких обобщающих выводов из работы своих агентов контрольная организация административного типа сделать не может.

Строить организацию какого-либо дела, требующего одновременно и затраты труда многих лиц, и при выполнении поручаемых им задач исходить из способностей выше среднего человека, значит заранее обречь всё дело на явный неуспех. В таком положении неизбежно должна быть контрольная организация административного типа при попытке перейти от свойственного ей субъективного метода работы к методам объективным, составляющим основу работы другого типа контрольных организаций типа статистического.

Контрольные организации статистического типа обладают всеми возможностями, имеющимися в распоряжении организаций административного типа, но те индивидуальные способности контролеров, на которых основана вся работа организаций административного типа, без которых вся их работа в своих практических результатах сведется к величине, близкой к нулю, для организаций статистического типа являются хотя и безусловно желательными, но не имеющими решающего значения.

Самая примитивная и быстрая по необходимому для ее производства времени обработка результатов переписи, совершаемая отдельными контролерами, дает в руки контрольной организации богатейший материал и для обнаружения, путем простейшего анализа, тех домов, где могут быть злоупотребления, и для ряда других необходимых всей продовольственной организации выводов.

Несмотря на все наши стремления найти те местности, в которых контроль населения осуществлялся бы статистическим путем, такой местности, кроме города Петрограда, на всем пространстве республики обнаружить нам не удалось. Поэтому наше объективно - цифровое доказательство преимуществ контрольной организации статистического типа поневоле должно основываться лишь на опыте одного Петрограда.

Предварительно скажем несколько слов об истории возникновения и организации контрольно-статистических работ в Петрограде.

На контроль населения и связанный с ним контроль карточек было обращено внимание в первые же дни существования новых послереволюционных продовольственных органов, применивших карточную систему распределения продовольственных продуктов.

Усилия продовольственных органов (как центрального, так и местных—районных и подрайонных) направлялись на создание контрольной организации того типа, который мы называем административным. При статистических отделах подрайонных продовольственных органов, ведавших карточною системою и бывших в своей массе статистическими лишь по названию, а не по существу выполнявшихся ими работ, учреждались особые должности контролеров, которые путем посещения отдельных домов должны были проверять население и карточки. Никакого видимого влияния на число злоупотреблений работа этих контролеров не оказала. Привлечение к контролю представителей рабочих организаций результаты работы также не улучшило.

Мероприятием, увенчавшим создание административно контрольной организации, было учреждение института квартальных

комиссаров, с доведением района их деятельности до территории с населением в 8—10 тысяч человек (а в отдельных случаях и меньше).

Главная задача квартальных комиссаров заключалась в контроле населения, карточек и распределительных пунктов. Но и результат и их работы также не дал требуемого эффекта.

Несмотря на начавшуюся добровольную и принудительную разгрузку Петрограда, число карточек не уменьшалось, а количество дополнительных карточек, выдаваемых лицам, несущим физический труд, и детям, увеличивалось, хотя для этого не было никаких законных оснований.

В отдельных районах города дело доходило до того, что количество дополнительных карточек, выдаваемых лицам, занятым физическим трудом, и детям до 12 лет, превышало общее количество всего числа основных карточек, соответствующих числу населения, т. е. только часть слагаемых, вместе с другими слагаемыми, по правилам арифметики составляющих сумму, в своей частной сумме была больше этой общей суммы.

Мы не располагаем в настоящий момент детальными данными о количестве карточек по отдельным подрайонам г. Петрограда, которые такие арифметические нелепости давали, но и имеющиеся у нас сведения по целым районам говорят, что, напр., в Невском районе в феврале 1918 г. было основных карточек 114.752, а дополнительных—107.893, в марте же месяце 1918 г. основных—125,551, а дополнительных—126 904, что дает соотношение между основными и дополнительными карточками (в %% дополнительных к основным) —94% в феврале и 101% в марте.

Бесплодность работы контрольной организации административного типа заставила статистический отдел центрального продовольственного органа, ведавшего карточной системой, вторгнуться в неподчиненную ему область контроля, применив при нем статистические приемы работы.

В начале марта 1918 г. были созданы первоначально одна, а затем еще несколько партий для производства выборочных переписей населения, причем сама выборка применялась не к отдельным домам, а к территории. В различных частях города намечались территории, подчиненные квартальным комиссарам, и в этих кварталах производились переписи населения.

Результат переписей виден из следующей таблички: (Стр. 127).

Приведенная нами таблица—результат работы контрольной организации за первые три месяца ее существования (март—май).

Работы были ею начаты без всякой подготовки, персонал предварительно никакому обучению не подвергался, методы работы вырабатывались на самой работе. Одним словом, таблица дает результаты за тот период, когда новая контрольная организация только еще училась тому, как надо производить порученную ей работу.

К сожалению, периодом обучения контрольная организация статистического типа только и ограничилась. Май месяц был последним месяцем ее существования. В июне в Петрограде была произведена общая перепись населения, персонал кон-

Назван. районов и №№ подрайон., в которых производил выборочные переписи населения.	Было карточек до переписи.		Стало карточек после переписи.		Уменьшение числа карточек благодаря переписям				Уменьшение числа детск карточ. благодаря переписям в $^0/_0{}^0/_0$. (% уменьшения числа карточек благодаря переписям вычислен по отношению к числу карточек, оставшихся у населения после переписей)	
	Основных.	Допол для рабочих	Основных.	Допол для рабочих	Основных.		Дополнит. для рабочих.		Для детей до 3 л.	Для детей от 3 до 12 л.
					Абсол.	в $^0/_0$	Абсол	в $^0/_0$		
Ал.-Невск. 2	24.451	15 687	22.890	11.991	1.561	6,82	3 696	30,80		
Московск. 1	9.946	2.581	9.466	1.365	480	5,07	1 216	89,09		
„ 2	18.265	7.793	17.154	3.550	1.111	6,48	4 243	119,55		
Петроград. 1	32 977	15.793	31.377	11.271	1.600	5,09	4.522	40,10		
„ 2	31.680	13.599	27.946	8 593	3.734	13.40	5 006	58,20		
„ 3	9.143	5.449	8 807	3.305	336	3,79	2.144	64,80		
„ 4	23.497	12.923	21 881	7.367	1 616	7,38	5 556	75.40		
Коломенск. 1	12.875	4.665	11.839	3.466	1 036	8,75	1.199	34,50		
„ 2	8 248	3.184	7.492	2.347	756	10,10	837	35,60		
Итого	171082	81.674	158582	53.255	12.230	7.70	28.419	53.30	26,30	6.59

трольной организации принял в ней участие и по ее окончании к исполнению своих прежних обязанностей уже не вернулся [1].

Насколько от этого выиграла правильная постановка продовольственного дела и стало ли распределение продуктов от прекращения работы контрольной организации более равномерно и правильно, мы увидим ниже.

Непосредственным результатом статистического контроля, если принять количество карточек, оставшихся на руках у населения после переписей, отвечающим действительности, является извлечение следующего числа излишних против действительности карточек.

Основных	— 7,70%	с колеб. по подрайонам	от 5,07 до 13,40%
Дополнит. для рабочих	— 53,50%	с „ „	от 30,80 до 119,55%
„ „ дет. до 3 л.	26,30%		— —
„ „ — 3—12 л.	6,59%		— —

[1]) Чтобы у читателей не создалось впечатления, что контрольная организация статистического типа не оправдала возлагавшихся на нее надежд и потому была ликвидирована, считаем нужным указать на следующее обстоятельство.

Контрольная организация была создана автором настоящей работы. Он покинул службу в марте и передал заведывание другому лицу, близко стоявшему к работам того статистического отдела, из которого вышла сама идея статистического типа контрольной организации. Но и это лицо также покинуло службу в момент производства общей переписи, а еще новый преемник по заведыванию статистическим отделом, уже не бывший в курсе работ отдела при авторе настоящей работы, и был тем лицом, которое не сочло нужным возобновить работу контрольной организации. Переменой лиц, а не существом дела, объясняется преждевременная смерть контрольной организации нового типа.

Оценивать результаты статистического контроля можно различно

Можно считать, что число основных карточек, извлеченных при переписях, как излишки, составляют незначительный % к их общему количеству, то же самое и относительно дополнительных карточек для детей от 3 до 12 лет. Но значительность результатов переписей в отношении сокращения числа дополнительных карточек для детей до 3 л. и в особенности для рабочих несомненна.

Помимо непосредственных результатов. работа статистического контроля имеет и иной, более значительный результат, сводящийся к психологическому воздействию на население, затрудняющий последнему совершать злоупотребления и, как следствие этого, сокращающий их число.

О значении статистического контроля, как фактора, сокращающего число злоупотреблений вообще, дает представление следующая таблица: (См. табл. стр. 129).

Число карточек, находившихся на руках у населения г. Петрограда (по месяцам 1917—18—19 г.г. [1]):

Просматривая по этой таблице движение карточек по месяцам, мы по отношению к основным карточкам (выдаваемых всему населению) можем наметить, по характеру изменений их количества, четыре периода, каждый из которых охватывает месяцы:

1. период—сентябрь 1917 г—февраль 1918 г.
2 „ —март—сентябрь 1918 г.
3 „ —сентябрь—декабрь 1918 г. и
4 „ —январь и июнь 1919 г.

Все периоды, кроме второго, характеризуются одним и тем же устойчивым количеством карточек, находившихся на руках у населения.

Правда, из месяца в месяц наблюдается некоторое колебание в числе карточек, которое то несколько увеличивается, то несколько уменьшается, но изменения эти весьма незначительны. Так за шесть месяцев первого периода количество карточек в последний месяц уменьшилось по сравнению с количеством карточек в первый месяц периода всего на 1,45%—с 2.273 тыс. до 2.240 тыс. В третьем периоде за три месяца число карточек уменьшилось еще незначительнее—на 0,62%, с 1.296 тыс. до 1.288 тыс. В четвертый период за шесть месяцев число карточек несколько увеличилось—на 0,79%, с 1.138 тыс. до 1.147 тыс.

Совершенно иную картину мы видим во втором периоде. Здесь в продолжение 7 месяцев из месяца в месяц идет сокращение количества карточек, в общей сложности почти на 40%: в первый месяц периода было 2.146 тыс., а в последний—1.296, что дает уменьшение на 39,61%.

[1]) Число карточек взято нами из официальных данных петроградской продовольственной организации, кроме данных за январь и июнь 1919 г., которые почерпнуты из сообщений „Роста“.

МЕСЯЦЫ.	Основные карточки.			Дополн. карточки для рабочих.			
	Было на рук. у нас. в тысяч.	По сравн. с прош. месяц. „+“ или „—“		Было на рук. у нас. в тысяч.	По сравн. с прош. месяц. „+“ или „—“		В % к числу основных карточек
		в тыс	в %		в тыс	в %	
1917. Сентябрь. . . .	2.273	—	—	894	—	—	39,33
„ Октябрь . . .	2.204	—69	—3,17	894	0	0	40,56
„ Ноябрь. . . .	2.255	+51	+2,31	932	+38	+4,25	41,33
„ Декабрь	2.224	—31	—1,38	950	+18	+1,93	42,26
1918. Январь. . . .	2.240	+16	+0,72	1.011	+61	+6,42	45,13
„ Февраль . . .	2.240	0	0	1.001	—10	—0,99	44,69
„ Март	2.146	—94	—4,26	1.024	+23	+2,40	47,73
„ Апрель . . .	1.967	—179	—8,38	951	—73	—7,13	48,34
„ Май.	1.840	—127	—6,46	858	—93	—9,78	46,64
„ Июнь	1.751	—89	—4,78	774	—84	—9,79	44,20
Перепись 2 / VI.	1.478	—	—	Карточки I кат. „класс. пайка“.			
1918 Июль	1.538	—213	—12,17	657	—114	—14,73	42,72
„ Август. . . .	1.396	—142	—9,23	647	—10	—1,52	46,35
„ Сентябрь. . .	1.296	—100	—7,15	677	+30	+4,64	52,24
„ Октябрь . . .	1.271	—25	—1,93	689	+12	+1,79	54,13
„ Ноябрь-Декаб.	1.288	+17	+1,33	747	+58	+8,42	58,00
1919. Январь. . . .	1.138	—150	—11,65	—	—	—	—
„ Июнь.	1.147	+9	+0,80	—	—	—	—

Если признать данные о количестве карточек верно отражающими действительное количество населения и по движению карточек составить представление о движении петроградского населения, то сам собою возникает вопрос—какими же причинами обусловливается характер этого движения? Почему количество населения, бывшее почти на одном и том же уровне в течение полугода, вдруг с марта начинает уменьшаться и это уменьшение идет в продолжение восьми месяцев, пока не останавливается в течение трех месяцев опять на одном и том же уровне, даже несколько увеличивается, с тем, чтобы в январе 1919 г. сделать резкий скачек вниз и опять на полгода замереть на одном и том же уровне, а арифметически и немного увеличиться?

Сколько бы мы ни искали причин, обусловливающих подобный характер изменений в количестве петроградского населения, мы их не найдем. Найдем лишь причины (продовольственный кризис, угроза со стороны неприятеля, сокращение промышленной деятельности, переезд центральной государственной

ласти в Москву и т. д.), благодаря которым, начиная с последних месяцев 1917 г., петроградское население стало эвакуироваться и по распоряжению властей, и по доброй воле в глубь страны, причем обезлюжение Петрограда шло и идет безостановочно. Уменьшение населения обнаруживается не только путем статистических исчислений, но наблюдается простым глазом.

Отказавшись от мысли, что по количеству карточек можно составить правильное представление и о количестве населения, и связав количество карточек, находящееся у населения с приемами учета и контроля населения, только в этом случае мы поймем сущность приведенных в выше помещенной таблице данных о движении карточек.

С первых чисел марта начался статистический контроль населения и карточек. Под его влиянием население стало более осторожно пользоваться карточками, получаемыми на фиктивных лиц, с каждой раздачей карточек (производимых ежемесячно) уменьшая их количество.

Произведенная 2/VI общая перепись населения, обнаружившая, что при количестве карточек, равном 1.751 тыс., фактически проживающего населения в Петрограде всего лишь 1.478 тыс., должна была еще более повлиять на население и заставить его отказаться от пользования фиктивными карточками. И действительно, в июле число карточек сократилось сразу на 12,17%, тогда как под влиянием частичных переписей сокращение карточек происходило в пределах 4,26—8,38% их количества в предшествующий месяц.

Население после переписи ждало по отношению к себе репрессивных мер за пользование фиктивными карточками, но проходили месяцы, и никаких мер со стороны продовольственных органов не последовало. Прекратились и частичные переписи.

У населения, что называется, отлегло от сердца. Статистически это отразилось очень рельефно.

Если напуганное переписью население в июле пред'явило претензию на карточки в количестве на 12,17% меньше чем в июне, то в августе сокращение числа карточек составляло уже 9,23%, в сентябре— 7,15%, а к октябрю страх почти прошел совсем и сокращение достигло только 1 93%. В ноябре появляется уверенность в безнаказанности пользования фиктивными карточками, и число их возрастает по сравнению с октябрем на 1,33%.

В январе 1919 г. учет населения, производившийся через домовые органы, был осложнен документизацией. Это вызвало резкое уменьшение числа карточек—на 11,65%.

Как изменялось число карточек в последующие месяцы, мы не знаем. Но в июне, о котором мы располагаем сведениями, количество карточек по сравнению с январем дало новое, хотя и незначительное повышение— на 0,80%.

Неужели же действительно население Петрограда за полугодие 1919 г. не только не изменилось, но и, хотя бы незначительно, увеличилось?

Конечно, бывают иногда личные впечатления о предмете, противоположными тем, которые могут быть получены об'ективным путем. Может быть неправильным и наше представление о том, что население Петрограда тает с каждым месяцем, и что

более правильное представление о движении населения в Петрограде, чем получается у нас, как у обывателей, дают данные о движении продовольственных карточек. Может быть.

Но может быть и другое. В июне 1918 г. статистическая перепись дала цифру населения на 20% меньшую, чем значилось по сведениям о выданных карточках, и вызвала в следующем месяце сокращение числа карточек более чем на 12%. В январе применение документизированного учета вызвало сокращение числа карточек также почти на 12%. Таким же образом мы, вероятно, получили-бы и в июне 1919 г. аналогичные результаты, если-бы произвели новую перепись населения или применили новый более сложный прием его учета.

Вся совокупность обстоятельств заставляет нас придти к тому заключению, что различия в характере движения числа карточек по месяцам являются результатом не подобного же движения и в числе населения, а простым следствием применяемых приемов учета и контроля населения.

Если это так, то мы можем сделать и оценку тех методов учета и контроля, которые применялись в Петрограде.

Оценка методов учета дана нами выше. Остается сказать лишь о различных способах контроля вернее, повторить то, что нами сказано на предшествующих страницах.

В первый, третий и четвертый периоды, когда действовала контрольная организация административного типа, число карточек из месяца в месяц держится почти на одном и том же уровне. Контрольная организация административного типа не сумела извлечь от населения карточек полученных на фиктивных лиц.

Во второй период, когда работала контрольная организация статистического типа, в своей работе дополненная общей переписью населения, число карточек сократилось почти на 40%.

Вывод об относительном достоинстве работы контрольных организаций административного и статистического типов, по крайней мере в применении к Петрограду, вполне ясен. (Стр. 132).

Просматривая данные по Москве, мы видим, что по общему числу карточек все месяцы резко разбиваются на два периода— 1) с апреля по август и 2) с сентября до января (с января начинается новый третий период, данными о котором мы не располагаем).

В первом периоде общее число карточек значительно выше, чем во втором: наименьшее количество карточек в первом периоде—1.934 тыс., а наибольшее количество карточек во втором периоде 1.711 тыс., что дает разницу более чем на 200 тыс., или 11,53%. Если же мы вычислим среднее месячное количество карточек за каждый период, то разница в количестве их в первом и втором периодах возрастает почти в два раза.

Среднее месячное количество карточек в первом периоде— 2.008 тыс., во втором—1.547 тыс., разница 461 тыс., или 22,95%.

На протяжении десяти месяцев, данные о которых нами приведены, можно наблюдать в отношении пяти месяцев увеличение числа карточек (по сравнению с предшествующими меся-

Приведем еще данные о количестве карточек по гг. Москве и Пензе, где имело место применение контроля населения административного типа.

Данные по г. Москве.

МЕСЯЦЫ.	Число карточек.		
	Было на руках у населения в тысячах	По сравнению с прошлым месяцем „+“ или „—“	
		в тыс.	в %
1918. Апрель	2,188	—	—
Перепись 18/IV	1,695	—	—
Май	1,970	—218	— 9,96
Июнь	2,010	+ 40	+ 2,03
Июль	1,934	— 76	— 3,94
Август	1,938	+ 4	+ 0,21
Сентябрь	1,436	—502	—34,96
Октябрь	1,554	+118	+ 8,22
Ноябрь	1,619	+ 55	+ 3,54
Декабрь	1,711	+ 92	+ 5,68
1919. Январь	1,416	—295	— 17,24

Данные по г. Пензе.

1918. Август	105	—	—
Сентябрь	102	— 3	— 2,86
Октябрь	99	— 3	— 2,94
Ноябрь	102	+ 3	+ 3,03
Декабрь	102	0	0
1919. Январь	91	— 11	—10,78
Февраль	93	+ 2	+ 2,20
Март	95	+ 2	+ 2,15
Апрель	96	+ 1	+ 1,05
Май	97	+ 1	+ 1,05

цами), а в отношении четырех месяцев—уменьшение числа карточек, причем в одном месяце незначительное—3,94%, а в трех месяцах уменьшение значительно большее—от 9,96% до 34,96%.

Причина этих значительных уменьшений нами уже указывалась. Все эти три месяца являются началом периода действия новых карточек. Уменьшение количества карточек в эти месяцы есть постоянное следствие раздачи новых карточек.

Разница же в степени уменьшения также легко об'ясняется.

С сентября, в котором мы наблюдаем наибольшее уменьшение числа карточек (почти 35%), в Москве начал применяться „классовый паек", и учет населения, производимый через домовые организации, был осложнен документизацией сведений об отдельных лицах. Применением нового способа учета населения и об'ясняется столь сильное сокращение числа карточек.

В январе число карточек сократилось на 17,24%, фактически же вернулось в своем количестве приблизительно к тому же уровню, на котором их застал сентябрь месяц. Здесь также сказался новый документизированный способ учета.

Какие же заслуги остаются на долю контрольной организации? В чем выразилась ее работа?

Перепись населения, произведенная в апреле, дала цифру населения в 1.695 тысяч человек. Документизированный учет населения при раздаче карточек в сентябре установил цифру населения в 1.436 тысяч. Если даже принять последнюю вполне соответствующей действительности, а не преувеличенной, и то получается сокращение населения за четырехмесячный период, с апреля по сентябрь, более чем на 250 тысяч, или на 15,28%.

Однако, на числе карточек, находящихся на руках у населения, это сокращение количества московского населения совершенно не отразилось.

В мае мы прежде всего имеем дело с тем фактом, что карточек населению было выдано почти на 300 тысяч больше, чем было надо (населения по переписи 1.695 тыс., а карточек выдано—1.970 тыс.).

В июне число карточек увеличивается на 40 тысяч, в июле уменьшается на 76 тысяч, в августе опять увеличивается на 4 тысячи, и в результате на 1 сентября у населения г. Москвы оказалось на 502 тысячи карточек больше, чем ему полагалось.

Такое же явление наблюдается и в период с сентября по декабрь.

В первом периоде было хотя небольшое уменьшение числа карточек—с 1.970 тыс. до 1.938 тыс., или на 1,62%, во втором же периоде мы наблюдаем неуклонное из месяца в месяц увеличение числа карточек, в общем за весь период на 11,91%.

Причем увеличение это ни в малейшей степени не является отражением роста населения—последнее, судя по числу карточек, выданных в январе 1919 г., уменьшилось с сентября месяца приблизительно на 20 тысяч человек.

Если работа контрольных организаций административного типа имеет подобные же результаты и по другим городам (сведений о которых, как указывалось выше, собрать нам не удалось), то эти результаты являются смертным приговором для административного контроля,—приговором, не нуждающимся в особых словесных мотивировках.

Бросается в глаза и еще одна особенность, даваемая цифрами по гор. Москве по сравнению их с цифрами по г. Петрограду.

По данным о Петрограде мы видели, какое большое значение имела перепись населения для сокращения числа фиктивных карточек и приближения общего числа карточек к числу действительно проживавшего населения.

Перед переписью карточек—1 июня—было 1.773 тыс., перепись, произведенная 2 июня дала 1.478 тыс., в первый месяц после переписи карточек стало—1.538 тыс. [1]). Перепись дала количество населения на 20% меньше, чем было его по данным о розданных карточках, и под ее влиянием (о котором мы уже говорили) в следующем месяце разница эта уменьшилась до 4%, или ровно в 5 раз.

В Москве перед переписью было 2.188 тыс. карточек, перепись дала 1.695 тыс. населения, и в первый месяц после переписи число карточек уменьшилось до 1.970 тыс. До переписи карточек было на 29% больше, чем населения по переписи, в первый месяц после переписи эта разница уменьшилась до 16%, или менее чем в два раза. И это уменьшение мы считаем не столько результатом переписи, сколько обычным сокращением числа карточек в момент раздачи (что имело место в мае месяце) нового выпуска их.

Чем же об'ясняется столь сильная разница во влиянии статистической переписи на количество фиктивных продовольственных карточек, находящихся на руках у населения? Какое обстоятельство изменяет следствия одного и того же явления?

Таким обстоятельством мы считаем разницу в типах контроля и обусловливаемую этим разницу в отношении населения к факту производства общей переписи населения.

В Петрограде контроль статистического типа приучил население к мысли, что путем правильно поставленной переписи сами собой всплывают все случаи пользования фиктивными карточками.

В Москве, при действии контроля административного типа, такой мысли населению привито не было.

Таким образом статистический контроль имеет, помимо значения, о котором было говорено выше, еще и то, что он позволяет использовать и общие переписи населения для осуществления главной задачи продовольственных органов в деле распределения—организации его наиболее равномерно и правильно.

Остановимся теперь на данных по г. Пензе.

Переписи населения в Пензе не было ни в 1918 ни в 1919 г.г. Никаких других данных, помимо данных о розданных карточках, позволяющих сделать правильное заключение о действительном количестве населения г. Пензы, не имеется. Отсутствие таких данных лишает нас возможности отнестись критически к тем сведениям о числе населения, которые дает продовольственная организация на основании данных о розданных карточках.

Отражают ли колебания в числе карточек соответствующие изменения в числе населения и есть-ли это положительный ре-

---

[1]) В таблице о числе карточек по г. Петрограду, на стр., 129 мы указывали число карточек в июне равным 1.751 тыс., здесь же даем цифру 1.773 тыс. Разница эта об'ясняется тем, что в таблице нами взято среднее количество карточек за весь июнь, а здесь мы берем число карточек на 1-ое июня.

зультат работы контрольной организации административного типа, соответствует ли вообще число карточек числу населения,— сказать невозможно.

Можно путем опроса работников контрольной организации установить лишь причины крупного сокращения числа карточек в январе месяце, по сравнению с декабрем. В декабре, в связи с освобождением ряда местностей на западе России от неприятеля и восстановлением там советской власти, из Пензы выехало большое количество беженцев. Находившиеся у них на руках карточки агенты контрольной организации отбирали на вокзалах. Этим обстоятельством, по мнению работников контрольной организации, и об'ясняется сокращение числа карточек.

Но более подробный анализ цифр, дающих представление не только об общем количестве продовольственных карточек, находившихся на руках у населения гор. Пензы, но и о распределении этого общего количества карточек по отдельным категориям „классового пайка" приводит нас к совершенно иному заключению о причинах, вызвавших уменьшение общего числа карточек в январе 1919 года.

Вот распределение карточек в гор. Пензе по категориям „классового пайка" по месяцам 1918 и 1919 года.

МЕСЯЦЫ.	Категории карточек					Итого карточек.
	I.	II.	III.	IV.	Детск. до 1 года.	
1918 г. Октябрь	5872	38490	51557	3148	—	99067
„ „ Ноябрь	6326	39837	51021	3545	1148	101877
„ „ Декабрь	6645	39935	50211	3455	1294	101540
1919 г. Январь	7216	42859	38011	1655	1655	91396
„ „ Февраль	7815	43826	38594	1182	1978	93395
„ „ Март	8270	44791	38469	1130	2239	94899

Из приведенных в табличке данных видно, что количество карточек отдельных категорий, дающих в общем и целом картину постепенного из месяца в месяц увеличения или уменьшения, резко изменяются лишь в январе и лишь в отношении двух низших категорий—III и IV, тогда как число карточек высших категорий—I и II, в этом же месяце,—в полном соответствии с тенденцией, присущей изменениям в их количестве в предыдущие месяцы,—увеличилось, и в отношении карточек II категории очень значительно—сразу на 2.924 карточки или на 7%, огда как и до января и после января самое большее увеличение достигало лишь 1347 карточек, составляя лишь $3^1/_2$ % их общего числа.

После просмотра таблицы вопрос, поставленный ранее - о причинах уменьшения в январе 1919 г. общего числа карточек—

должен быть заменен уже иным вопросом, или вернее, целым рядом иных вопросов—почему при уменьшении общего числа карточек увеличилось число карточек I категории и II категории, а также число карточек для детей до 1 года и почему уменьшилось число карточек III категории и IV категории, причем уменьшение в числе карточек последних категорий настолько велико, что составляет для III категории почти 25 %, а для IV категории целых 52 %.

Об'яснение представителей контрольной организации, сводящееся к тому, что число карточек уменьшилось благодаря от'езду беженцев, после анализа данных последней таблицы, требует целого ряда дополнительных об'яснений, чтобы сохранить свое правдоподобие и не обнаружить своей несостоятельности.

Ведь не могли же все беженцы, покинувшие пределы гор. Пензы, состоять исключительно из нерабочих элементов и детей.

А иначе, почему при сокращении количества карточек III и IV категории, карточки I и II категории не только не сократились, но и увеличились. Удовлетворительного ответа на все поставленные вопросы, стоя на точке зрения представителей контрольной организации, мы получить не сможем.

Может быть от'езд беженцев имел свое влияние на сокращение числа карточек, но не только этим вызвано наблюдаемое нами сильное сокращение общего числа карточек, не в от'езде беженцев надо искать главную причину интересующих нас изменений в числе карточек отдельных категорий в январе 1919 года.

Удовлетворительное, по крайней мере для нас, об'яснение происшедших изменений мы находим лишь в том случае, если поставим эти изменения в связь с применявшимися в гор. Пензе способами учета населения.

Январь месяц является первым месяцем применения документизированного учета населения. И именно в переходе с простого учета на документизированный учет мы и видим причину, действием которой должны быть об'яснены наблюдаемые изменения в числе карточек различных категорий.

Неодинаковые же действия этой причины (не исключающей и ранее называвшейся,—выезд из гор. беженцев,—но сводящие эту вторую причину на роль менее важной) в отношении карточек различных категорий надо искать в особенностях местных условий, присущих г. Пензе. Дело в том, что Пензенская губерния является в отношении хлебных продуктов производящей, и население гор. Пензы имело возможность осенью 1918 г.. благодаря хорошему урожаю хлебов, сделать запасы муки по вольной цене лишь вдвое превышающую заготовительную твердую (цены на вольном рынке стояли на 30—35 руб. за пуд муки, а твердая заготовительная цена на нее была 14 рублей, по карточкам же мука продавалась по 32 руб. за пуд) и почти равнявшуюся твердой продажной цене.

При незначительности выдач прочих продуктов население было мало заинтересовано в наиболее правильном определении своих прав на рацион той или иной категории „классового пайка", почему при документизации сведений о населении, когда профессиональное положение отдельных лиц было определено более точно, чем то было при простом учете, продовольственный орган

смог отнести в высшие категории контингент лиц, значительно больший в сравнении с прежними месяцами. Это увеличение сказалось наиболее сильно на II категории, принадлежность к которой во многих случаях является довольно спорной.

Обычное же действие применения документизации сведений при учете (в сторону уменьшения числа карточек) сказалось в Пензе лишь в отношении низших категорий.

Уменьшение числа лиц, включенных в IV категорию, т. е. признанных принадлежащими к нетрудовым элементам, легко об'яснить именно применением документизации учета, хотя на первый взгляд и можно было ожидать как раз обратного.

Лица, принадлежавшие по своему социальному положению к нетрудовым элементам, но состоящие на какой либо службе, при документизации учета, представляя свою учетную карточку и показывая в ней свое профессиональное положение, заверенное по месту службы, с большей легкостью могли скрыть свое социальное положение, чем при простом учете, производимым Домовыми Комитетами. Насчет этого обстоятельства и должно быть по нашему, отнесено в главной своей части уменьшение числа карточек IV категории, причем абсолютно уменьшение это очень незначительно — в декабре к IV категории было отнесено 3455 человек, а в январе 1655 человек.

Что касается уменьшения числа карточек III категории, достигающего в своем абсолютном выражении 12.200 карточек (38.011 вместо 50.211), то уменьшение это обусловливается тремя причинами.

1) Часть лиц, принадлежавших в декабре к III категории, после документизации учета, повлекшего, как указывалось выше, более точное определение профессионального положения отдельных лиц, перекочевала в высшие категории. Этот переход покрыл собою не только убыль в лицах, принадлежавших к высшим (1 и 2) категориям, происшедшую благодаря выезду беженцев, а также и убыль благодаря сокращению числа фиктивных карточек, находившихся на руках у населения до документизации учета, но и повлиял на общее увеличение числа лиц, признанных имеющими право на рацион высших размеров.

2) Часть лиц, принадлежавших к III категории, выехала из Пензы (беженцы).

Действием названных двух причин вся убыль в лицах, принадлежащих к III категории об'яснена быть не может. Ими об'ясняется убыль лишь части указанных выше 12 200 чел. и части, по нашему, меньшей. Большая часть убыли вызывается следующей 3-ей причиной.

3) Документизация учета вызвала сокращение числа фиктивных карточек, находившихся на руках у населения до января м-ца.

Причем, такое сокращение, чтобы быть признанным соответствующим действительности, предполагает наличие того факта, что до января месяца среди карточек III категории очень значительная часть была выдаваема на фиктивных лиц и количество (относительное) фиктивных карточек среди общего числа карточек было наиболее значительно именно в III категории. В противном случае, при приблизительном относительном равенстве-

фиктивных карточек во всех категориях и сокращение числа карточек в связи с документизацией учета было бы приблизительно одинаковое, чего в действительности мы не наблюдаем.

И именно разницей в относительном количестве фиктивных карточек в различных категориях, а не иными причинами, должна быть об'яснена неравномерность сокращения числа карточек при документизации. Иные причины, выше нами исчерпанные, не вызвали бы и не могли вызвать столь неравномерного сокращения числа карточек различных категорий.

Поэтому зададимся вопросом о том, чем вызывалось, в период времени до перехода к документизированному учету, так сказать переполнение (по сравнению с другими категориями) III категории фиктивными карточками?

Ответ на этот вопрос чрезвычайно прост—самим существом отнесения лиц к III категории.

Одним из признаков отнесения лица к III-ей категории был такой—непринадлежность с одной стороны к нетрудовым элементам, а с другой—отсутствие прав на принадлежность к более высшим категориям.

Для того, чтобы быть зачисленным в 1 или 2 категорию надо было доказать свое право на это.

Для зачисления же к 3 й категории доказательств в подавляющем большинстве случаев не требовалось—непринадлежность к нетрудовым, буржуазным элементам ясна была для основной массы Пензенского населения и без доказательств.

Эта-то легкость зачисления в III категорию и могла вызывать до января, т.-е. до документизации учета, переполнение ее фиктивными карточками.

А в январе, когда для зачисления в эту категорию потребовались доказательства (в виде документизации сведений о профессиональном положении, большинство карточек, получавшихся в декабре и более ранние месяцы на фиктивных лиц, возобновлено быть не могло и, как следствие, число карточек III категории сократилось в наблюдаемых больших размерах.

Таким образом, с очень большой дозой вероятия можно сказать, что применение документизированного учета дало в Пензе подобно тому, как это было в Москве и Петрограде, речь о чем была выше, те же самые благоприятные результаты.

Остановиться на данных по гор. Пензе с той подробностью, которая нами допущена, заставляет нас одно обстоятельство.

От ряда работников из провинциальных городов нам приходилось выслушивать такое мнение. Многое из того, что мы говорим об учете населения и карточек справедливо. Но справедливость, с их точки зрения, имеет свою силу лишь для таких крупных городов как Москва и Петроград.

Для подавляющего же числа провинциальных городов, в том числе и губернских, то что мы говорим об организационной стороне учета и контроля и в частности о необходимости неослабного контроля карточек населения, контроля по отношению как к основному кадру населения (даваемому основными учетами), так и к текущим в нем изменениям, не имеет того серьезного значения, какое нам удалось доказать в отношении столичных городов.

Доля истины в этом мнении имеется.

Чем больше город, тем легче в нем безнаказанно совершать вообще всякие преступления и злоупотребления, а значит и злоупотребления с карточками.

И наоборот, чем город меньше, чем значит больше растет взаимное знание друг друга живущих в нем, тем труднее в нем совершать безнаказанно и вообще злоупотребления и в частности интересующие нас злоупотребления с карточками.

Но где грань, каково то количество населения отдельного города, каковы те общие условия, при наличии которых злоупотребления с карточками не превышают допустимого, не имеющего серьезного материального значения, уровня.

Установление этой грани возможно лишь эмпирическим путем, т.-е. таким путем, который для нас, по крайней мере в настоящее время, при современном неудовлетворительном состоянии отчетного дела, закрыт.

Данные по Пензе тем и важны, что они показывают справедливость наших положений об организации учета в применении не только к столицам, но и к городу со средним для губернского города числом населения. И это при условии, что Пенза, насколько мы можем судить по своему знакомству вообще с работой продовольственных органов в городах (об об‘емах которого говорилось выше), не является исключением среди других городов в худшую сторону, по организации в ней дела карточной системы. Даже наоборот. В Пензе уже долгое время карточная система возглавляется лицами с очень солидной статистической подготовкой, чем не могут похвалиться большинство других городов.

Интересны данные по г. Пензе и в другом отношении.

Изучая их, мы найдем подтверждение той оценке документизированного учета, которая дана нами выше (см. стр. 108 и 109). Оценка наша сводится к тому, что документизацией учета достигается сокращение числа карточек в момент его первоначального применения, но в целях борьбы с дальнейшим увеличением числа фиктивных, а вместе с тем и вообще всех карточек, документизация учета имеет весьма малое значение.

Таблица, помещенная на стр. 132 говорит, что после рассмотренного нами уменьшения числа карточек в январе 1919 г., на

МЕСЯЦЫ.		Число карточек.		% детских карт. к общему числу карточек.
		Всех.	Детск. до 1 г.	
1918 г.	Ноябрь	101877	1148	1,13
	Декабрь	101540	1294	1,27
1919 г.	Январь	91396	1655	1.81
	Февраль	83395	1978	2,12
	Март	94899	2239	2,36
	Апрель	95849	2425	2,53
	Май	97390	2636	2,71
	Июнь	97002	2685	2,77
	Июль	94208	2837	3,01

чная с февраля наблюдается в продолжении 5 месяцев—вплоть до июня месяца—неизменное из месяца в месяц увеличение числа карточек, а затем некоторое их уменьшение.

Чем об'ясняются эти увеличения и уменьшения - нормальной ли причиной—действительными соответствующими изменениями в количествах населения, или дефектами в учете населения, мы не знаем. Не можем поэтому и оценить результатов применения документизированного учета во времени.

Но оценка его в указанном направлении может быть произведена, если остановиться на изменениях числа карточек для детей до 1 года. (См. таблицу в конце стр. 139).

Изменения в числе всех карточек и карточках детских являют собою два между собою некоординированных процесса. Карточки в своей общей массе за те девять месяцев, о которых мы привели данные, изменяются в обоих направлениях—и увеличиваются и уменьшаются, и то и другое в довольно больших размерах. Но карточки для детей до 1 года растут в своем числе на протяжении всех 9 месяцев без исключения, а значит и в те месяцы, когда общее число карточек сокращалось.

В результате этого относительное количество карточек для детей до 1 года, в их отношении к числу всех карточек, возросло за указанный девятимесячный период почти в 3 раза—в ноябре, когда детские карточки были введены, они составляли 1,13% всех карточек, а в июле уже 3,01%.

Какими иными причинами, кроме дефектов учета, может быть об'яснено такое увеличение числа детей до 1 года.

Ответ может быть только один—никакими иными причинами, кроющимися в действительности, это увеличение об'яснено быть не может.

Такой ответ приобретает еще большую убедительность, если мы сравним изменения в числе детей до 1 года с изменениями в числе детей до 14 лет.

Было детей в возрасте до 14 лет:

в	декабре	1918 г.	—29.700
„	январе	1919 г.	—27.353
„	феврале	„	27.689
„	марте	„	27.728
„	апреле	„	26.373
„	мае	„	28.103
„	июне	„	27.283
„	июле	„	27.340

Общее количество детей в январе по сравнению с декабрем уменьшилось более чем на 2 тысячи, а затем остановилось приблизительно на одном и том же уровне.

Таким образом, число детей до 1 года возрастало при неизменности общего количества детей и в отдельные месяцы при сокращении всего населения.

Все это заставляет предполагать, что мы имеем дело не с ростом числа детей, а лишь с ростом карточек за счет увеличе-

ния среди них полу-фиктивных карточек, т.-е. выдаваемых лицам, не имеющим на них право, что должно было стимулироваться теми добавочными выдачами различных продуктов, которые производились по детским карточкам [1]).

Перейдем теперь к оценке значения различных типов контрольных организаций в деле исправления дефектов учета качественного состава населения.

Непосредственным результатом применения петроградской продовольственной организацией выборочных переписей явилось сокращение числа карточек (в их отношении к числу карточек, оставшихся на руках у населения после производства контрольных переписей) в размерах, указанных в табличке на стр.

Согласно этой табличке, число дополнительных карточек для лиц занятых физическим трудом, из'ятых благодаря переписям, равняется 53,30% оставшихся у населения карточек, для дополнительных детских карточек этот % равняется 26,30% для детей младшего возраста (которым главным образом и выдавались продукты по дополнительным карточкам) и 6,59% для детей старшего возраста.

Значение статистического контроля, как психологического фактора, влияющего на более правильное сообщение населением сведений, характеризующих отдельных лиц и дающих им права на рацион того или иного размера, мы можем осветить лишь в отношении дачи показаний о занятиях населения. Соответствующие сведения по г. Петрограду приведены в правой половине таблицы, напечатанной на стр. 129.

Те 15 месяцев, данными о которых мы располагаем, в связи с тенденцией изменения в ту или другую сторону количества дополнительных карточек для лиц, занятых физическим трудом, находившихся на руках у населения по отдельным месяцам, можно разбить на три периода: 1) период роста числа карточек, 2) период уменьшения их числа и 3) период нового увеличения.

Если тенденцию роста или уменьшения числа дополнительных карточек определять по изменению из месяца в месяц абсолютных количеств дополнительных карточек, то перечисленные выше периоды охватят каждый следующие месяцы:

Первый—с сентября 1917 г. по март 1918 г.
Второй – с апреля по август 1918 г.
Третий—с сентября по декабрь 1918 г.

---

[1]) Не исключена возможность противоположного, принятому нами, об'яснения увеличения числа карточек для детей до 1 года. А именно. Соответствуют действительному числу детей до 1 года количество карточек не в январе, а в июле. Возможно, что впервые примененный в январе документизированный учет не сумел сразу уловить детей и это ему удалось сделать лишь постепенно. За это говорит и то соображение, что относительное количество детей до 1 года равное 3% в обычных условиях является почти нормальным. Так напр., в январе 1916 г. в г. Саратове близком к гор. Пензе, перепись дала число детей до 1 года равным 2,8% всего населения (см. „Предварительные данные переписи", стр. 13). Правда, продовольственный кризис должен был вызвать отлив детского населения из городов и при этом условии 3% могут быть сочтены и преувеличением. Но так или иначе, факт, что документизированный учет не дал точной цифры детей по гор. Пензе с устойчивостью, отвечающей действительности, остается непоколебленным. Вопрос может итти лишь о том моменте, когда документизированный учет оказался несостоятельным.

Если же для определения тенденции изменений в числе карточек взять соотношение между общим количеством основных карточек и количеством дополнительных карточек для лиц, занятых физическим трудом, то распределение отдельных месяцев по периодам несколько изменится.

Период, второй по хронологии, характеризуемый уменьшением количества дополнительных карточек, сократится на два месяца—апрель и август, а периоды первый и третий, дающие рост числа карточек, увеличатся каждый на месяц

Картина изменений в числе дополнительных карточек рисуется в следующем виде [1]).

В сентябре и октябре число дополнительных карточек одно и то же, начиная с ноября и вплоть до апреля число их из месяца в месяц увеличивается, в пределах от 1,93 до 6,42% (в отношении к числу карточек за прошлый месяц) в месяц, за исключением февраля месяца, в котором наблюдается незначительное сокращение их числа—на 0,99%.

Вместе с ростом абсолютного числа карточек, растет и их относительное значение в отношении к количеству основных карточек (т. е. растет относительное количество лиц, занятых физическим трудом). В сентябре дополнительные карточки составляют 39,33% основных, а в марте уже 47,73%.

С апреля начинается уменьшение числа дополнительных карточек, продолжающееся в течение пяти месяцев вплоть до сентября.

Уменьшение это равняется в абсолютных числах почти 400 тысячам (вместо 1.024 тыс. стало 647) или в % к первоначальному количеству за период составляет 36,81%.

Характер наблюдаемого уменьшения по месяцам представляет немалый интерес. Уменьшение числа карточек увеличивается с каждым месяцем, в сильнейшей степени падая в последний месяц периода.

В апреле карточек меньше, чем в марте на—7,13%, в мае по сравнению с апрелем меньше на 9,78%, в июне на 9,73%, в июле —на 14,73% и в августе по сравнению с июлем меньше всего на 1,52%.

Если мы обратимся к относительному уменьшению числа дополнительных карточек (в отношении к количеству основных карточек), то, как мы уже указали, период такого уменьшения охватывает только три месяца—май, июнь и июль.

---

[1]) Как видно из заголовков таблицы (на 129 стр.) за период с сентября 1917 г. по июнь 1918 г. мы берем для сравнения число дополнительных карточек для лиц, занятых физическим трудом (или рабочих), а с июля берем число карточек I категории „классового пайка“.

Основное ядро лиц, получавших и дополнительные карточки для рабочих, и карточки I кат. „кл. п.“ одно и то же. Но в число лиц, получающих I кат. „кл. п.“, кроме того входят привилегированные группы женщин (беременные и кормилицы) и хозяйки в больших семьях без прислуги. Таким образом получается некоторая неодинаковость состава группы лиц, численный состав которой мы изучаем Влияние этой разницы в составе отражается на интересующих нас цифрах так, что, начиная с июля, они являются для нас несколько преувеличенными в своих абсолютных выражениях, в относительных же выражениях несколько преуменьшенными, когда отражают уменьшение числа карточек и преувеличенными, когда отражают рост числа карточек.

С такой оговоркой мы и поступаем к их анализу.

За эти три месяца относительное количество дополнительных карточек уменьшалось так.

В апреле дополнительные карточки составляли 48,34% числа основных карточек, в мае этот % падает до 46,64, в июне до 44,20 и в июле до 42,72%.

Если припомнить, что в июле контингент лиц, получавших до того рацион, полагающийся лицам, занятым физическим трудом, начал выдаваться кроме них и женщинам беременным, кормилицам и хозяйкам в больших семьях без прислуги, то сокращение основного кадра лиц, получавших в июне дополнительные карточки, а в июле—карточки 1 категории, должно быть для июля месяца больше того, какое дает таблица.

И без риска впасть в преувеличенную оценку сокращения числа дополнительных карточек, мы можем сказать, что за три месяца относительное количество их вернулось к тому уровню, которое было почти год назад—в сентябре 1917 г. (а тогда их было 39,33%), т.-е. за три месяца удалось ликвидировать то увеличение в относительном количестве дополнительных карточек, которое совершалось в продолжение восьми месяцев (сентябрь 1917 г.—апрель 1918 г.).

Перейдем к третьему и последнему периоду, характеризуемому новым увеличением — и абсолютным, и относительным — количества дополнительных карточек или, вернее, карточек 1 категории „классового пайка".

Для нас он обнимает три или четыре месяца, начинаясь с сентября или октября 1918 г. (смотря по тому, берем ли мы увеличение в абсолютных количествах дополнительных карточек или же в относительных количествах их) и кончается декабрем 1918 г.

В январе 1919 г. распределение населения г. Петрограда по категориям производилось на новых основаниях, в связи с переходом к „классовому пайку" 2 издания, и лица, входившие в 1 категорию „кл. п." 1 издания потонули для нас в новом составе лиц, образовавших 1 категорию „кл. п." 2 издания.

Увеличение абсолютного числа карточек 1 категории за последние три месяца не столь значительно—на 100 тысяч (вместо 647 тыс. стало 747 тыс.) или на 15,45%.

Более значительно увеличение их относительного числа.

Благодаря сильному сокращению общего количества карточек (которые мы выше именовали основными) относительное количество карточек 1 категории возросло в таком большом размере, как то дает таблица—с 42,72% до 58,0% или на 35,77%.

В связи с наблюдаемыми изменениями в количестве дополнительных карточек (или карточек 1 категории при действии „классового пайка") и при сопоставлении этих изменений с изменениями в числе основных карточек (или в общем числе карточек при „классовом пайке") сами собою возникают два вопроса.

Первый—чем вообще обуславливаются наблюдаемые изменения.

Второй — действием каких причин об'ясняется разница в размерах изменений количества карточек основных и карточек дополнительных.

Ответ на первый вопрос—о причинах изменений в количестве дополнительных карточек — надо искать во влиянии тех обстоятельств, о которых мы говорили, когда разбирали вопрос об изменениях в количественном составе Петроградского населения, судя по изменениям в числе основных карточек.

При обсуждении причин изменений в количестве основных карточек, мы пришли к заключению, что причины эти надо искать не только в действительно происходящих изменениях в количестве самого населения, но и в тех возможностях по извлечению фиктивных карточек, которыми обладает контрольная организация.

Возможностями установления правильного соответствия между правами отдельных лиц на рацион того или иного размера и их фактическим осуществлением (в виде получения карточек, отражающих права отдельных лиц), которые может дать, по нашему мнению лишь контрольная организация, должны быть об'яснены и изменения в количестве дополнительных карточек для лиц, занятых физическим трудом.

И переходя к возможностям для контрольной организации установить отвечающее действительности соответствие между правами на рацион и их осуществлением, мы должны придти к заключению, что и наибольшие возможности в этой области дала в Петрограде контрольная организация статистического типа.

Лишь в период работы статистического контроля мы наблюдаем уменьшение количества дополнительных карточек.

И наблюдаем неизменное (за одним лишь исключением) из месяца в месяц увеличивающееся количество дополнительных карточек при действии контроля административного типа.

Правда, наиболе значительное уменьшение падает на июнь месяц, когда статистический контроль уже прекратил свое существование, т. е. на тот же месяц, когда имеется наибольшее же уменьшение и в числе основных карточек.

И то и другое наибольшее уменьшение, а также и небольшое уменьшение в числе дополнительных карточек за август, должно быть об'яснено тем же, чем мы уже об'яснили выше уменьшение в июле и следующих месяцах числа основных карточек—производством в июне месяце общей переписи населения.

Мотивировка этого об'яснения нами уже дана выше при рассмотрении вопроса об изменениях в количественном составе населения.

Там же выяснено и влияние на интересующие нас изменения работ статистического контроля.

Остановимся лишь на одном моменте.

Когда мы рассматривали вопрос о значении контроля для борьбы с фиктивными основными карточками и о его влиянии на уменьшение их числа и приведении количества основных карточек в наибольшее соответствие с действительным количеством населения, то мы говорили, что все эти задачи лучше всего разрешаются контролем статистического типа. Указывая при этом, в доказательство своей мысли на то, что в Петрограде уменьшение числа основных карточек совпадает с работой статистического контроля (продолжаясь и некоторое время после прекращения работ статистического контроля), а периоды, когда

число карточек остается без изменений или увеличивается, совпадают с работой контроля административного типа.

Отсюда нами и делается вывод, что изменения в числе основных карточек находятся в причинной связи с типами контроля.

И там же мы оговаривались, что подобный вывод может быть неправильным. Что логически возможно и другое об'яснение изменений в количестве основных карточек. Изменения количества карточек не стоят ни в какой связи с типами контроля, а самым естественным образом отражают изменения в количестве самого населения.

Мы доказали, или стремились доказать, несостоятельность этого второго об'яснения, исходя из конкретных условий существования г. Петрограда.

Когда мы подходим к об'яснению причин изменений в количестве дополнительных карточек, отражающих качественный состав населения и приходим к заключению, что изменения эти также связаны с типами контроля населения и карточек, то мы не можем принять такое об'яснение за достоверное, если не докажем несостоятельности второго из возможных об'яснений этого явления.

И доказать несостоятельность об'яснения изменений в числе карточек естественными изменениями в самом населении, гораздо легче, именно, при изучении изменений в дополнительных карточках.

Чем фактически могут быть вызваны изменения в количестве дополнительных карточек, если признать, что изменение в их количестве отражает действительные изменения в самом населении?

Прежде всего изменение в абсолютном количестве дополнительных карточек. И, что для нас наиболее интересно, увеличение их числа.

Только одним обстоятельством — увеличением числа лиц, занятых физическим трудом [1]).

Возможно ли предполагать наличие такого увеличения в Петрограде, в условиях его существования в конце 1917 г. и на протяжении большего числа месяцев 1918 г., когда Петроградская промышленность, если не остановилась вообще, то во всяком случае остановилась в своем развитии и подверглась частичной эвакуации в глубь страны. Причем эвакуация коснулась не только технического оборудования промышленных предприятий, но и рабочих.

Конечно, нет.

Уменьшение абсолютного числа дополнительных карточек может быть вызвано только уменьшением числа лиц, занятых физическим трудом.

Против этого заключения ожидать возражений вряд ли приходится.

Затем, чем, какими изменениями в общем числе населения и в той его части, которая занята физическим трудом и полу-

---

[1]) Если нет другого обстоятельства—расширения круга лиц, причисляемых к занятым физическим трудом. Но подобного расширения, кроме момента перехода к „классов му пайку", нами оговоренного, не было. Не было также и обратного явления—сужения круга лиц, причисляемых к занятым физическим трудом.

чает дополнительные карточки, может быть вызвано уменьшение и увеличение относительного количества дополнительных карточек.

Увеличение % дополнительных карточек в их отношении к числу основных карточек (или карточек I категории к общему числу карточек всех категорий) может вызываться 1 а)—увеличением числа лиц, занятых физическим трудом при неизменности количества всего населения или б)—меньшем увеличении его по сравнению с увеличением лиц, занятых физическим трудом и 2 а)—уменьшением количества всего населения при неизменности или увеличении числа лиц, занятых физическим трудом или—б)—при уменьшении и общего числа населения и числа лиц, занятых физическим трудом, если первое число уменьшалось в большей степени, чем второе.

Уменьшение % дополнительных карточек по отношению к числу основных карточек может вызываться также двумя причинами—3 а)—уменьшением числа лиц, занятых физическим трудом при неизменности или увеличении числа всего населения или б)—большим уменьшением лиц, занятых физическим трудом по сравнению с уменьшением числа всего населения и 4 а)—увеличением числа всего населения при неизменности числа лиц, занятых физическим трудом или б)—относительно меньшим их увеличением по сравнению с увеличением числа всего населения.

Выясним теперь, действием каких из указанных нами четырех причин вызывались изменения в относительном числе дополнительных карточек.

МЕСЯЦЫ.	Увеличился или уменьшился % доп. карточек по сравнению с прошлым месяцем.	Характер изменений в абсолютном числе карточек по сравнению с прошлым месяцем.		Под действием какой причины изменился % доп. карточек.
		Основных.	Дополнительных.	
1917 г.				
Октябрь.	Увеличился.	Уменьшилось.	Без изменений.	2 а.
Ноябрь.	„	Увелич. (меньше).	Увелич. (больше).	1 б.
Декабрь.	„	Уменьшилось.	Увеличилось.	2 а.
1918 г.				
Январь.	„	Увелич. (меньше).	Увелич. (больше).	1 б.
Февраль.	Уменьшился.	Без изменений.	Уменьшилось.	3 а.
Март.	Увеличился.	Уменьшилось.	Увеличилось.	2 а.
Апрель.	„	Уменьш. (больше).	Уменьш. (меньше).	2 б.
Май.	Уменьшился.	„ (меньше).	„ (больше).	3 б.
Июнь.	„	„ („).	„ („).	3 б.
Июль.	„	„ („).	„ („).	3 б.
Август.	Увеличился.	„ (больше).	„ (меньше).	2 б.
Сентябрь.	„	Уменьшилось.	Увеличилось.	2 а.
Октябрь.	„	„	„	2 а.
Ноябрь—Дек.	„	Увелич. (меньше).	Увелич. (больше).	1 б.

Примечание: В графах „Характер изменений в абсолютном числе карточек по сравнению с прошлым месяцем“ слова в скобках—(больше) или (меньше)—в тех случаях, когда и в основных и в дополнительных карточках происходит изменение одного и того же характера, указывают сравнительные размеры этих изменений, т. е. число каких карточек увеличилось или уменьшилось по сравнению друг с другом в большей или меньшей степени.

Попробуем теперь определить, какие причины, из влияющих на уменьшение или увеличение относительного числа дополнительных карточек, могут соответствовать общим об'ективным условиям существования Петрограда за изучаемый нами период времени и какие причины по самому своему существу являются противоречивыми, несоответствующими общим об'ективным условиям существования Петрограда.

Причины, условно помеченные нами 1-а, 4-а и 4-б, фактически действия не имели, на них потому мы останавливаться не будем.

Остальные пять причин, предвосхищая наш вывод о них, разделяются следующим образом—

соответствующие условиям существования—2-б и 3-б,
сомнительно соответствующие „ „ —3-б
несоответствующие „ „ —1-б и 2-а [1]).

Причина 2-б, вызывающая увеличение относительного числа дополнительных карточек благодаря более сильному относительному уменьшению количества всего населения по сравнению с относительным уменьшением числа лиц, занятых физическим трудом, вполне соответствует общим об'ективным условиям существования Петрограда, под влиянием которых уменьшалось и общее количество населения и часть его, занимающаяся физическим трудом.

Своими словами о том, что указанная причина „вполне соответствует“ условиям существования Петрограда, мы характеризуем лишь факт уменьшения, но не то соотношение между уменьшением всего населения и рабочего населения, которое имеет место при действии причины 2-б.

Сказать, что „вполне соответствует“ соотношение изменений, когда все население Петрограда уменьшается относительно быстрее чем рабочее население, мы не можем просто за отсутствием у нас соответствующих данных.

По только что названным соображениям и с теми же, по своему существу, оговорками должна быть признана соответствующей общим об'ективным условиям существования Петрограда и причина 3-б, вызывающая уменьшение относительного

---

1) В приведенной выше табличке в последней ее графе, причины соответствующие (2-б и 3-б) напечатаны жирным шрифтом, причина сомнительного соответствия (3-а) курсивом и причины несоответсувющие (1-б и 2-а) обычным шрифтом.

числа дополнительных карточек при сокращении числа и всего населения и рабочего населения, но при более сильном сокращении последнего.

Причина 3-а отнесена нами к числу соответствующих, но с оговоркой—„сомнительно“.

И наше сомнение в ее соответствии условиям существования Петрограда сводится к следующему.

Число дополнительных карточек при действии этой причины уменьшается и в этом ее соответствие условиям существования.

Но число всего населения остается без изменения или даже увеличивается.

Конкретно, в феврале месяце, когда имело место действие причины, о которой мы говорим, число всего населения в Петрограде осталось по сравнению с январем месяцем без изменения и увеличилось по сравнению с декабрем месяцем.

Вот эта-то неизменность числа всего населения в феврале по сравнению с январем и увеличение его числа по сравнению с декабрем при уменьшении числа рабочего населения и возбуждает наше сомнение, так как мы не видим тех причин, которые могли бы вызвать прилив в Петроград исключительно нерабочих элементов.

Причины 1-б и 2-б мы считаем явно несоответствующими общим условиям существования Петрограда.

Общие условия существования Петрограда вызывают отлив из него населения, не исключая и рабочих.

Между тем причина 1-б предусматривает увеличение и всего населения и рабочих, а причина 2-б уменьшение в числе всего населения и одновременное увеличение рабочего населения или неизменность его числа (конкретно в пяти месяцах увеличение и в одном—неизменность).

В течение скольких же месяцев имело место действие каждой из рассмотренных нами причин?

Вот соответствующие данные.

ПРИЧИНЫ.		Число месяцев.
Соответствующие.	2—б.	2
	3—б.	3
Итого . . .	—	5
Сомнит. соответствующие.	3—а.	1
Несоответствующие.	1—б.	3
	2—а.	6
Итого . . .	—	9

Таким образом из 15-ти месяцев, данными о которых мы располагаем, в течение 9-ти месяцев действовали причины несоответствующие общим условиям существования Петрограда, в одном месяце действовала причина сомнительно соответствующая и лишь в течение 5-ти месяцев, т.-е. одной третьей части их общего числа, действовали причины соответствующие общим объективным условиям существования Петрограда за изучаемый нами период.

Вот результаты нашего предположения, что колебания в относительном числе дополнительных карточек, выдаваемых рабочему населению, соответствуют и отражают действительные изменения, происходящие в этом самом рабочем населении.

Ключ к пониманию этих результатов, ненормальных по своему существу, мы получим лишь в том случае, если свяжем изменения в числе дополнительных карточек, отражающих качественный состав населения, с типами контрольных организаций, действовавших в течение интересующего нас периода времени.

Вот сопоставление характера причин, вызвавших изменения в относительном числе дополнительных карточек по отдельным месяцам и периодами действия различных типов контроля.

МЕСЯЦЫ.	Характер причин, действовавших в каждом месяце.	Периоды действия контроля различных типов
1917 г. Октябрь	Несоответствующая.	Административный контроль.
Ноябрь	„	
Декабрь	„	
1918 г. Январь	„	
Февраль	Сомнительного соответств.	
Март	Несоответствующая.	Статистический контроль.
Апрель	Соответствующая.	
Май	„	
Июнь	„	
Июль	„	Административный контроль.
Август	„	
Сентябрь	Несоответствующая.	
Октябрь	„	
Ноябрь—декабрь	„	

Из приведенных данных мы видим, что месяцы, в которых причины, вызвавшие изменение в относительном числе дополнительных карточек, признаны нами соответствующими действительному положению Петрограда, грубо совпадают с периодом

работы статистического контроля,—начинаются со второго месяца применения контроля статистического типа и кончаются через два месяца после прекращения его работ, если июнь месяц, когда была произведена общая перепись населения, считать входящим в период применения статистического контроля, и через три месяца, если июнь месяц отнести к периоду действия контроля административного типа. Месяцы, в течение которых действовали причины изменения в относительном числе дополнительных карточек, несоответствующие общим условиям существования Петрограда и месяц с причиной сомнительного соответствия в общем и целом совпадают с периодами работы контроля административного типа.

Типы контроля.	Число месяцев, когда действовали причины.			
	Соответств.	Сомнит. соответств.	Несоответств.	Итого.
Статистический	3	—	1	4
Административный	2	1	8	11
	Тоже в $^0/_0{}^0/_0$ к общему числу месяцев.			
Статистический	75	—	25	100
Административный	18	9	73	100

Таким образом в период действия статистического контроля в $^3/_4$ общего числа месяцев, или 75% их, причины, вызывавшие изменение относительного количества дополнительных карточек, являются *соответствующими* общим условиям существования Петрограда и лишь в $^1/_4$, или в 25% всех месяцев, причины эти не соответствуют условиям существования.

В период действия административного контроля мы видим диаметрально противоположное,—в почти $^3/_4$ всех месяцев (73%) наблюдаются причины *явно несоответствующие* условиям существования, а остальная $^1/_4$ месяцев разбивается по характеру причин между сомнительно соответствующими—9% и соответствующими—18% [1]).

И то обстоятельство, что действие причин, влияющих на изменение относительного числа дополнительных карточек, имеет соответствующий общим условиям существования характер, начиная лишь со второго месяца работы контрольной организации статистического типа и кончая вторым месяцем после прекращения статистического контроля, имеет свои исчерпывающие об'яснения.

---

[1]) Названные нами процентные отношения получаются в том случае, если мы период действия статистического контроля будем считать в 4 месяца, включая и июнь. Присоединив же июнь к периоду действия административного контроля, мы получим почти тот же самый вывод, что и имеем.

Изменение будет лишь в том, что среди м—цев действия статистического контроля, месяцев, имеющих соответствующие причины, будет 67%, а среди м—цев действия административного контроля, месяцев, имеющих несоответствующие причины, будет также 67%, т.-е. диаметральная противоположность сохраняется в полной мере.

Объяснение этого обстоятельства тесно переплетается с другим вопросом—разницей во влиянии работ статистического контроля на уменьшение числа карточек основных и уменьшение числа карточек дополнительных.

Или другими словами, нас интересует вопрос о разнице в возможностях, даваемых статистическим контролем для достижения согласованности между количественным и качественным составом населения с одной стороны и отражающим их количеством основных и дополнительных карточек с другой стороны.

В чем прежде всего эта разница выражается.

Сравнивая (в таблице на стр. 129-й) изменения в количествах абсолютных и относительных—основных и дополнительных карточек, легко заметить разницу: во-первых, в продолжительности того периода, в течение которого происходило уменьшение числа тех и других карточек, и, во-вторых, в относительных размерах этих изменений по каждому типу карточек.

Изменение в абсолютных числах карточек продолжалось: для основных—в продолжение 8-ми месяцев и дополнительных—в продолжение лишь 5-ти месяцев.

Подобная же разница и в относительных размерах уменьшений их количества. Основные карточки сократились в своем числе за весь период уменьшения на 43,25%, а дополнительные лишь на 36,81% (первые—с 2.240 тыс. до 1.271 тыс., а вторые—с 1.024 тыс. до 647 тыс.).

Между тем по имеющимся цифровым данным надо было бы предполагать обратное соотношение в относительных размерах сокращения в числе основных и дополнительных карточках—дополнительные карточки должны были бы сократиться в относительных размерах больших, чем основные карточки.

Из данных таблицы, помещенной на стр. 127-й, говорящей о непосредственных результатах выборочных контрольно-статистических переписей, видно, что благодаря этим переписям было обнаружено излишних карточек—основных всего 7,70%, а дополнительных в семь раз больше—53,30%.

При такой, можно сказать, колоссальной разнице в непосредственных результатах статистического контроля, разнице, имеющей место в самых разнообразных частях Петрограда (по отдельным участкам города, где производились выборочные переписи, превышение процента из'ятых дополнительных карточек по сравнению с основными, ни в одном участке не падает ниже, чем в $3^{1}/_{2}$ раза, поднимаясь в некоторых участках до превышения в 10 и даже 17—18 раз) надо было бы ожидать и соответствующей разницы в действии статистического контроля, как психологического фактора, влияющего вообще на сокращение числа фиктивных карточек, а отсюда и их общего количества.

Причины несоответствия между ожидаемыми результатами статистического контроля в отношении размеров общего сокращения основных и дополнительных карточек и результатами фактически имеющимися, надо искать в отношении населения к фактам обнаружения фиктивных карточек основных, отражающих количественный состав населения, и к фактам обнаружения фиктивных карточек дополнительных, отражающих качественный состав населения.

Отношение же это должно быть, по ряду соображений, самое различное.

Фиктивность основной карточки есть факт ясный и непреложный.

Ясный для всех—неграмотных и высокограмотных, для чернорабочего и интеллигента. Раз нет на лицо человека, не должно быть и карточки на его имя. Об этом не может быть споров, здесь нет места сомнениям и недоразумениям.

Быть уличенным в пользовании фиктивной карточкой, не говоря уже о возможных формальных последствиях, морально так же неприятно, как быть уличенным в целом ряде других проступков, в свое время предусмотренных уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и уголовным уложением.

Поэтому население в момент производства контрольно-статистических переписей должно стремиться, чтобы не быть в морально, а может быть и формально тяжелом положении, к тому, чтобы все основные карточки выдать за действительные, а не за фиктивные.

Контрольная же организация статистического типа, оставаясь в пределах применения своего метода работы в большинстве случаев бессильна в полной мере устранить влияние этого стремления.

Единственное средство установить неправильность показаний о количестве лиц в той или иной семье или квартире, находящейся в распоряжении статистического контроля, заключается в опросе соседей и представителей органов домового правления.

Путь такого проверочного опроса очень редко (говорим это по опыту) может служить хорошим орудием установления истины.

Тогда как в Петрограде фиктивные карточки исчислялись сотнями тысяч, большинство семей и квартир, не исключая и тех, к которым относятся и представители органов домового управления, обладают фиктивными карточками, то совершенно неорганизованно создается единый коллектив, состоящий из совершивших один и тот же проступок лиц, спаянных между собою невидимыми нитями круговой поруки—„ты меня не подведешь, и я тебя вызволю“ [1].

Но достигнуть того, чтобы в момент производства контрольной переписи фиктивная карточка была признана за действительную, т. е. суметь не попасть в положение человека, пойманного на месте преступления, еще не означало для населения приобрести уверенность, что теперь, после производства контроля, оно может быть спокойно. Нет. Оно узнавало, что переписи производятся и после того, как она была произведена в данном месте, уверенности в том, что не будет повторного контроля (раз у населения на руках остались фиктивные карточки, то

[1] Учитывая тяжелое положение населения, уличаемого в пользовании фиктивными карточками и веря в то, что статистический контроль имеет не только непосредственное действие, но и последующее психологическое, приводящее к искомой цели—сократить число фиктивных карточек,—автор настоящей работы, организуя в Петрограде первую партию статистического контроля, прямо дал ей директиву—не настаивать на фиктивности основных карточек при сильном желании населения выдать их за действительные.

основание для этого имеется) у него не могло быть, наконец, по тем формулярам, которые были заполнены при переписи, продовольственная организация в любой момент может навести справки и обнаружить фиктивность лиц, в них записанных, а отсюда и определить наличие фиктивных карточек. В результате всего этого население должно было потерять спокойствие. Из него выросло стремление вычеркнуть при ближайшей же раздаче новых карточек из списка проживающих всех явно фиктивных лиц.

Объективные следствия описанных условий — нам уже известны.

Статистический контроль в момент своего производства обнаруживая незначительный % фиктивных основных карточек, в дальнейшем сопровождается усиленным сокращением их общего числа.

Иное положение должно быть и фактически есть по отношению к дополнительным карточкам.

Фиктивность дополнительной карточки для лиц, занятых физическим трудом, не столь ясна и определенна, как фиктивность основной карточки, конечно, если дополнительная карточка получена не на фиктивное же лицо.

Прежде всего по вине самой продовольственной организации.

Впервые более или менее исчерпывающий список профессий, дающих право на усиленный паек, появился в связи с переходом к „классовому пайку". До него же существовало, как было отмечено нами в главе о карточной системе, далекое до ясности, лишь примерное перечисление занятий, дающих право на получение дополнительной карточки, перечисление, кончающееся уже совсем неясным „и т. п.".

В той же главе мы отмечали невыдержанность и случайность практики продовольственных органов в отнесении отдельных категорий и даже единичных лиц в число получающих дополнительные карточки.

Добавим к сказанному еще то, что в Петрограде, помимо центрального общегородского продовольственного органа, районные, а иногда и подрайонные продовольственные органы, занимались самостоятельным решением вопросов о том, какие же лица должны считаться занимающимися физическим трудом и имеют право на дополнительные карточки [1]).

Все это создавало такую обстановку, при наличии которой население почти всегда имело возможность, в случае обнаружения фиктивной дополнительной карточки (на лицо действительно существующее), отрицать корыстные мотивы получения ее и ссылаться на ошибочное понимание правил о праве пользования дополнительными карточками.

[1]) Благодаря совершенно незаконной самостоятельности районных и подрайонных продовольственных органов, нередко получалось положение, что за представителями одной и той же профессии в одном районе признавалось право на получение дополнительных карточек, а в другом, руководившемся указаниями общегородского продовольственного органа, это право отрицалось. Так напр., задолго до перехода к „классовому пайку", Охтенский районный продовольственный орган решил выдавать дополнительные карточки женщинам-хозяйкам в больших семьях без прислуги. И свое решение, несмотря на протест центра, осуществил.

Кроме того, активную и решающую роль в определении прав отдельных лиц на получение дополнительных карточек играют органы домового управления.

У населения возможна всегда ссылка на эти органы, на их санкцию, в оправдание получения дополнительной карточки, в случае отсутствия действительных прав на нее.

Отсюда и вытекает разница в результатах работ статистического контроля в отношении основных и дополнительных карточек.

В момент производства контрольных переписей население стремилось во что бы то ни стало отстоять действительность основных карточек и значительно легче соглашалось с фиктивностью дополнительных карточек.

В результате низкий % изъятых при переписях основных карточек и очень высокий % изъятых карточек дополнительных.

После производства переписи, население боялось и дальше пользоваться оставшимися у него на руках фиктивными основными карточками и с легким сердцем относилось к оставшимся фиктивным дополнительным карточкам.

Население же в местах, не затронутых еще контрольными переписями, но ожидая их, столь же различно относилось к фактам пользования фиктивными карточками—основными, фиктивность которых бесспорна и дополнительным, и, этой бесспорностью не обладающими.

В результате более быстрое прекращение влияния работ контрольной организации статистического типа на уменьшение количества дополнительных карточек и более медленное—на уменьшение количества основных карточек и обратное явление в отношении начала влияния статистического контроля.

Отсюда следствия — во-первых, период уменьшения числа основных карточек равняется 8 месяцам, а период уменьшения числа дополнительных карточек равняется лишь 5 месяцам.

Во-вторых, общее уменьшение карточек основных на 43,25%, а дополнительных на 36,81%, хотя % последних и должен бы быть выше % первых.

И в третьих, относительные размеры сокращения числа дополнительных карточек превышают относительные же размеры уменьшений основных карточек лишь в течение трех месяцев, а в течение двух месяцев % сокращения числа дополнительных карточек ниже чем % сокращения числа основных карточек, благодаря чему, несмотря на уменьшение в эти два месяца абсолютного числа дополнительных карточек, относительное количество их, в отношении основных карточек, увеличивается (то, что выше мы называли действием причины 2-б).

Сказанным мы заканчиваем обзор значения статистического и административного типов контрольных организаций в деле борьбы с злоупотреблениями и недоразумениями при учете качественного состава населения и осуществления населением прав на получение продовольственных рационов различных размеров.

Учет распределительных пунктов.

Общие замечания. Все те вопросы, которые мы поднимаем в настоящей работе, имеют чрезвычайно важное значение.

Важность их не ограничивается настоящим временем, но простирается и на будущее.

Организованное распределение является частью того будущего, которое называется социализмом.

Сейчас происходит практическое испытание элементов будущего строя, казавшегося еще недавно далеко и трудно осуществимой мечтой.

То или иное осуществление мероприятий, являющихся частью целостной системы будущей организации общества, повлечет за собою и соответствующий приговор широких народных масс всей системе.

Этого не надо забывать, когда мы подходим к регулирующим народно-хозяйственную жизнь государственым мероприятиям.

И особенно надо помнить эту мысль при обсуждении вопросов, связанных с работою распределительного аппарата.

Именно по этой работе составляют и будут составлять представление о всей работе современных регулирующих органов и по ней судить о достоинствах будущего строя.

В глазах широких народных масс, взору которых недоступна работа всей машины регулирующих органов, работа близкого ему распределительного аппарата будет олицетворять и всю современную работу органов регулирования и ее же, как прообраз будущего.

Место, уделяемое нами каждому из рассматриваемых вопросов, не достаточно для сколько-нибудь исчерпывающего и подробного освещения их. Эта недостаточность места и просто сил одного лица для необходимой полноты обсуждения, особенно чувствуется при освещении вопросов, связанных с работой распределительного аппарата.

Не в силах одного человека охватить, в особенности в короткий срок, все те новообразования, которые возникли на месте разрушенного частно-торгового аппарата.

Приходится отказаться прямо от постановки целого ряда первостепенной важности вопросов и сосредоточить внимание лишь на немногих наиболее существенных сторонах, характеризующих распределительный аппарат нового типа, работающий в условиях организованного распределения.

Вопросы организационного порядка, касающиеся распределительного аппарата, рассмотрены нами в предыдущей главе.

Сейчас мы переходим к вопросам, связанным с учетом работы распределительного аппарата.

Связь между организационной стороной и стороной учета ясна и несомненна.

Организационная структура распределительного аппарата в очень сильной степени определяет само существо и методику учета.

Есть и иная последующая связь между учетом и организационной структурой распределительного аппарата.

Цифровые результаты учета являются аттестатом для различных организационных структур распределительного аппарата, ими должны определяться достоинства той или иной структуры.

Вследствие этого, система учета, позволяющая наиболее правильно и быстро познавать работу распределительного аппарата, должна быть признана наиболее практически рациональной.

Исходя из сказанного, мы в дальнейшем должны были бы именно с этой точки зрения и рассмотреть все существующие системы учета, а выше, при обсуждении вопросов об организационной структуре распределительного аппарата, оценить разновидности этой последней, основываясь на цифрах, получаемых в результате учета их работы.

Только такая оценка системы учета и разновидностей организационной структуры могла бы претендовать на наибольшую объективность, а отсюда и на общепризнанную убедительность.

К сожалению, как при оценке отдельных элементов организационного построения распределительных аппаратов, так и сейчас, при рассмотрении и оценке систем учета, мы вынуждены оставаться в пределах словесных доводов, вносить невольно элементы субъективного усмотрения и предрасположения там, где язык цифр был бы наиболее уместен.

Заменить сильное оружие цифровых выводов слабым оружием логических доводов заставляет нас то действительное состояние отчетного дела, которое, не дав нам нужных цифр, не позволило и употребить наиболее подходящее и сильное оружие

Поэтому остановимся прежде всего именно на положении отчетного дела в той его части, которая входит в область нашего изучения.

Для начала приходится ставить как будто мало уместный вопрос о задачах, которым должна удовлетворять любая отчетность.

Определить основную задачу любой отчетности, оставаясь в пределах примитивной формулировки, вне зависимости от ее (отчетности) системы, можно так.

Отчетность должна давать представление (можно добавить — о статике его и динамике) о фиксируемом ею предмете.

Этой главной своей задачи и не выполняет отчетность распределительных аппаратов.

Учет денежной стороны нас не интересует и об ней мы говорить не будем.

В пределах нашего интереса к работе продовольственных органов вообще и к работе подчиненных им распределительных аппаратов в частности, мы должны констатировать, в отношении интересующей нас области учета товаров, следующий факт.

Во всех городах, вошедших в наше исследование, мы нашли специальные организации, занятые ведением товарной отчетности по распределительным аппаратам, но ни в одном городе нам не удалось обнаружить самой отчетности, если горы исписанной бумаги, не дающей в результате ответа на основной вопрос—да каково же положение учитываемого объекта—не считать за отчетность.

Казалось бы, что если ведется материальная или товарная отчетность, то она прежде всего должна ответить на основной вопрос—сколько через распределительный аппарат было распределено различного рода продуктов и предметов.

Но такого ответа отчетность ни одного города, а среди них были и такие, как Петроград и Москва, не дает.

А между тем, кроме ответа о количестве распределенного, отчетность должна была бы ответить на ряд других столь же важных вопросов—о количестве прежде всего полученных распределительным аппаратом продуктов и предметов, об их остатках и о том, куда пошла разница между поступлением с одной стороны и отпуском плюс остатком с другой стороны. Т. е. сколько списано в расход под статьей утечки, усушки и т. п., сколько падает на случайные, но неизбежные потери и, наконец, какое количество расхода продуктов и предметов никакими законными титулами не оправдана.

Имея такого рода сведения мы только и могли бы составить правильное заключение.

1) По периоду времени, в который отчетные данные принимают законченный для обозрения и изучения вид, о достоинствах самой системы учета;

2) По элементам расхода, носящим бесполезный характер (утечки, провесы, пропажи и т. п.) в их отношении к общей сумме расхода судить о распределительном аппарате, с хозяйственной точки зрения и

3) по количеству распределенных продуктов, в сопоставлении этого количества с вычисленным количеством, подлежащим распределению (получаемого путем помножения нормы выдачи на одно лицо на общее число лиц, пользующихся правом получения) судить о распределительном аппарате и с хозяйственной точки зрения и, что гораздо важнее, могли бы судить о значении работы распределительного аппарата, как нового социального строения.

Ничего необходимого для составления такого рода заключений нам видеть не удалось.

Даже больше.

В Петрограде, например, центральный продовольственный орган даже не знает вообще о системе и состоянии отчетности по распределительному аппарату, так как таковая всецело передана районным органам, без каких бы то ни было инструкций из Центра. Ясно, что и большинство районных органов, никем не инструктированные и не понуждаемые создать отчетности, удовлетворяющей соответствующим требованиям, не смогли.

Удивляться создавшемуся положению вряд ли приходится.

Тот колоссальный размах хозяйственной деятельности, который взят на себя государством, потребовал и колоссального количества подготовленных работников.

Там, где еще недавно царила частная предприимчивость и где учет в большинстве случаев ограничивался счетом в уме или сводился к записям домашнего свойства (взять хоть те же лавки), при изменившихся условиях, когда управление хозяйственной жизнью перешло к государственной власти, должна была появиться правильно организованная отчетность.

Как под час не проста и не велика отчетность в различных государственных предприятиях, но она представляет из себя нечто самостоятельное, предполагающее и самостоятельно работающее над нею лицо.

В недостатке лиц, способных по своим знаниям и личным свойствам к самостоятельной работе и надо искать основную причину многих недочетов в современной постановке у нас отчетного дела.

С отсутствием цифровых характеристик различных систем учета распределительных аппаратов перейдем к их обзору.

Мы полагаем необходимым остановиться в дальнейшем на следующих вопросах, связанных с учетом распределительных аппаратов—

1. О задачах учета.
2. О способах получения отчетных данных и
3. О системах учета или о способах обработки отчетных данных.

Задачи учета. Можно наметить две основные задачи, преследуемые материальным (или товарным) учетом распределительных пунктов.

Во-первых учет товаров является частью общего товаро-денежного учета, цели которого общеизвестны, почему на них мы останавливаться не будем.

И во-вторых, в современных условиях, учет товаров является способом наблюдения за правильным осуществлением порученного распределительному аппарату дела распределения, основанного на определенных принципах.

Как достигается первая задача для нас в рамках настоящей работы мало интересно. В ее разрешении нет ничего отличного от общепринятых приемов товарного счетоводства, почему обсуждение вопросов с ней связанных выходит за пределы нашей работы.

Нас вопросы, относящиеся к этой первой задаче будут интересовать лишь отчасти, в дальнейшем изложении настоящей главы, когда разрешение их является также и разрешением второй задачи.

Что касается второй из названных нами задач—достижение при помощи материального учета распределительных пунктов наиболее правильного осуществления принципов, лежащих в основе организованного распределения, то они целиком входят в область нашего интереса.

Чем собственно может помочь учет при той или иной своей организации, осуществлению, говоря конкретно, равномерного и правильного и даже, если вдуматься глубже, скорого распределения?

Вот что, между прочим, пишет в одном из № газеты „Экономическая Жизнь“ (№ 202) т. Р. Арский, в статье, посвященной спекуляции.

„Продукты на Сухаревку и другие нелегальные рынки попадают из наших же магазинов, из которых по карточкам ничего нельзя получить (речь идет не о съестных продуктах, а о различного рода изделиях—Н. В.). Все эти продукты нелегального рынка, по существу говоря, украдены из наших советских магазинов, похищены оттуда и совершенно открыто продаются на спекулятивном нелегальном рынке.

Пути проникновения этих продуктов на рынок весьма разнообразны: отчасти это изделия, похищенные из советских магазинов, сюда же можно отнести также значительное количество съестных продуктов, часть хлеба, муки сахара, конфект“...

Если написанное соответствует фактическому положению вещей, а оно, к сожалению, действительно очень часто соответствует, то мы также часто стоим перед фактами нарушения всех тех принципов распределения, которые положены государственною властью в его основание.

Кражи из магазинов, вообще всякая утечка [1]), рано или поздно должны отразиться на чистоте принципов легального государственного распределения.

Конечно, не все кражи производятся со взломом замков, есть среди них и определенный % краж домашнего вора. Если украденное чужим вором можно на законном основании списать в расход, то тогда это непосредственно на населении не отразится. Но если производится кража домашними ворами, то такого рода кражи возможны лишь непосредственно за счет населения— украденное не может быть показано как таковое и будет в конечном счете компенсироваться обвесами, обмерами, представлением фальшивых купонов и т. п.

Вот с кражами второго рода, производимыми домашними ворами и должен между прочим бороться правильно поставленный учет распределительных пунктов, чтобы предотвратить их последствия, больно отражающиеся на населении и компрометирующие всю принятую систему организованного распределения, а вместе с ней и весь будущий социалистический строй, частью которого она является.

Каждый, кто наблюдал настроение в хвостах, тот знает главную причину обостренности недовольства населения, связанного с переживаемым кризисом.

Не недостаток продуктов, не микроскопичность подчас их размеров, вызывает в острой форме массовое недовольство. Причину недостаточности продуктов население в массе своей понимает и не она вызывает озлобление.

Население не может привыкнуть, да и не сможет никогда привыкнуть, к тем часто безобразным условиям распределения,

---

[1]) Утечка может быть и не результатом воровства, в тех случаях, когда на провесе и проч. расходах продукта в процессе распределения, нормированных определенным %, служащие сумеют сделать экономию и, присвоив ее пустить на „Сухаревку“. Такое положение возможно, благодаря принятой системе учета, в той же Москве, но об этом будем говорить дальше.

которые ничего общего с продовольственным кризисом не имеют и легко могут быть организационно преодолены.

Между тем внутренняя причина ненормальных условий распределения, самым грубым образом нарушающих и равномерность, и правильность и быстроту его, сводится к тому, что „шум“, создаваемый подобного рода условиями распределения, нужен для того, что среди него легче обделывать те дела, о которых пишет цитированные нами слова т. Р. Арский.

Система учета, сумеющая преодолеть „шум“ и не взирая на него провести принцип быстроты и точности отчетности, очень скоро сумеет уничтожить, как самый „шум“, так и все его последствия.

Вот основная задача учета, на которой мы и сосредоточим наше внимание.

Способы получения отчетных данных.

Способы получения отчетных данных о состоянии и оборотах товаров в торговых предприятиях частно-капиталистического характера приблизительно таковы.

Или учет проданных товаров производится в момент продажи или же проданное устанавливается сопоставлением оставшегося товара с бывшим в наличности за учитываемый период. Разность между наличностью и за учитываемый период и остатком на его конец, или выражаясь бухгалтерским языком, между дебетом и сальдо дебета и составляет количество товара, которое, за вычетом бесполезного расхода (провес, прорез и т. д.) и составляет количество проданного товара.

Тем или иным из указанных способов возможно было бы учитывать проданные товары и теперь, если бы распределение не подвергалось регулировке, если бы оно носило неорганизованный характер и если бы на ряду с регулируемым или организованным распределением не существовало параллельного распределения неорганизованного, спекулятивного.

При господстве неорганизованного распределения соответствие между проданными товарами и денежными суммами, вырученными за него, решало вопрос о правильности всего распределения, называвшегося продажей.

Для организованного распределения момент соответствия денежной выручки и стоимости проданных товаров, играет, если не второстепенную, то во всяком случае не самую главную роль.

Гораздо важнее осуществление основных принципов распределения—справедливости и равномерности. Прежде всего важно, чтобы каждый гражданин получал то, что ему причитается. Но мало и этого. Важно, чтобы та часть товаров, которая не приобретена гражданами, имеющими на них право, не была компенсирована деньгами и переведена с легального рынка на нелегальный, а чтобы она осталась в распоряжении государственной власти и была использована в рамках организованного распределения.

Таким образом, чтобы оправдать израсходованные товары необходимо—при неорганизованном распределении лишь компенсаций деньгами, а при организованном—помимо денежной компен-

сации: также и так сказать правовая компенсация, т. е. компенсация проданных товаров документами, дающими право на получение их.

Каким же путем устанавливается соответствие между израсходованными товарами и документами, оправдывающими произведенные расходы.

Мы можем наметить следующие два этапа установления правильности расходования товаров, передаваемых распределительному аппарату:

а) установление соответствия между приходом и расходом товаров вообще и

б) установление соответствия между размером отдельных статей фактического расхода, с тем, который должен бил бы быть произведен при правильном ведении дела.

По времени производства работ, относящихся к обоим названным моментам установления правильности расходования продуктов они являются между собою тесно связанными, друг друга дополняющими.

Остановимся первоначально на вопросе об установлении соответствия между размерами расхода по отдельным статьям—имеющегося и должного, и в частности на соответствии между количеством действительно проданных товаров и количеством товаров, значащимся в оправдывающих продажу документах.

Документами, оправдывающими главную часть товаров, продаваемых в условиях организованного распределения, являются карточки или их отдельные купоны.

Причем отдельные купоны, которыми оправдываются все съестные продукты и часть предметов широкого потребления, лишь условно можно назвать документами, так как они лишены качеств, неразрывно связанных с понятием о документе строгой отчетности.

Документ, не говоря о всех его качествах, а беря лишь главнейшие, прежде всего должен быть индивидуален и именован, как в отношении лица его выдавшего, так и точного определения представляемой им суммы денег или материалов.

Купон из этих требований, пред'являемых к документу, удовлетворяет лишь одному последнему—он показывает какое количество чего либо по нему должно было бы быть отпущено.

Индивидуальных черт и имени лица выдавшего его, купон не содержит—все купоны на один и тот же продукт или предмет совершенно одинаковы, каждый из них в отдельности похож на все остальные, в той же мере как зачерпнутая в сосуд вода похожа на воду резервуара, из которого она взята.

Таким образом организованное распределение в своих современных формах не имеет возможности учесть главную массу расходуемых продуктов с теми гарантиями точности, которые требуются счетоводством или наукой об учете ценностей.

Некоторые продовольственные органы пытались разрешить это затруднение очень просто — придать каждому купону вид документа, сделать его индивидуальным, чтобы при записи в соответствующих отчетных формулярах отдельный купон не терялся среди массы других.

Такая индивидуализация достигалась проставлением на каждом купоне только ему одному принадлежащего №.

Признанию необходимости превратить отдельные купоны в документы, сопутствовала в дальнейшем, при составлении отчетов, необходимость и поступать с ними, как с обычными документами, т. е. проводить каждый купон по книгам (или ведомостям—это никакого значения не имеет) отдельною строкой.

Даже совсем незнакомый с техникой бухгалтерской работы должен притти в невольный ужас перед грандиозностью поставленных задач, при практическом осуществлении системы учета распределительной сети, основанной на признании документом каждого отдельного купона.

При подобной системе ведь пришлось бы, после каждого случая распределения какого-либо продукта или предмета, проводить через книги десятки и сотни тысяч, а в столицах и миллионы документов-купонов.

В течение месяца для среднего губернского города число купонов-документов выражалось бы (при 100 тыс. населения и 20 случаях распределения) 2 миллионами, а для такого города как Москва 35—40 миллионами.

Для своевременного составления отчетов о распределенных продуктах потребовалось бы создать такие грандиозные счетные аппараты, по сравнению с которыми все прочие современные учреждения, с разговорами о разбухании их личного состава, могли бы показаться просто несуществующими.

Если предположить, что сотрудник, при очень интенсивной работе: при самой простой системе учета, успеет занести в книги за свой рабочий день 300 документов, то для одной лишь разноски в книги пришлось бы иметь штат конторщиков приблизительно в 270 чел. для города с 100 тысячным населением, а для Москвы в 5000 человек.

Но простое счетоводство не дает гарантий правильности учета без самого тщательного контроля всех сотен тысяч и миллионов записей, а контроль при таком количестве документов потребует чуть ли не двойного увеличения штатов.

Применение двойной бухгалтерии для учета распределительной сети при том же условии признания купона документом строгой отчетности, потребует штатов еще больших.

Названные нами цифры потребного расхода людского труда для ведения отчетности, по описанной нами системе, являются настолько большими (при учете названным способом, например—хлеба стоимость учета должна была бы лечь на его стоимость в размере по крайней мере 25—30%), что практическое осуществление его просто не мыслимо.

По крайней мере нам известны лишь проекты организации учета, основывающегося на признании купонов документами строгой отчетности, но неизвестны случаи их практического осуществления, хотя бы в процессе проектирования подобных систем продовольственные органы и доходили до напечатания всех необходимых формуляров.

О рассмотренной нами системе учета распределительной сети, как не применяемой на практике, можно было бы и не упоминать. Но сказать о ней необходимо, учитывая будущее.

Учет распределительных сетей поставлен очень часто неудовлетворительно. Все время происходят реорганизации систем учета. И надо поэтому показать, что в поисках лучших систем среди таковых нельзя считать ту, о которой мы только что говорили.

Если купон не может быть по чисто техническим условиям признан документом строгой отчетности, то является необходимость создать какой-либо иной документ, так как без документа никакая отчетность, а значит и учет, не мыслимы.

Такой искусственный документ (искусственный с точки зрения строгой отчетности) был создан в виде сводной ведомости для целого ряда купонов по отдельным распределительным пунктам, обычно для купонов по каждому случаю распределения того или иного продукта, или предмета, или же в пределах отдельного случая распределения за определенный период времени—например, за каждые полмесяца.

По каждому распределительному пункту подсчитывается число купонов, результаты подсчета заносятся в особую отчетную ведомость и эта-то отчетная ведомость и служит документом, с которым оперирует счетоводство.

Создание искусственного документа, об'единяющего в себе первичные, так сказать естественные документы-купоны, заставило поставить вопрос о том, чтобы в процессе получения итогового количества первичных документов не было вольных или невольных ошибок, чтобы сводный документ давал точное число представляемых им первичных документов.

И так как сводную ведомость в большинстве случаев составляют заинтересованные лица (персонал распределительных пунктов) и заинтересованность их диктует желание преувеличить против действительности число купонов включаемых в сводную ведомость (ведь чем больше купонов, тем больше, значит, оправдано расхода продуктов) то, признание за отчетный документ сводной ведомости, неминуемо влечет за собою необходимость самого тщательного контроля представляемых при ведомостях купонов, как в отношении количества, так и качества, для определения их подлинности, а затем сопоставления числа представленных купонов с числом их, показанным в сводной ведомости.

Контроль купонов производится различными способами. Основных из них два—сплошной и выборочный. При первом контролю подвергаются сплошь все купоны, при втором—та или иная часть их, например, контролю подвергаются купоны не по всем случаям распределения, а лишь по некоторым.

Есть еще третий способ контроля купонов, причем он может быть как сплошным, так и выборочным.

При нем часть купонов подсчитывается и взвешивается, определяется средний вес купона и, по весу всех купонов и весу одного, вычисляется приблизительное количество представленных лавкою купонов.

Какую оценку дать сводной ведомости, как отчетному документу и тем способам контроля об'единяемых его купонов, которые мы перечислили?

Насколько применением сводной ведомости допускается возможность злоупотреблений и насколько различные способы контроля купонов эту возможность злоупотреблений устраняют?

Факты из работы продовольственных органов прежде всего говорят о том, что наличие контроля само по себе злоупотреблений устранить не может.

Почти каждый продовольственный орган знает в своей практике случаи, когда раскрывались злоупотребления и в самом контроле. Контроль постольку гарантирует от злоупотреблений, поскольку честна обслуживающая его живая человеческая сила. Очень часто честность эта тратится напрасно, в случаях встречной честности отдельных представителей распределительной сети и тогда ее расход имеет чисто психологическое значение, давая острастку представителям распределительной сети, не обладающим этим качеством. Трудность создать аппарат контроля с безусловно честным личным составом растет вместе с увеличением его работы.

Недостаточность предложения труда ощущаемая в настоящее время, должна особенно остро чувствоваться при комплектовании личного состава контрольных организаций, с их однообразной и утомительной работой. Это обстоятельство и является в некоторых случаях одним из главных мотивов к применению выборочного контроля, при котором требуется значительно меньший штат контролеров, но за то вместо уверенности в исчерпывающей возможности обнаружить все злоупотребления непосредственно является надежда лишь на психологическое воздействие факта контроля на работников распределительной сети, создающего для них вероятность попасться с производимыми ими злоупотреблениями.

Но бывает и так, что неизбежность проявления нечестности в процессе контроля влечет за собою организацию вторичного, повторного контроля, что само собою еще более увеличивает количество контролеров за счет их качества. И тем не менее никаких объективных гарантий правильности сводных ведомостей все же не получается. И не может получиться до тех пор, пока функции контроля оторваны от всей системы построения распределительной работы

Выше, рассматривая вопросы, связанные с организационной стороной работы распределительной сети (см. главу II), мы определенным образом связали возможность правильной постановки учета населения, владеющего карточками с тем или иным способом пользования распределительными пунктами.

Там мы говорили, что учет карточек может быть осуществлен наилучшим образом при условии, что каждый распределительный пункт обслуживает определенную территорию с заранее известным количеством населения, владеющего карточками.

В настоящий момент, когда мы сосредоточиваем наше внимание на учете самих распределительных пунктов, необходимо также поставить вопрос о связи между способами пользования распределительными пунктами и их учетом.

Учет распределительных пунктов, между прочим, преследует следующие две задачи—одна из них это—выяснение прихода и расхода товаров. Вторая задача разрешается при помощи первой—учитывая расход товаров в части продажи по купонам, мы можем видеть, насколько удовлетворено население тем или иным продуктом или предметом, т. е насколько осуществлен принцип равномерности и правильности распределения.

Посмотрим, насколько обе эти задачи удовлетворительно разрешаются при различных способах пользования распределительными пунктами, остановившись прежде всего на разрешении второй задачи и той части первой задачи, которая касается учета расхода по продаже товаров по карточкам.

Идеальным разрешением всех вопросов, связанных с учетом расхода проданных по карточкам товаров и осуществлением принципов равномерного и правильного распределения, было бы такое — вам бы сказали: распределительный пункт такой-то обслужил столько-то человек и по статье расхода „продано по карточкам" значится именно такое количество продуктов, какое и должно быть, причем и купонов представлено надлежащее количество.

При таком заявлении (внушающем, конечно, нам полное доверие) с нашей стороны не потребовалось бы никаких действий, носящих контрольный характер.

Такого идеального положения в нашей действительности вряд ли мы скоро дождемся, но приблизиться к нему, улучшив современное положение, безусловно всецело в наших руках.

И выбор того или иного способа пользования распределительными пунктами имеет громадное значение в улучшении всего дела учета распределительных сетей.

Если мы проведем прикрепление населения к распределительным пунктам, то в результате будем иметь твердую опорную точку для всех дальнейших действий по организации наиболее совершенного и быстрого учета, достигающего при наименьшей затрате труда наибольших положительных результатов.

Главнейшее преимущество, даваемое для учета прикреплением населения к распределительным пунктам сводится к тому, что число карточек, по которым каждый распределительный пункт должен отпускать товары точно известен. Поэтому, то предельное количество каждого товара, которое может быть отпущено из любого распределительного пункта легко определимо, стоит лишь умножить норму выдачи на одну карточку на общее число карточек. К тому при таких условиях сводится учет пункта. Если исходить из предположения, что все граждане, приписанные к распределительному пункту, осуществили свое право на получение товара, то не пересчитывая купонов можно вычислить, какое именно количество товара по ним было продано.

Так бы можно было поступить при дисциплинированности работников распределительной сети. При отсутствии же дисциплины, т. е. как раз при том, что имеется в действительности, отказ от счета купонов (не в лавке, а при последующем контроле) явился бы обстоятельством провоцирующим распределителей на совершение злоупотреблений, нарушающих права отдельных граждан, а вместе с тем и принципы равномерности и правильности распределения. У распределителей явилось бы стремление отказывать в товарах части граждан, чтобы сэкономленный таким путем товар переправлять на спекулятивный рынок. Бороться с подобным отрицательным явлением легче всего, конечно, самим гражданам, делая заявления в продовольственные органы о каждом случае отказа в выдаче продуктов. Но и сами продовольственные органы не бессильны в борьбе с указанным явлением. Одной из мер борьбы может явиться, например, следующее

Продовольственный орган вводит правило, что новые продовольственные карточки выдаются лишь в обмен на старые, уже использованные карточки. Получив в свое распоряжение использованные карточки, продовольственный орган, в лице соответствующего отдела, просматривает их и отмечает количество оставшихся неиспользованных купонов и сравнивает полученные результаты с отчетными ведомостями, представленными в свое время распределительными пунктами. При обнаружении неиспользованных купонов в то время, как в отчетной ведомости все же будет показано предельное количество отпущенного товара, необходимо сделать предположение о наличии злоупотребления и сличать число купонов, указанное в отчетной ведомости с числом купонов, действительно представленных при ней.

Конечно, в первое время по введении подобной системы учета и контроля расхода продаваемых по карточкам товаров, неизбежны злоупотребления, так как у части распределителей появится мысль о возможности безнаказанно похищать товары. Дальнейшая работа контрольно учетной организации должна убедить их в неправильности подобных предположений.

При осуществлении прикрепления населения к распределительным пунктам не исключается и борьба со всякого рода злоупотреблениями в области расходования товаров, продаваемых по карточкам, также и путем проверок представляемых распределительными пунктами купонов.

Это как будто возвращает нас к тому способу проверки расхода, который мы рассмотрели выше и признали мало пригодным. В действительности сходство между ними лишь чисто внешнее.

Когда мы основываем правильность учета на счете купонов вне связи с формами пользования распределительными пунктами, счет купонов является для нас единственным способом удостовериться в правильности сообщаемых в отчетных ведомостях данных.

Занимаясь же учетом при определенной форме пользования распределительными пунктами, выбирая ее, считаясь с требованиями учета, мы счету купонов отводим лишь второстепенное значение, перенося центр тяжести из сферы формальных гарантий (точный счет купонов) в сферу существа дела. Существом же является—знание количества населения пользующегося пунктом и предельный размер возможной продажи товаров по карточкам. При этом последнем условии счет купонов может быть, а может и не быть. От его отсутствия не будет потеряно доверие к данным, сообщаемым распределительным пунктом, если только они не противоречат встречным данным о количестве населения обслуживаемого распределительным пунктом.

Продовольственный орган может даже отказаться от повторного счета купонов, всецело доверяясь счету их, производимому самими распределительными пунктами, хотя бы ему и было известно, что количество купонов, которое сообщается распределительными пунктами в отчетных ведомостях и превышает их действительное число на небольшое количество, но не выходит за пределы числа населения, обслуживаемого пунктом.

Представим себе, что при 3000 населении, приписанном к определенному распределительному пункту, этот последний в отчетной ведомости сообщает, что им отпущен товар по 2.990 купонам, в действительности же, прилагает их лишь 2.970. Подобным же образом обстоит дело и в прочих распределительных пунктах, причем заявлений от граждан об отказе в выдаче продуктов не поступает.

Должен ли продовольственный орган, в лице своей учетно-контрольной организации, приняться за пересчет купонов, чтобы обнаружить подобные расхождения.

Он может это сделать, но при известных обстоятельствах он может и пройти мимо такой небольшой невязки, как в нашем примере, равной всего лишь 0,7% всего количества проданного товара.

О таком послаблении можно даже сообщить распределительным пунктам без риска испортить их психологию, так как если в каком-либо пункте она и „испортится“, то немедленно продовольственный орган будет завален жалобами о злоупотреблениях в данном распределительном пункте.

Если же такое послабление сделать при учете, не связанном с формами пользования распределительными пунктами, то жалобы граждан будут идти уже не на определенный распределительный пункт, а вообще на распределительную сеть и чтобы определить в таком случае, в каком именно пункте совершаются злоупотребления, придется может быть проделывать сплошной пересчет купонов из всех распределительных пунктов.

Как мы указывали в главе II, основных способов прикрепления карточек к распределительным пунктам существует два — свободный вне-территориальный и механический — территориальный. При первом способе карточка может быть прикреплена по желанию населения к любому распределительному пункту, расположенному на всей территории определенного продовольственного органа, или же на части этой территории, образующей район населенного пункта

В силу этого, население, пользующееся каждым отдельным пунктом, может сильно изменяться как в количественном отношении, так и в своем персональном составе.

При втором способе прикрепления, территориально-механическом, весь населенный пункт разбивается на участки по числу распределительных пунктов и все население, живущее в каждом из таких участков, механически прикрепляется к своему распределительному пункту и по своему желанию переменить данный пункт, оставаясь на жительство в его участке, не имеет права.

Оценивая оба описанные способа прикрепления с точки зрения интересов учета распределительных пунктов в части расходования товаров по карточному распределению, безусловное преимущество должно быть отдано территориально механическому способу. При нем мы имеем наиболее устойчивую клиентуру каждого распределительного пункта, что гарантирует наименьшую возможность злоупотреблений, как со стороны распределителей, так и со стороны потребителей при распределении товаров по карточкам (об этом подробно сказано в главе II).

В настоящее время, когда действует декрет о потребительских коммунах, когда распределительная сеть сосредоточена в силу декрета в руках данного органа, наиболее легко провести механическое прикрепление населения к распределительным пунктам, использовав все выгоды такой формы пользования в деле организации учета как населения и карточек, находящихся у него на руках, так и учета товаров, распределяемых по карточкам.

Переход к механическому прикреплению, другими словами организация мелких ячеек, из которых складывается общегородская коммуна, открывает широкие перспективы в деле создания наиболее целесообразных форм распределения и учета распределительных пунктов.

Как только механическое - территориальное прикрепление спаяет потребителей со своими распределительными пунктами, как только обе стороны осознают свои права и обязанности, потребитель привыкнет к тому, что он может получить определенный продукт или предмет не в результате погони за ним, а в результате простого осуществления в обычных для мирного времени условиях акта покупки, а распределитель будет знать, что этот акт покупки-продажи с каждым из потребителей, обладающим правом на продаваемое, он совершить должен. Когда дело будет обстоять так, то исчезнет острота вопроса об учете распределительной сети в части продуктов, продаваемых по карточкам.

Отпадут и все вопросы, связанные с наиболее точным подсчетом купонов и т. п.

Даже больше. Встанет просто вопрос об уничтожении карточек в их современном виде и о замене их какими-либо формулярами, без отрезных купонов, в которых и будут отмечаться все случаи получения каждой семьей тех или иных продуктов. Этим будет достигаться невозможность злоупотреблений со стороны потребителей, а свидетельством отсутствия или наличия злоупотреблений со стороны распределителей будет служить отсутствие или наличие жалоб со стороны потребителей, причем доказательством основательности жалоб будут служить заборные формуляры, не снабженные соответствующей пометкой распределительного пункта об отпуске продуктов.

Такая возможность—не плод отвлеченного рассуждения, система практически испытанная в одном из рабочих подрайонов Нарвского района г. Петрограда в 1917 г., повторенная затем с полным успехом в некоторых других районах.

Помимо продажи по талонам карточек, отпуск продуктов из распределительных пунктов производится и по специальным распоряжениям продовольственных органов (именуемых обычно ордерами). Учет отпуска по такого рода документам не представляет никаких затруднений, так как таких специальных документов обычно бывает немного и они все обладают всеми свойствами документов строгой отчетности.

Перейдем к способам учета прочих видов расхода продуктов и предметов, производимых распределительными пунктами.

Среди остальных нами не рассмотренных видов расхода, в отношении их учета, мы остановимся лишь на тех, которые неизбежно связаны с процессами хранения и распределения, т. е.

усушка, раструска, распылка, прорез, провес, раскрошка и т. п., оставляя в стороне различные чисто случайные виды расхода.

Практика русских продовольственных органов наметила два основных способа учета перечисленных нами видов расхода продуктов, являющихся накладными и по своему существу бесполезными, но неизбежными при хранении и распределении большинства товаров.

Первый способ сводится к тому, что при учете на расход принимается действительно произведенная трата продуктов, но размер этой траты не может превышать определенного % по отношению к полезному расходу продукта, а в случае превышения должен быть об'яснен теми или иными уважительными причинами.

Второй способ предусматривает строго определенную норму накладных расходов, не допуская никакого превышения ее. При этом, как, например, в Москве, от распределительных пунктов даже не требуется представления сведений о фактической величине накладных расходов, а по количеству продуктов, пошедших на полезные виды расхода, сведения о которых даются распределительными пунктами, сам продовольственный орган определяет, пользуясь установленной нормой, величину накладных расходов, механически засчитывая ее на расход распределительных пунктов.

Критически относясь к описанным способам учета накладных расходов, приходится признать их оба мало удовлетворительными.

Первый способ, чтобы быть удовлетворительным, предполагает честность работников распределительной сети, действительно дающих правильные и отвечающие истине показания о размерах накладных расходов.

При отсутствии этого условия, - а фактически оно довольно таки часто отсутствует (вспомнить хотя бы цитированные выше слова Р. Арского),—дело сводится к тому, что распределительные пункты неизменно показывают накладные расходы равными установленной предельной норме, отступая от нее лишь в сторону преувеличения, часто ничем не мотивированного.

В результате стремления распределительных пунктов показывать накладные расходы равными предельной норме, первый способ учета фактически превращается во второй способ, с присущими ему недостатками, главный из которых тесно связан с самим существом нормативного учета расходов.

Все города, о которых мы располагаем данными, устанавливают одну и ту же норму накладных расходов для каждого продукта, совершенно не считаясь с индивидуальными особенностями в условиях хранения и распределения, присущих отдельным распределительным пунктам.

И в единообразном размере предельной нормы (при первом способе учета) или просто нормы (при втором способе учета) и кроется главный недостаток нормативного учета.

Когда устанавливается норма накладных расходов, единая для всех распределительных пунктов определенной продовольственной территории, то при установлении ее [illegible] приходится равняться по слабейшему, брать норму, которая применима для распределительных пунктов с максимальными накладными расходами по хранению и распределению продуктов

[illegible] работах пунктов с накладными расходами меньшими чем в пункте с наиболее неблагоприятными условиями, создается возможность экономить продукты и при известных обстоятельствах обращать эту экономию в свою пользу, употребляя ее или для личных потребностей, или передавая по вольным ценам на спекулятивный рынок. Эти две последние возможности, идущие вразрез с принципами регулируемого распределения, опирающегося на справедливость и равномерность, являются, между тем, [illegible] возможностями почти [illegible], вытекающими из самой сущности определенной системы учета накладных расходов.

Такое положение существует, например, как мы указывали выше, в Москве.

В ней для каждого продукта, в соответствии со вторым способом учета накладных расходов, установлен определенный % этих расходов, исчисляемый по отношению к величине полезного расхода. Отчетность, представляемая распределительными пунктами, содержит данные лишь о последнем. Величина накладных расходов определяется самим продовольственным органом в соответствии с установленной нормой, не считаясь с фактической величиной их. Путем вычитания из количества продукта, стоящего на приходе количества расхода (равного сумме полезного расхода и вычисленных по норме накладных расходов), получается тот остаток, который должен быть представлен в натуре распределительным пунктом, при проверке товаров, чтобы [illegible] их было признано правильным.

Процесс получения бумажного остатка товаров очень простой и несложный. Изучить его отдельным распределительным пунктам не составит большого труда, а это дает возможность [illegible] разницу между нормативной величиной накладных расходов и величиной действительной или во многих случаях ту экономию в продуктах, которая без особого риска быть обвиненным в краже, может быть использована по желанию персонала распределительной сети.

Экономией от нормативованных накладных расходов и увеличением веса продуктов от внешних условий создается та [illegible] часть [illegible] на спекулятивный рынок продуктов из государственных распределительных пунктов, о которых говорит [illegible] т. [illegible].

Нам остается остановиться еще на способах получения данных по учету продуктов, поступающих в распределительные пункты, составляющих приходную часть оборота товаров в них.

Опишем прежде всего наиболее обычную картину всего процесса, при посредстве которого совершается распыление товаров по отдельным пунктам распределительной сети.

Процесс распределения начинается в том отделе продовольственного органа, на обязанности которого лежит определение количества продукта, подлежащего выпуску из складов в распределительную сеть для распределения между потребителями. Такой [illegible] продовольственного органа именуется обычно „Распределительный“.

Распределительный Отдел составляет ведомость, с перечислением количества продуктов, подлежащих отпуску отдельным

распределительным пунктам. Ведомость эта препровождается на склад, который и выдает надлежащее количество каждому распределительному пункту, составляя на всякий случай отпускную накладную, дубликат накладной и отпуск с накладной (называемой еще корешком накладной).

Отпуск с накладной остается в книге накладных, а накладная и дубликат с нее вместе с товаром направляется в распределительный пункт. Накладная остается в делах распределительного пункта, служа ему для отдельных целей, а на дубликате накладной ответственное лицо из персонала распределительного пункта расписывается в получении товаров и препровождает его обратно в склад, где дубликат является отчетным документом, оправдывающим расход товаров, передаваемым, вместе с отчетом за определенный период времени, в отдел продовольственного органа, ведающий учетом складов.

Почерпнуть сведения о товарах, поступивших в распределительные пункты при существовании только что описанной системы распыления товаров и сопровождающей его системы документов, возможно, пользуясь следующими четырьмя источниками.

Во-1-х, из распределительных ведомостей, составляемых продовольственным органом.

Во 2-х, из отпусков с накладных, остающихся в книге накладных на складах, отпускающих товары.

В 3-х, из накладных, хранящихся в делах распределительных пунктов и

В 4-х, из дубликатов накладных, препровождаемых с расписками в получении означенных в них товаров из распределительных пунктов на склады, отпустившие товар, а этими последними в учитывающий их товарный оборот отдел продовольственного органа.

Воспользоваться тем или иным источником получения данных о приходе товаров в распределительных пунктах, зависит прежде всего от принятого метода учета оборотов распределительных пунктов.

Методов же учета, как мы увидим в дальнейшем, может быть два: строго бухгалтерский и (назовем его так) статистический.

Не забегая вперед с подробным определением сущности этих методов, мы остановимся лишь на разнице в отношении пользования ими различными источниками получения отчетных данных о поступлении товаров в распределительные пункты.

Бухгалтерский метод может черпать необходимые ему сведения исключительно из документов строгой отчетности (о сущности которых мы говорили несколько выше).

Поэтому для бухгалтерского метода учета товарных оборотов распределительной сети из перечисленных четырех источников получения данных с приходной части оборотов, годным оказывается лишь один последний источник, как дающий документ строгой отчетности.

Документы первых трех источников не содержат в себе тех окончательных цифр поступления товаров в распределительные пункты, правильность которых удостоверялась бы обоими сторо

нами, участвующими в процессе передачи товаров, т. е. с одной стороны складами, а с другой стороны распределительными пунктами.

Такими цифрами обладает лишь документ четвертого источника — дубликат накладной склада, с распиской в получении означенного в нем количества товаров тем или иным распределительным пунктом.

Статистический же способ учета оборотов может черпать необходимые ему данные о поступлении товаров в распределительные пункты с теми или иными ограничениями или условностями из всех четырех перечисленных нами источников.

Разница в таком отношении бухгалтерского и статистического способов учета к одним и тем же источникам сведений объясняется самою сущностью названных способов.

Для статистического способа важна уверенность в том, что используемый им источник сведений соответствует действительности, а если не соответствует, то как и насколько. Для бухгалтерского же способа одна лишь уверенность в соответствии действительности того или иного источника дает слишком мало: бухгалтерии нужны формальные гарантии, чтобы ею было признано соответствие между данными определенного источника и действительностью.

Формальною же гарантией правильности данных в интересующем нас случае является расписка ответственных работников распределительной сети в получении товаров на документе, составленном складом, отпустившим эти товары.

При наличии необходимости в такого рода гарантии становится ясной причина непригодности для бухгалтерии первых трех источников.

Распределительная ведомость является лишь проектом того поступления товаров в распределительные пункты, которое в своем количественном выражении в процессе фактического исполнения может измениться.

Отпуск с накладной показывает то количество, которое отпускает склад, но фактически еще не принял распределительный пункт. Между моментом отпуска со склада и моментом приема в распределительном пункте количество товара также может измениться.

Накладная, остающаяся в распределительном пункте с указанным в ней количеством товара, не опротестованным при приеме распределительным пунктом, могла бы также служить для отчетных целей бухгалтерии, если бы была гарантия в том, что распределительные пункты будут представлять их с исчерпывающей полнотой. При отсутствии такой гарантии опорочивается и сама возможность пользоваться накладными для бухгалтерской отчетности.

Возможность представления в неполном числе всех документов не исключается и для дубликатов накладной, но в отношении к этим последним документам такая возможность является чисто логической, а не практической, так как непредставление хотя бы одного дубликата накладной, являющегося расходным документом, лишило бы склад возможности дать отчет об израсходованных товарах. Тогда как для распределительного пункта

непредставление накладной, играющей роль приходного документа, давало бы возможность не представлять отчета и об израсходовании товаров, а значит, при желании использовать товары по собственному усмотрению.

Статистический метод, примененный к учету поступлений товаров в распределительные пункты, должен, в силу своей природы, отнестись к источникам своих сведений совершенно иначе, чем бухгалтерия.

Любой источник, достоверность которого статистически изучена и погрешности установлены, может при известных условиях служить основанием для статистической отчетности.

Возьмем для примера хотя бы распределительные ведомости, как источник сведений для статистической отчетности.

Чтобы источник этот был признан отвечающим целям отчетности, мы должны установить, что сведения, даваемые распределительными ведомостями соответствуют действительности, или, говоря конкретно, сведения распределительных ведомостей совпадают со сведениями, содержащимися в дубликатах накладных, являющихся, как мы говорили, документами строгой отчетности.

Сопоставляя данные распределительных ведомостей и дубликатов накладных, мы натолкнемся на целый ряд случаев расхождения между ними.

В некотором числе случаев мы просто можем не найти дубликатов накладных соответствующих предположительным записям в распределительных ведомостях. Такие случаи возможны, когда по каким-либо причинам план распределения в некоторых своих частях остался невыполненным.

Возможно и такое положение, что в ряде случаев по одним распределительным пунктам план распределения окажется невыполненным, а за их счет по другим распределительным пунктам получение продуктов будет увеличено по сравнению с предположениями распределительной ведомости.

Может быть окажутся и другие иные случаи расхождения распределительных ведомостей с дубликатами накладных, вроде напр., незначительных расхождений в весе, вызываемых неодинаковостью веса отдельных мест товара (по распределительной ведомости определенному распределительному пункту подлежит отпустить 200 п. муки, а при отпуске в 40 мешках вместо должных 200 п. оказалось лишь 199 п. 11 ф.).

Как должна отнестись ко всем подобным расхождениям отчетность, называемая нами статистической.

Отношение статистической отчетности,—таков должен быть ответ,—ко всякого рода погрешностям должно определяться двумя обстоятельствами:—1) количественным выражением погрешностей или выражаясь иначе, материальным значением погрешностей и 2) возможностью путем тех или иных коррективов парализовать влияние на достоверность получаемых отчетных результатов погрешностей, связанных с пользованием определенным источником сведений.

Не имея, несмотря на все наше желание и все стремления, приложенные к его осуществлению, конкретного материала для освещения рассматриваемого вопроса, возьмем следующий предположительный пример.

По распределительной ведомости для выдачи населению по определенному купону должно было быть отпущено в 80 распределительных пунктах товара по 40 пудов в каждый пункт, всего же—3.200 пудов.

При фактическом осуществлении, судя по дубликатам накладных, в 1 распределительный пункт товар не послан совсем, в 2 распределительных пункта послан не по 40 пуд., а всего лишь по 25 п., а в 2 других пункта зато послано по 55 пуд., в прочие же пункты послано по 40 п., но так как товар отпускался ящиками, а они оказались частью с недостатком веса, частью же с излишком, то каждый пункт или недополучил или переполучил по 3—5—8 фунтов товара.

В результате оказывается, что пользуясь для отчетных целей распределительными ведомостями, мы по подавляющему числу распределительных пунктов, по 75 из 80, будем иметь данные отличающиеся от действительности на 3—5—8 фунтов; относительные размеры такой разницы будут составлять 0,19—0,31—0,50% интересующей нас величины. Погрешность настолько незначительна, что ее можно признать не имеющей материального значения—не все ли равно практически требовать отчета в израсходовании 40 п. или 39 п. 32 ф. или 40 п. 8 ф.

По остальным 5 пунктам, если воспользоваться данными распределительных ведомостей, мы будем иметь очень грубое искажение действительности—примем приход равным 40 п., тогда как в действительности его или не было совсем или он был фактически в количестве 25 п. и 55 пуд.

Для таких случаев должен быть найден способ, позволяющий исправить допущенные погрешности.

Такой способ в частности может быть следующий.

В накладных, при которых товар отправляется в распределительные пункты, и которые остаются в делах пункта, вводится дополнительная графа—„причитается отпустить по распределительной ведомости".

При составлении отчетной ведомости по распределительному пункту в графе „поступило" записывается количество товара не фактически поступившего, а указанного в распределительной ведомости, разница же между этими двумя величинами проводится особой строкой в приходной или расходной части отчетной ведомости.

Или же, чтобы избавить распределительные пункты от вычислительной работы и не осложнять отчетной ведомости непривычным способом учета, можно описанную выше процедуру совершать в соответствующем отделе продовольственного органа, требуя от распределительных пунктов лишь записи фактического прихода по накладной, которая должна прилагаться к отчетной ведомости. Опасаться при такой системе непредставления накладных и сокрытия поступлений почти не приходится, так как распределительная ведомость указывает те пункты, в которые товар должен был поступить, а об отдельных случаях неисполнения плана распределения всегда возможно навести самую точную справку.

При желании описанным нами способом можно пользоваться в приложении ко всем без исключения распределительным пун-

ктам, имеющим расхождение между цифрой плана распределения и цифрой документа строгой отчетности, как бы малы эти расхождения ни были.

Если мы возьмем за основание статистической отчетности не распределительную ведомость, а какой либо иной документ (не отвечающий требованиям строгой отчетности), то мы также сумеем найти способы борьбы с неизбежными дефектами, связанными с пользованием тем или иным источником получения сведений.

Вопрос будет сводиться лишь к выбору источника, дающего с одной стороны наименьшее число погрешностей, а с другой стороны допускающего применение наиболее простого и быстрого способа исправления этих погрешностей.

Более подробно останавливаться над затронутым нами вопросом, мы не имеем возможности, так как все детали применения того или иного способа учета, входят в область техники работы а не ее методов, рассмотрению которых посвящена настоящая часть работы.

Нам важно лишь показать, что наряду с распространенным методом учета бухгалтерским, возможен и иной метод, называвшийся нами выше статистическим, мало, или, вернее, совсем нераспространенный, но тем не менее имеющий, по нашему мнению, все основания для своего более широкого применения.

Итак, мы имеем два метода учета приходной части товарного оборота распределительной сети.

Один—бухгалтерский, основывающийся на документах строгой отчетности и другой—статистический, допускающий получение необходимых отчетных данных из любого источника лишь бы он давал возможность иметь данные, соответствующие действительности, хотя бы это соответствие и не имело формальных гарантий.

Если бы мы имели равным все прочие условия и перед нами стоял бы лишь вопрос о выборе того или иного метода учета, как такового, то можно было бы без долгих рассуждений решить этот вопрос безусловно в пользу бухгалтерского метода как дающего гарантии наибольшей точности учета.

Но в современной обстановке мы как раз не имеем равных прочих условий.

Мы уже указывали выше, что одним из основных условий, которым учет должен удовлетворять, есть быстрота получения всех учетных данных и основывающихся на них выводов.

Каковы возможности в отношении выполнения требования о быстроте, даваемые каждым из рассмотренных нами методов.

Ответ на этот вопрос в значительной мере должен предрешить и наше отношение к различным методам учета.

Нам не впервые приходится останавливаться на вопросе о достоинствах бухгалтерского и статистического метода в их отношении к быстроте обработки отчетных данных.

Как раньше, так и теперь одинаково приходится сказать, что статистический метод учета значительно быстрее бухгалтерского. Это видно в части, касающейся учета приходной стороны оборотов товаров в распределительных пунктах, из следующего сопоставления процессов получения отчетных данных при применении различных методов.

При бухгалтерской отчетности документом для учета прихода товаров в распределительных пунктах является дубликат накладной, служащий в то же время документом для учета расхода товаров на складах.

Прежде чем попасть в руки бухгалтера или счетовода, ведающего учетом лавки, дубликат накладной должен выполнить свою первую задачу в руках бухгалтера, учитывающего склады. И так как обычно учетом складов и лавок ведают различные отделы продовольственных органов, работа которых обычно также мало координирована, то вполне естественно, что дубликат накладной попадает в отдел, ведающий учетом лавок, с большим опозданием. Например, в одном из районных продовольственных отделов г. Москвы (рекомендованного нам в общегородском продовольственном отделе одним из наиболее организованным) в момент нашего посещения, а это было в начале марта, только что были получены дубликаты накладных за декабрь м—ц прошлого года; дубликатов накладных за январь м—ц текущего года получить из отдела, ведающего учетом складов, несмотря на все старания, никак не удавалось. Какая польза, кроме чисто академической, от бухгалтерской обработки данных, отставших от современного момента более чем на два месяца.

Исчерпывающий ответ на этот вопрос мы дадим ниже, когда перейдем к рассмотрению систем учета в их полном объеме.

Сейчас же ограничимся общим замечанием о том, что констатирование нами запаздывания отчетных данных бухгалтерского характера есть настолько повсеместное и общее явление, а не только присущее одному из районных продовольственных органов г. Москвы, что доказывать это почти не приходится. Доказательства этого положения можно найти почти в каждом № любой газеты, трактующей о работе наших хозяйственных органов. Но может ли улучшиться дело при использовании для целей учета статистического метода?

Безусловно может и должно улучшиться, хотя бы темп работ учетных органов и остался на одном и том же уровне.

Предположим, что за основание статистической отчетности будут взяты распределительные ведомости, если они, конечно, после соответствующего изучения окажутся пригодными для целей учета.

Немедленно после их составления в распределительном отделе (если так называется отдел продовольственного органа, ведающий распылением товаров со складов по распределительным пунктам), ведомости могут быть препровождены в копиях в отдел по учету лавок и в нем подвергнутся соответствующей обработке.

Или возьмем случай, когда за основание статистической отчетности взяты накладные, препровождаемые вместе с товаром в распределительные пункты. И накладная подобно распределительной ведомости может безусловно скорее, чем дубликат накладной, попасть в распоряжение отдела учитывающего лавки.

Если для лавок установлен еженедельный период отчетности, то накладные на все товары, поступившие за истекшую отчетную неделю могут, а при известной организации дела и должны, быть представлены вместе с отчетной ведомостью в учетный от-

дел продовольственного органа. Правда, можно нечто подобное сделать и с документом строгой отчетности—дубликатом-накладной. Можно и для складов установить еженедельную отчетность. Но и в этом случае дубликат накладной все же должен пройти предварительно через отдел учета складов, а это создаст определенную задержку, не имеющую места при пользовании для учета лавок распределительной ведомостью или накладной.

Сказанным мы ограничиваем наш обзор способов получения отчетных данных, переходя к следующей существенной части всего вопроса об учете распределительных пунктов—к системам учета их, т. е. иными словами к системам получения выводов, характеризующих работу распределительных пунктов, выводов, основывающихся на данных, способы получения которых мы выше рассматривали.

Системы учета распределительных пунктов

Мы в общих чертах рассмотрели вопросы, связанные с пользованием различными источниками получения сведений для учета товарных оборотов распределительных сетей.

Для получения выводов о работе распределительных сетей сведения о различных статьях оборота должны подвергнуться определенной обработке. Без соответствующей обработки отчетные данные будут представлять из себя лишь сырой материал, ничего или очень мало дающий для разрешения вопросов, ответ на которые должен давать учет.

Важнейшие из этих вопросов, входящие в круг нашего интереса и указанные нами выше при обзоре задач учета, следующие—при помощи учета товарных оборотов распределительных сетей определяется, во первых, степень целесообразности расходования товаров и, во-вторых, степень осуществления принципов организованного распределения.

Обычным методом учета ценностей, в том числе и товаров, является метод, именуемый бухгалтерским. Сущность его общеизвестна, поэтому останавливаться на нем мы не будем.

Остановимся лишь на том, насколько бухгалтерский метод может удовлетворительно служить для получения ответов на поставленные выше вопросы.

Прежде всего на второй, принципиально наиболее существенный—насколько в процессе распределения товаров осуществлены принципы организованного распределения.

Из отчетных данных мы прежде всего должны почерпнуть сведения о количестве распределенных товаров по карточкам и на основании их решить вопрос об осуществлении равномерности распределения, насколько полно население удовлетворено причитающимися ему товарами.

В каком виде должны быть даны эти сведения, зависит прежде всего от организационных форм работы распределительной сети.

Если пользование отдельными распределительными пунктами свободное, то сведения должны быть в одном виде, если пользование отдельными распределительными пунктами ограничено, т. е. на территории какого-либо продовольственного органа

проведено прикрепление населения к распределительным пунктам, то сведения должны быть совершенно в ином виде.

И в первом и во втором случае сведения должны даваться по территории с известным количеством населения или вернее известным количеством карточек, чтобы была возможность сопоставлять с одной стороны количество населения, имеющего право на получение товаров и с другой стороны количество населения фактически это право осуществившего, с тем чтобы получить представление о числе населения по тем или иным причинам не получившего распределившегося товара.

Когда пользование распределительными пунктами свободное, то территорией, по которой возможно такое сопоставление, является весь район действия продовольственного органа. Чтобы получить цифру населения, воспользовавшегося своим правом на получение распределявшегося товара, необходимо подбить итог по всем без исключения распределительным пунктам, расположенным на территории обслуживаемой продовольственным органом, т. е. на территории всего населенного пункта или его отдельных районов в больших городах, если свободное пользование распределительными пунктами ограничено определенным районом.

Дело значительно облегчается при условии прикрепления населения к отдельным распределительным пунктам. В этом случае нам известно количество населения, приписавшегося к каждому распределительному пункту и определение числа населения не получившего распределявшегося товара возможно производить по каждому из распределительных пунктов, не подводя никаких предварительных итогов, пользуясь прямо данными отчетных ведомостей, представляемых распределительными пунктами.

Таким образом вопрос о пригодности бухгалтерского метода для определения правильности осуществления принципов организованного распределения имеет значение главным образом в условиях применения наиболее несовершенных форм работы распределительной сети, при которых как мы указывали выше в главе I, легче всего могут совершаться злоупотребления при распределении товаров.

Что может дать бухгалтерия в руки работников продовольственных организаций, следящих за правильностью работы распределительной сети?

Остановимся на задачах работы бухгалтерской организации, занятой учетом оборотов распределительной сети.

Основной задачей бухгалтерии, при учете оборотов распределительной сети, является учет прежде всего каждого из распределительных пунктов.

Этой задачей бухгалтерия продовольственных органов практически, насколько нам известно, и ограничивается. Никакой дальнейшей, обобщающей работы, подводящей итоги по всей территории, подчиненной продовольственному органу, бухгалтерия не производит.

Поэтому, если мы хотим иметь данные не по отдельным распределительным пунктам, а по всем им взятым вместе, то от бухгалтерии мы сможем взять лишь отдельные слагаемые и уже без ее посредства получить интересующие нас итоги.

При таком условии бухгалтерия не только нам ничего, по сравнению с тем, что мы имеем и без нее, не дает, но и отнимает время на бесполезную для нас обработку первоначальных сырых материалов, содержащихся в отчетных ведомостях, представляемых распределительными пунктами.

На самом деле. Интересующая нас цифра населения, получившего распределявшийся товар, уже содержится в отчетных ведомостях распределительных пунктов и от перенесения в бухгалтерские формуляры сущность их остается та же. Но зато мы теряем в двух отношениях. Во-первых, на разноску цифр в бухгалтерские формуляры необходимо время и, во-вторых, эти последние формуляры совершенно не приспособлены к быстрому и точному получению итогов по всем распределительным пунктам. Не только не приспособлены, но и не могут быть приспособлены. Ведь на каждый распределительный пункт бухгалтерия должна создать или отдельную книгу или отдельный лицевой счет в обще-товарной книге. Чтобы получить итог по всем распределительным пунктам, нам придется перелистать все книги или все лицевые счета и выбрать из них цифры, относящиеся к отдельным распределительным пунктам. И в результате, получив итог, не иметь уверенности в его правильности, так как в процессе выборок могли произойти те или иные ошибки.

Правда, возможно возложить получение итогов по отдельным статьям прихода и расхода, в том числе и по статье „продано по карточкам" (с указанием числа лиц, получавших товар), на бухгалтерию. Стоит лишь, помимо книг или лицевых счетов на отдельные распределительные пункты, завести также книги или лицевые счета и на каждую статью прихода и расхода товаров. Тогда мы будем иметь итоговые цифры, точность которых будет обычной для бухгалтерии. Но достигаться подобная точность будет ценою затраты лишнего времени и времени далеко не малого.

Следовательно, если мы и сможем получить от бухгалтерии необходимые для решения вопроса о правильном выполнении принципов организованного распределения данные, то лишь с затратой большого количества времени. Между тем существо живого дела, именуемого распределением, таково, что вывод о работе, ее оценка, должны следовать непосредственно за самою работою, чтобы исходя из полученных выводов возможно было немедленно произвести те или иные действия, работу направляющие и исправляющие.

Возьмем конкретный пример.

В результате сводки отчетных данных по распределительным пунктам оказывается, что из всего населения, предположим, 15% своим правом на получение товара не воспользовались.

Если такой вывод относится к близкому времени, то мы можем тем или иным путем выяснить причины подобного явления — не хватило товаров, переданных для распределения в распределительные пункты или распределявшийся товар не представлял для населения особого интереса и его многие добровольно не пожелали получить или что-либо иное. Установив же причину, возможно устранить и ее следствие

В другом, менее благоприятном положении, окажемся мы, если отчетность сильно отстает со своими выводами.

Перейдем к другой, названной выше задаче, разрешаемой при помощи учета—выяснение степени целесообразности расходования товаров или определения степени хозяйственности ведения дела в различных распределительных пунктах, взятых каждый в отдельности и по всем сразу, т.-е. по всей распределительной сети.

При разрешении этой задачи момент быстроты получения выводов из отчетных данных имеет также очень большое значение.

На каждый случай нецелесообразного и безхозяйственного расходования товаров продовольственный орган должен так или иначе реагировать. Конечно, реагировать можно и на случай бывший вчера и бывший два-три месяца назад. Но значение этого реагирования будет далеко не одинаково. Применить какую-либо репрессивную меру можно с одинаковым (да и то вряд ли) успехом за проступок, совершенный и очень недавно и довольно давно. Но репрессия лишь карает, не изменяя ничего по существу. И в тех случаях, когда нецелесообразность или безхозяйственность расходования товаров является не результатом преступной воли отдельных лиц, а следствием системы ведения дела или бессистемности ведения, репрессия бьет мимо цели.

Помимо репрессий, а очень часто и взамен репрессий, для устранения нецелесообразных и безхозяйственных расходов товаров, должны приниматься и меры организационного характера. Существо же последних для своего действительного осуществления требует учета всех обстоятельств времени и места. Поэтому, чем больший период времени отделяет момент совершения факта от момента воздействия организационными мерами, имеющими своей задачей устранение подобных фактов в будущем, тем труднее определить, во-первых, характер необходимых мер и, во-вторых, труднее осуществить их практически.

Остановимся, наконец, еще на одной задаче, отчасти разрешаемой также при помощи учета товарных оборотов распределительных сетей, о которой мы еще не говорили.

Помимо учета распределительной сети, должен существовать учет и более широкий, охватывающий вообще обороты товаров, находящихся в ведении отдельных продовольственных органов, а затем и всех их вместе взятых. Для такого рода учета учет оборотов распределительных сетей будет давать лишь одно из слагаемых. В современных условиях хозяйственного существования важно, чтобы итоговые цифры, характеризующие обороты распределительных сетей и являющиеся одним из слагаемых общего оборота товаров на пространстве и отдельных частей Республики и всей Республики в целом, могли фигурировать и в этом последнем качестве также без сколько-нибудь значительных опозданий. И здесь момент быстроты получения результативных отчетных данных имеет крайне важное значение.

Таким образом какую бы задачу, разрешаемую при помощи учета мы ни взяли, момент быстроты получения результативных данных для разрешения той или иной задачи имеет первостепенное значение. Такое положение не есть результат преходящих

и временных условий, а есть и будет постоянным следствием новой формы народно-хозяйственного существования, к которому вся постановка отчетного дела и должна быть приноровлена.

Попытаемся теперь дать ответ на поставленный нами основной вопрос—может ли бухгалтерия удовлетворить требование о быстроте получения результативных отчетных данных.

Эмпирического материала для ответа на этот вопрос у нас нет.

Мы можем лишь привести пример из иной области работы продовольственных органов, области снабжения—характеризующий работу бухгалтерии с интересующей нас точки зрения.

Пример, имеющийся в нашем распоряжении, дает представление о ходе заготовок хлебо-фуражных продуктов по Пензенской губернии за 1918—1919 г.г. по данным двоякого рода учета—статистического и бухгалтерского.

Вот соответствующие данные (в тысячах пудов) по двум самым важным продуктам—ржи и овсу.

Месяцы.	Рожь.		Овес.	
	По статист данным.	По бухг. данным.	По статист. данным.	По бухг. данным.
1918 г. Сентябрь	451	42	16	1
Октябрь	812	12	260	—
Ноябрь	496	114	113	4
Декабрь	245	629	106	256
1919 г. Январь	107	206	44	60
Февраль	47	435	14	82
Март	103	460	9	100
Апрель	133	262	9	38
Май	116	68	10	2
Июнь	16	268	—	17
Итого	2.526	2.496	581	560

Цифры таблицы с бесспорной убедительностью говорят прежде всего о пригодности обоих методов—и статистического и бухгалтерского—для учета явления в его целом—за период реализации урожая 1918 г. мы имеем по данным обоих методов почти одни и те же цифры. Некоторое расхождение между соответствующими статистическими и бухгалтерскими данными вполне об'яснимо с самим существом методов—бухгалтерия дает точное количество, а статистика лишь с тем или иным приближением. И кроме того сведения о некотором количестве продуктов просто могли не попасть в бухгалтерские данные, в виду неполучения ею соответствующих документов для учета заготовленного в полном об'еме.

С тою же бесспорною убедительностью приведенные цифры характеризуют оба метода, с точки зрения отражения ими текущего состояния дела заготовок.

Статистика с присущей, конечно, ей точностью дает по отдельным месяцам картину заготовок и выполнения нарядов совершенно иную чем бухгалтерия. И расхождение это настолько значительно, что признав цифры, даваемые тем или иным методом учета правильно отражающими действительность, мы должны будем другой из методов признать грубо искажающим ту же действительность.

Так, например, по статистическим данным месяцами с максимальной заготовкой продуктов являются для ржи — сентябрь, октябрь и ноябрь, а по бухгалтерским—декабрь, февраль, март и апрель, а для овса—по статистическим данным — октябрь, по бухгалтерским же декабрь.

Для лиц, знакомых с делом заготовок, несомненно, что соответствующими действительности во взятом нами примере являются данные статистического учета, наиболее приспособленного для регистрации явлений в их текущем состоянии.

Искажение же действительности бухгалтерским учетом всецело обусловливается существом самой системы.

Отдельные факты заготовок, из которых слагается сумма заготовленного, проходят по бухгалтерским книгам не в момент совершения самого факта, а в момент поступления в бухгалтерию документа, констатирующего этот факт, при условии, что бухгалтерия своевременно справляется со всеми поступающими документами и что сами документы вполне отвечают всем пред'являемым к ним требованиям и не требуют каких-либо исправлений. При несоблюдении названных условий момент регистрации факта отдаляется от момента его совершения.

В приведенном примере срок отделяющий совершение факта от его регистрации можно приблизительно определить в отношении их большинства в 7 месяцев для ржи и в 8 месяцев для овса.

Чтобы при подобных условиях возможно было, пользуясь данными бухгалтерии, составить представление о ходе заготовок по месяцам, мы должны будем, путем выборок из книг за целый ряд месяцев, получить данные, относящиеся по моменту совершения фактов заготовок к отдельным месяцам, запоздав при этом со своими сведениями по крайней мере на 7—8 месяцев, без всякой гарантии в том, что мы исчерпали все случаи заготовок за определенный месяц и что документы, относящиеся именно к этому месяцу, не будут занесены в бухгалтерские книги лишь в следующие месяцы.

Указанный нами срок опоздания в получении при посредстве бухгалтерии ежемесячных, отвечающих действительности, данных о ходе заготовок по Пензенской губернии подтверждается следующими расчетами.

Если мы сопоставим данные о количестве заготовленных ржи и овса с начала кампании до начала каждого следующего месяца, по данным статистики и бухгалтерии, то получим следующие результаты.

Заготовлено в период с начала кампании до начала месяца.	Рожь.			Овес.		
	По стат. данным.	По бухг. данным.	Загот. по бухг. дан. в $^0/_0{}^0/_0$ к стат. дан.	По стат. данным.	По бухг. данным.	Загот. по бухг. дан. в $^0/_0{}^0/_0$ к стат. дан.
Октября	451	42	9	16	1	6
Ноября	1263	54	4	276	1	0,4
Декабря	1759	168	9	389	5	1
Января	2004	797	40	495	261	53
Февраля	2111	1003	50	539	321	59
Марта	2158	1438	66	553	403	77
Апреля	2261	1898	84	562	503	90
Мая	2392	2160	91	571	541	95
Июня	2510	2228	88	571	543	95
За всю кампанию	2526	2496	99	581	560	97

Допуская максимальную ошибку для отчетных данных о заготовках в 10% к действительному количеству, мы, пользуясь цифрами бухгалтерии, лишь в мае месяце для ржи и в июне для овса, т. е. после 8 и 7 месяцев с начала заготовительной кампании, сможем получить более или менее правильное представление о ходе заготовок. И даже увеличив % допустимой ошибки до 25, мы сократим этим срок ожидания отчетных данных лишь на 1 месяц—до 7 для ржи и 6 для овса.

Приведенный и разобранный пример мы не хотим толковать распространительно. Он есть лишь иллюстрация к мысли о том, что бухгалтерия в современных условиях со своими данными сильно отстает от жизни.

И взятый нами пример, подчеркиваем это еще раз, употребляется нами не для доказательства, а именно для иллюстрации. Для доказательства надо более обширный материал, которым мы, к сожалению, не располагаем.

Но факт из жизни не только продовольственных, но и иных хозяйственных органов, факты, почти не знающие исключения и и известные всем близко стоящим к названным органам, говорят о том, что наш пример является вполне характерным для работы бухгалтерии хозяйственных органов, в том числе и интересующих нас органов распределения.

Может возникать вопрос лишь о сроке, на который бухгалтерия отстает от жизни. Фактически он бывает больше, чем в нашем примере, бывает и меньше, уменьшаясь может быть в отдельных случаях до пределов, вполне с нашей точки зрения допустимых. Но для большинства случаев этот срок—мы решаемся утверждать—имеет такую значительную продолжительность, что для целей, названных выше, цифры бухгалтерии теряют почти все свое значение.

Если наше положение отвечает действительности и бухгалтерия действительно настолько отстает от жизни, что ее цифры почти совсем не могут служить для наблюдения за правильной работой распределительных сетей, то какой же отсюда выход.

В особенности, если такое наблюдение является почти единственной возможностью сознательно руководить и направлять по правильному пути всю работу и распределительных сетей в целом и отдельных распределительных пунктов.

Выход только один—создать возможность быстрого получения из сырого отчетного материала всех выводов, необходимых для контролирования и руководства работой распределительных сетей.

Такая возможность создается применением того метода учета, который обычно именуется статистическим. Такое наименование не вполне соответствует существу этого метода, но некоторое сходство в приемах получения данных и близкое сходство в формулярах для их записей сближает этот метод с общеизвестным статистическим методом познания различного рода явлений.

Метод, будем называть его условно статистическим, позволяет сэкономить время в двух наиболее существенных направлениях—экономия может быть получена и в стадии собирания материалов и в стадии их обработки (сводки).

Каким путем получается экономия времени при собирании необходимых отчетных данных, мы указывали выше, при рассмотрении вопросов о получении отчетных данных.

Здесь укажем лишь, что при статистическом методе все отчетные данные могут даваться в формулярах, приспособленных к наиболее быстрой работе по их сводке в любом направлении.

Для образца приведем формуляр, выработанный в свое время Петроградской продовольственной организацией.

За отчетный период.	Количество.	
	Пуды.	Фун
Было продукта к началу периода. .		
Поступило.		
Итого на приходе. . . .		
Продано по карточкам.		
Отпущено по ордерам		
Прорез, провес и т. п.		
Итого израсходовано. .		
Осталось продукта к концу периода.		

При настоящей рапортичке представляется купонов. .	В 1 порцию. . .	
	В 2 порции . .	
	В 3 порции . .	
	В 5 порций . .	
	Дополнит. . .	
Итого порций.		

Достоинства такого рода отчетной ведомости следующие:

1) ею дается полное представление об обороте и состоянии продуктов за отчетный период по каждому распределительному пункту;

2) для получения результативных данных об обороте продуктов за несколько отчетных периодов по отдельным распределительным пунктам или по нескольким распределительным пунктам за определенный отчетный период, вообще в тех случаях, когда должен быть получен итог для цифр, содержащихся в нескольких ведомостях, нет необходимости делать выноски цифр из отчетных ведомостей на специальные подсчетные формуляры, так как итог может быть получен путем непосредственного подсчета самих ведомостей, приспособленных для так называемого подсчета наложением, технически очень совершенного—дающего максимум полезного результата при минимуме затраты труда и времени и

3) благодаря балансированию цифр по отдельным статьям прихода и расхода все первичные и итоговые данные, получаемые из отчетных ведомостей могут отвечать самым строгим требованиям точного счета.

Обязательным условием статистической отчетности является отказ от применения книг для записей результативных цифр. Для этого должны служить те же самые отчетные ведомости, с некоторыми лишь изменениями в заголовках, отвечающих различному существу цифр в них помещаемых.

При соблюдении такого условия мы сохраняем за собою возможность получать всевозможные итоговые цифры в наиболее короткий период времени.

Если мы, положим, захотим получить месячный итог по всем распределительным пунктам или по ним же годовой итог, то для получения подобных итогов потребуется время, исчисляемое минутами и часами, тогда как для получения тех же итогов на основании записей в бухгалтерских книгах понадобились бы дни, а может быть и недели.

Правда, для быстрого получения указанных итогов (месячных и годовых) может быть приспособлена и бухгалтерская отчетность, путем ведения соответствующих дополнительных счетов, но при этом условии, что приобретается во времени, теряется в затрате труда, чего нет при отчетности статистической.

Есть и еще очень важное преимущество на стороне статистической отчетности.

Формуляры употребляемые при статистической отчетности приспособлены для статистического использования содержащихся в них цифр.

Для полного понимания всей работы распределительных сетей и отдельных распределительных пунктов необходимо статистическое изучение всех материалов, в том числе и содержащихся в отчетных ведомостях, характеризующих условия и результаты их работы. Подобное же изучение неразрывно связано с группировкой отдельных объектов, в нашем примере распределительных пунктов, по различного рода признакам, а в пределах того или иного признака по степени интенсивности его выражения. По каждой из образованных групп должны получаться всевоз-

конечные итоговые цифры, первоначально в своем абсолютном выражении, а затем преобразованные в относительные величины или средние числа.

Имея дело с формулярами статистической отчетности, мы можем легко проделывать все группировочные работы и быстро получать необходимые итоги. Стоит лишь выяснить, в какую группу попадает каждый распределительный пункт, затем рассортировать все отчетные ведомости и подбить все требующиеся итоги, одним словом, произвести работу, требующую минуты и часы времени.

При бухгалтерской отчетности получение подобных данных возможно исключительно путем специальных выборок необходимых данных из счетов соответствующих распределительных пунктов. Никакие дополнительные счета делу помочь не смогут, так как невозможно заранее предусмотреть состав различных групп и принадлежность к ним отдельных распределительных пунктов.

Для статистической разработки при существовании бухгалтерского учета пришлось бы все равно применить те же формуляры, что мы имеем при статистической отчетности, но заполнение их основывать не на самостоятельно добытых данных, а полученных из бухгалтерских книг.

Мы приобрели бы большую точность цифр, но со всеми статистическими выводами опаздывали бы на тот срок, который требуется для получения всех данных при бухгалтерском учете, т. е. наши выводы потеряли бы большую часть своей практической ценности, о чем мы говорили несколько выше.

Нам остается остановиться еще на одном существенном вопросе—взаимоотношениях между рассмотренными нами методами учета—бухгалтерским и статистическим, и в частности на вопросе о том, что исключает ли применение одного метода применение другого, или же возможно и параллельное их применение

Решить в категорической форме этот вопрос без эмпирических данных мы считаем невозможным.

Логически мысля, надо сказать, что статистический метод вполне заменять бухгалтерию не может и бухгалтерия со своими наиболее точными данными, хотя и опаздывающая с результативными данными, существовать должна. В силу этого параллельное существование и бухгалтерского и статистического учета вполне и допустимо и естественно. При помощи каждого из них достигаются свои собственные задачи.

Но в отдельных случаях, при неналаженности того и другого метода учета, при отсутствии достаточного количества опытных работников, возможен *временный* отказ от бухгалтерского метода в пользу применения одного статистического метода учета, как более быстрого и требующего меньшего количества рабочей силы для своего существования.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Материал, легший в основание всего выше написанного, был собран в 1918 и в первые месяцы 1919 г.г. Текстовая обработка их была закончена год назад (в июле 1919 г.). И лишь типографские условия помешали опубликованию книги более своевременно, чем то имеет место.

Не имея возможности произвести столь же подробный обзор и разбор всего того, что произошло в области распределения за полтора года, протекшие с момента окончания собирания материалов, нельзя тем не менее обойти полным молчанием факты этого времени, внесшие много нового в изучаемую данной книгой область.

Место и время позволяет сделать обзор подобных фактов в самых общих чертах.

Наиболее важные изменения произошли в отношении принципов распределения продуктов и предметов между населением.

Отмеченная нами в надлежащем месте неудовлетворительность всех систем распределения, существовавших до марта 1919 г., в отношении отсутствия в них строго определенной хозяйственной справедливости, которая только одна могла сдвинуть промышленность с мертвой точки, поскольку этот сдвиг связан с продовольственным обеспечением рабочих, вызвала к жизни за истекшие полтора года первоначально, так называемый, „продфазтоповский“ паек, затем установление целого ряда специальных пайков для лиц, занятых в наиболее важных отраслях народного хозяйства и, наконец, в самое последнее время, „трудовой паек“, с ясно выраженной хозяйственной справедливостью распределения продуктов и предметов между взрослым населением. Одновременное существование специальных детских пайков, также с ясно выраженной справедливостью социального характера, в корне меняет всю систему распределения, существовавшую полтора года назад, делая ее более совершенной и приспособленной к современным условиям народно-хозяйственного существования.

Крупные изменения произошли и в самой организации распределительного дела.

Прежде всего надо отметить то важное обстоятельство, что центральный государственный продовольственный орган, наконец, вплотную подошел к вопросам организации непосредственного распределения, результатом чего мы имеем обобщение уже имеющегося опыта работы и творчества в этой области местных органов и использование его для создания целого ряда общегосударственных инструкций, направляющих по однообразному руслу работу отдельных местных распределительных органов.

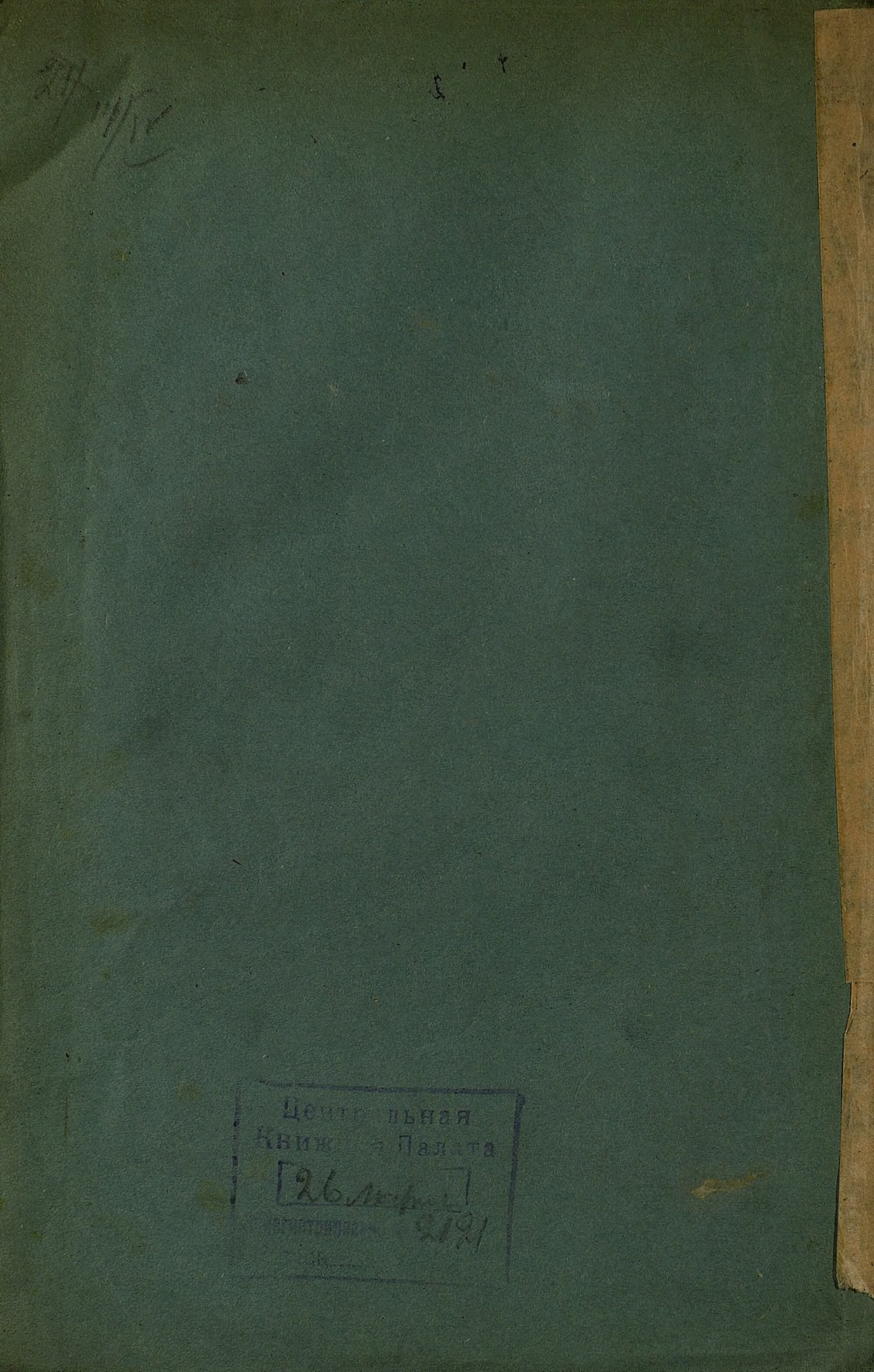
К сожалению, мы лишены возможности дать им критическую оценку. Можем лишь сказать, что наблюдение работы распределительных органов за истекшие полтора года еще более укрепили нас в правильности выводов, сделанных нами выше, что предопределяет наше отношение к существу мероприятий, проводимых в инструкциях Наркомпрода.

Затем должен быть констатирован факт завершения преобразования распределительных аппаратов, с сосредоточением всего дела распределения в реорганизованной и ставшей единой кооперации.

И в заключение необходимо отметить и печальный факт.

В области учета распределительные органы не сделали ничего существенного, и в этом отношении дело обстоит также мало удовлетворительно, как и раньше, в период времени подробно нами изученный.

1/VII 1920.

Центр... льная
Книж... Палата
26 ...
...1921